

The Elder Scrolls V

SKYRIM[®]

ХРОНИКИ

The Elder Scrolls V

SKYRIM

ХРОНИКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

Special thanks to Todd Howard, Bruce Nesmith, Kurt Kuhlmann, Emil Pagliarulo, Brian Chapin, John Paul Duvall, Shane Liesegang, Alan Nances, William Shen, Matt Daniels, Nate Ellis, Matthew Carofano, Ray Lederer, Adam Adamowicz and Natalia Smirnova with Bethesda Game Studios. Special thanks to Steve Perkins and Paris Nourmohammadi, and Mike Wagner with Bethesda Softworks.

Печатается с разрешения издательства Titan Publishing Group Ltd., 144 Southwark St., London, SE1 0UP, United Kingdom.

Перевод текстов в настоящем издании приводится по официальной русской локализации игры THE ELDER SCROLLS V: Skyrim® от ООО "IC-СофтКлад". Перевод книг, впервые опубликованных в более ранних играх серии (THE ELDER SCROLLS IV: Oblivion®, THE ELDER SCROLLS III: Morrowind® и др.), выполнен коллективом сайта tes.ag.ru и также приводится по официальной русской локализации.

Редактор перевода Наталья "Santera" Рахманова, координатор Сергей "DJ Kovrik" Васильченко.

Скайрим. Хроники / пер. с англ. Н. Рахмановой, У. Борогеевой, В. Грудина. – Москва : Издательство Б59 АСТ, 2017. – 240 с. : ил. – (Графическая новелла).

ISBN: 978-1-783-29319-3. (Titan Publishing Group Ltd.)

ISBN: 978-5-17-094346-3. (ООО "Издательство АСТ")

"Говорят, Скайрим — одно из самых опасных мест в Тамриэле. Думаю, это не так. Он прекрасен, и я счастлива, что это — мой дом". — Мьол Львица.

Путеводитель по миру "The Elder Scrolls V: Skyrim" расскажет об истории и обычаях одной из самых северных провинций Тамриэля — Скайрима. Разумеется, этот варварский и неотесанный край не отличается гостеприимством, но его хроники наполнены дикой и жестокой красотой — здесь вас ждут старые легенды о древних богах и правителях и вдохновляющие истории о героях, рассказы о похотливых аргонианских девах и хитрых каджитах, — необходимо лишь иметь достаточно воли, чтобы прочесть их, и достаточно вкуса, чтобы оценить их по достоинству.

www.elderscrolls.com

www.bethsoft.com

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

THE ELDER SCROLLS V: SKYRIM®
THE SKYRIM LIBRARY, VOLUME I: THE HISTORIES

СКАЙРИМ
Хроники

16+

Все права защищены. Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена или использована в какой-либо форме, включая электронную, фотокопирование, магнитную запись или какие-либо иные способы хранения и воспроизведения информации, без предварительного письменного разрешения правообладателя.

Ведущий редактор Анна Рахманова

Старший редактор перевода Наталья Рахманова

Корректор Алексей Волков

Подготовка иллюстраций Игнат Соловей

Русская версия гарнитуры Антонина Дарыина

Технический редактор Татьяна Тимошина

Компьютерная верстка Анны Грених

Гарнитура Kingthings Petrock (by Kevin King). Формат 84x108/16 Усл. печ. л. 25,2

Подписано в печать 10.11.2016 Тираж 3000 экз. Заказ

Общероссийский классификатор продукции

ОК-005-93, том 2; 953000 – книги и брошюры

ООО "Издательство АСТ"

129085, Москва, Звездный бульвар, д.21, строение 3, комната 5

Содержание

ИСТОРИЯ

Краткая история Империи	8
Социальная история Сиродила	18
Война Первого совета	20
Пять песен о короле Вулфхарте	21
Тайная песнь Вулфхарта Пепельного Короля	23
Реманада	26
Третья эра: Краткая хронология	29
Краткая жизнь Уриэля Септима VII	32
Доклад Имперской комиссии по расследованию катастрофы у Ионита	35
К вопросу о Прорыве Дракона	45
Где ты был во время Прорыва Дракона?	46
Безумие Пелагиуса	48
Танец в огне	51
Аргонианский доклад	88
Похотливая аргонианская дева	108
Страстный бард-аргонианин	109
Королева-волчица	110
Великая война между Империей и Альдмерским Доминионом	142
Биография королевы Барензии	149
Бунт в Фестхолде	154

СКАЙРИМ

Путеводитель по Скайриму для исследователей	161
Песни Скайрима	163
Власть Скайрима глазами чужеземца	167
Владения Скайрима: Справочник старшего офицера	170
Вайтран: путеводитель для джентльменов	175
Пешком по миру, Том XI: Солитьюд	179

Город Камня: путеводитель по Маркарту для наемников	183
О Скрещенных Кинжалах: история Рифтена	187
Язва Квартала серых	188
Письма из Виндхельма	190
Легкий шаг: Нордские руины Скайрима	192
Смерть путешественника	195
Падение Саартала	200
Малый лабиринт: Шалидор и Лабиринтиан	202
Страж и Предатель	204

МОРРОВИНД

Краткая история Морровинда	208
Красный год	210
История Вороньей Скалы	214

ДРАКОНЫ

Таинственный Акавир	220
О Драконорождённых	222
Война драконов	225
Олаф и дракон	226
Там водятся драконы	229
Падение Азидала	231
Дихотомия Алдуин-Акатош	232
Алдуин есть и он не Акатош	235
Драконий язык: больше не миф	237

ИСТОРИЯ

Краткая история Империи

Автор: Стронах к'Тродж III
Императорский историк

Часть первая

До начала правления Тайбера Септима Тамриэль пребывал в хаосе. Поэт Траки-зис назвал этот период постоянных беспорядков “днями и ночами крови и злобы”. Короли были просто жадными тиранами, пытавшимися помешать попыткам Тайбера навести в стране порядок. Но они были столь же неорганизованны, сколь и распущенны, и сильная рука Септима принесла в Тамриэль мир. То был год 23 896. Следующий год император объявил началом новой эры — так началась Третья эра, Год нулевой.

Тридцать восемь лет всей полнотой власти обладал император Тайбер. Это было время славы, праведности, торжества закона, когда правосудие было одинаковым для всех, от раба до монарха. Когда Тайбер умер, целую ночь шел дождь, как будто сама земля Тамриэля плакала о нем.

Трон занял наследник императора, Пелагиус (в новейшей историографии принято называть его Пелагием, как и всех других императоров, носивших то же имя. — Прим. издателя). Хотя правление его было коротким, он оказался таким же сильным и решительным, как его отец, и Тамриэль наслаждался продлением Золотого века. Однако к несчастью, неизвестный враг семьи Септимов нанял головорезов из Богомерзкого Темного Братства, чтобы убить императора Пелагиуса I, когда он опустился на колени, чтобы помолиться в Храме Единого в Имперском городе. Правление Пелагиуса I продолжалось менее трех лет.

Пелагиус не оставил наследников, так что корона Империи перешла к его старшей двоюродной сестре, дочери брата Тайбера, Агнорита. Кинтира, бывшая королева Сильвенара, заняла трон под именем Кинтиры I. Время ее правления было временем процветания и хороших урожаев, а сама она была покровительницей живописи, музыки и танцев.

Сын Кинтиры был коронован после ее смерти, и стал первым императором Тамриэля, принявшим имя Уриэль. Уриэль I был крупнейшим законотворцем династии Септимов и покровителем независимых организаций и гильдий. Во время его великодушного, но твердого правления, в Тамриэле усилилось влияние гильдий бойцов и магов. Его сын и наследник Уриэль II правил восемнадцать лет, со смерти Уриэля I в 33 64 до восшествия на престол Пелагиуса II в 33 82. К несчастью, правление Уриэля II было отмечено болезнями, эпидемиями и восстаниями. Мягкость, которую он унаследовал от своего отца, не сослужила Тамриэлю хорошей службы, и правосудие было забыто.

Пелагиус II унаследовал от своего отца не только трон, но пустую казну и пошатнувшуюся систему правосудия. Пелагиус распустил Совет Старейшин, и позволил снова занять свои места только тем, кто согласен был заплатить за это крупную сумму.

Он вдохновил на подобные действия своих вассалов, королей Тамриэля, и к концу его семнадцатилетнего правления Тамриэль вернулся к процветанию. Однако критики утверждали, что советники, обладавшие мудростью, но не деньгами, были безжалостно изгнаны Пелагиусом. Возможно, именно это стало причиной трудностей, с которыми столкнулся его сын Антиохус, когда в свою очередь стал императором.

Антиохус, безусловно, был одним из самых легкомысленных представителей обычно аскетичной семьи Септимов. У него было множество любовниц и почти столько же жен, он славился изысканством платья и остроумием. К несчастью, во время его правления разразилась гражданская война, превзошедшая жестокостью даже мятежи, происходившие при его дедушке Уриэле II. Война Острова в 3Э 110, начавшаяся через двенадцать лет после того, как Антиохус занял трон, едва не привела к выходу острова Саммерсет из состава Империи. Объединенными силами короля Саммерсета

КАЛЕНДАРЬ СКАЙРИМА

В году 12 месяцев:

1. Утренней звезды
2. Восхода солнца
3. Первого зерна
4. Руки дождя
5. Второго зерна
6. Середины года
7. Высокого солнца
8. Последнего зерна
9. Огня очага
10. Начала морозов
11. Заката солнца
12. Вечерней звезды

В неделе 7 дней:

1. Морндас
2. Турдас
3. Миддас
4. Турдас
5. Фредас
6. Лордас
7. Сандас

и Антиохуса удалось победить короля Органа из островного королевства Пиандонея только благодаря ужасному шторму. Согласно легенде, этот шторм был создан благодаря чародейству Псиджикского ордена острова Артейум.

История Кинтиры II, наследницы трона ее отца, Антиохуса, безусловно, одна из печальнейших повестей во всей истории Тамриэля. Ее старший двоюродный брат Уриэль, сын королевы Потемы из Солитьюда, обвинил Кинтиру в том, что она незаконнорожденная, ссылаясь на ставшую притчей во языцех распущенность нравов в Имперском городе во время правления ее отца. Хотя Уриэлю не удалось отменить ее коронацию, он заручился поддержкой нескольких недовольных королей Хай Рока, Скайрима и Морровинда, а затем, с помощью королевы Потемы, организовал три атаки на Империю Септима.

Первая атака имела место у залива Илиак, отделявшего Хай Рок от Хаммерфелла. Свиту Кинтиры перебили и императрицу захватили в плен. Целых два года Кинтира II чахла в имперской тюрьме, очевидно, в Гленпойнте или в Гленмориле, после чего была убита в своей камере при загадочных обстоятельствах. Вторая атака была предпринята на имперские гарнизоны на прибрежных островах Морровинда. Консорт императрицы, Контин Аринкс, пал, защищая эти форты. Третьей и последней атакой была осада самой столицы, начавшаяся после того, как Совет Старейшин разделил армию и направил часть ее в западный Хай Рок, а часть в восточный Морровинд. Правительству нечем было защититься от агрессии Уриэля, и город сдался, выстояв лишь одну ночь. Уриэль занял трон в тот же вечер и объявил себя Уриэлем III, императором Тамриэля. То был год 3Э 121.

Часть вторая

В первом томе этой серии кратко описана жизнь первых восьми императоров династии Септимов, начиная от достославного Тайдера Септима и заканчивая его прапрапраправнучкой Кинтирой II. Убийство Кинтиры, находившейся в плену в Гленпойнте, по мнению некоторых исследователей, означало прерывание чистой крови Септимов в императорской семье. Как бы то ни было, ее гибель, безусловно, стала концом очень значительного периода.

Уриэль III объявил себя не только императором Тамриэля, но и Уриэлем Септимом III, взяв родовое имя Септим как знак императорской власти. На самом деле, по линии отца он был урожденным Мантиарко. Через некоторое время Уриэль III был смещен и получил сполна за все свои преступления, но традиция принятия имени Септим как титула императора Тамриэля была положена.

Шесть долгих лет война Красного Алмаза (получившая свое название благодаря знаменитой эмблеме рода Септимов) разрывала Империю на части. В борьбе за власть сошлись все трое оставшихся в живых детей Пелагуса II, Потема, Сефорус и Магнус, а также их бесчисленное потомство. Потема, разумеется, поддерживала своего сына, Уриэля III, на ее стороне был весь Скайрим и северный Морровинд. Однако усилиями Сефоруса и Магнуса провинция Хай Рок отвернулась от Потемы и перешла на сторону братьев. Мнения в провинциях Хаммерфелл, остров Саммерсет, Валенвуд, Эльсвейр и Чернотопье разделились, но большинство королей поддерживало все же Магнуса и Сефоруса.

В 3Э 127 Уриэль III был захвачен в плен во время битвы при Ичидаге в Хаммерфелле. Когда его везли на суд в Имперский город, чернь захватила повоз-

ку арестованного императора и сожгла его живым. Его дядя продолжил свой путь в столицу и, к общей радости, был провозглашен Сефорусом I, императором Тамриэля.

Правление Сефоруса не было примечательно ничем, кроме войн. Он был мягким и умным человеком, но Тамриэлю в тот момент нужен был великий воин, и, по счастью, Сефорус подошел на эту роль. Ему потребовалось еще десять лет непрерывных военных действий, чтобы окончательно разбить свою сестру Потему. Так называемая Королева-Волчица Солитьюда погибла в 137 году при осаде ее города-государства. Сефорус пережил свою сестру только на три года. Из-за постоянных войн у него не нашлось времени жениться, так что трон перешел к его брату, четвертому ребенку Пелагиуса II.

Император Магнус был уже в почтенном возрасте, когда получил императорскую корону, ему выпало наказывать королей-изменников, участвовавших в войне Красного Алмаза, и это отняло у него оставшиеся силы. Легенды обвиняют сына и наследника Магнуса Пелагиуса III в отцеубийстве, но это маловероятно — по той простой причине, что после смерти Потемы Пелагиус стал королем Солитьюда и редко бывал в Имперском городе.

Пелагиус III, иногда называемый Пелагиусом Безумным, был провозглашен императором в 145 году Третьей эры. Практически с самого начала его правления многие при дворе отмечали его эксцентричность. Он сбивал с толку сановников, оскорблял королей-вассалов и, в конце концов, предпринял попытку повеситься на императорском балу. После этого его многострадальная жена получила статус

регентши, а Пелагиус III был отправлен в соответствующие лечебные учреждения, где и пробыл до самой смерти, наступившей в 153 году Третьей эры. Он прожил всего тридцать четыре года.

После смерти супруга, регентша была провозглашена императрицей Катарией I. Некоторые считают, что восшествие на престол темного эльфа обозначило очередной (вспомним смерть Кинтиры II) конец рода Септимов. Другие возражают, что, хотя Катария и не была связана с Тайбером кровными узами, их с Пелагиусом сын был связан, так что династия не прерывалась. Чтобы не говорили ревнители чистоты крови, сорокашестилетнее правление Катарии было одним из самых блистательных в истории Тамриэля. Чувствуя себя неловко в Имперском городе, Катария путешествовала по Империи больше любого из императоров со времен Тайбера. Она исправила почти весь вред, причиненный ошибками предыдущих монархов. Простой народ Тамриэля любил свою императрицу гораздо больше, чем знать. Гибель Катарии в незначительной стычке в Чернотопье — любимая тема обожающих скандалы историков. Взять хоть исследование мудреца Монталиуса, в котором он рассматривает возможную причастность к событиям лишенной престола ветви рода Септимов.

Кассиндер занял трон после смерти своей матери, уже достигнув среднего возраста. Будучи эльфом лишь наполовину, он был подвержен старению примерно в том же темпе, как бретонцы. Из-за плохого здоровья он уже передал управление Вэйрестом своему сводному брату Уриэлю. Несмотря на это, как единственный кровный родственник Пелагиуса, а, следовательно, и Тайбера, он был вынужден занять трон. Правление императора Кассиндера, как все и ожидали, не продлилось долго. Через два года он присоединился к своим предкам в мире ином.

Уриэль Лариат, сводный брат Кассиндера, сын Катарии I и консорта Галливера Лариата (после смерти Пелагиуса III), покинул королевство Вэйрест, чтобы занять трон как император Уриэль IV. Формально Уриэль IV был Септимом: Кассиндер принял его в королевскую семью, когда он стал королем Вэйреста. Однако для Совета и народа Тамриэля он был всего лишь незаконным сыном Катарии. Уриэль не обладал энергичностью своей матери, и во время его долгого сорокатрехлетнего правления мятежи стали обычным делом.

Часть третья

В первом томе этой серии вкратце изложена история правления первых восьми императоров династии Септимов, от Тайбера I до Кинтиры II. Второй том описывает войну Красного Алмаза и жизнь шести императоров, взошедших на трон во время и после нее, от Уриэля III до Кассиндера I. В конце второго тома было описано, как сводный брат императора Кассиндера Уриэль IV занял трон Империи Тамриэля.

Следует напомнить, что Уриэль IV не был Септимом по рождению. Его мать, хотя и правила Империей много лет, была темным эльфом и женой императора крови Септимов, Пелагиуса III. Отец Уриэля IV, бретонский аристократ по имени Галливер Лариат, был консортом Катарии I после смерти Пелагиуса. До восшествия на трон Империи, Кассиндер I правил королевством Вэй-

рест, но из-за плохого здоровья вынужден был отойти от дел. У Кассиндера не было детей, так что он официально признал наследником своего брата Уриэля и отрекся от королевского престола. Семь лет спустя, по смерти его матери, Кассиндер унаследовал Империю, а еще через три года Уриэль снова оказался преемником Кассиндера.

Правление Уриэля IV было долгим и трудным. Несмотря на то, что он был официально признанным членом семьи Септимов и, вдобавок, дальним родственником Септимов по линии его отца, Лариата, лишь немногих из Совета Старейшин удалось убедить считать его кровным потомком Тайбера. Совет приобрел большой вес за время долгого правления Катарины I и короткого — Кассиндера I, и “чужой” монарх с сильной волей, каким был Уриэль IV, обнаружил, что управлять им очень и очень нелегко. Раз за разом Совет и император мерялись силами, и раз за разом Совет выигрывал бой. Со времен Пелагиуса II Совет Старейшин состоял из богатейших мужчин и женщин Империи, и обладал исключительной властью.

Последняя победа Совета над Уриэлем IV была посмертной. В ЗЭ 247 Андорак, сын Уриэля IV, был лишен Советом права наследования, а его двоюродный брат, более тесно связанный с первоначальной линией Септимов, был провозглашен Сеффорусом II. В течение первых девяти лет правления Сеффоруса II, те, кто был предан Андораку, сражались с войсками Империи. Тогда Совет сделал жест, который мудрец Эреинтин прокомментировал так: “Сердце Тайбера Септима больше не бьется. Совет даровал Андораку королевство Шорнхельм в Хай Роке, чтобы положить конец войне. Потомки Андорака правят там до сих пор”.

Отметим, у Сеффоруса II были враги, которые требовали его внимания значительно больше, чем Андорак. “Словно из киммерийского ночного кошмара”, выражаясь словами Эреинтина, возник человек, называвший себя Камораном Узурпатором. Узурпатор провел армию даэдра и нежити через Валенвуд, захватывая королевство за королевством. Немногие могли хоть как-то противостоять его силе, в ЗЭ 249 один кровавый месяц сменялся другим, все меньше становилось тех, кто пытался оказать сопротивление. Сеффорус II направлял в Хаммерфелл все новых и новых наемников, чтобы остановить наступление Узурпатора на север, но их перекупали или убивали и превращали в нежить.

История Узурпатора Каморана заслуживает того, чтобы стать темой отдельной книги. (Тем, кто заинтересовался, мы рекомендуем найти “Падение Узурпатора” Палокса Иллтри.) Вкратце, сообщим, что уничтожением войск Узурпатора мы обязаны отнюдь не усилиям императора. Победу праздновали провинции, а отношение их к очевидно “бесполезной” Империи резко ухудшилось.

Уриэлю V, сыну и наследнику Сеффоруса II, удалось изменить это мнение и показать силу Империи. Уриэль V переключил внимание народа Тамриэля с внутренних свар на серию захватнических войн, начатую им практически в момент вступления на престол в ЗЭ 268. Уриэль V завоевал Роскреа в 271, Катноквей в 276, Инслеа в 279 и Эсрониэт в 284. В ЗЭ 288 он приступил к своему самому амбициозному плану, захвату континентального королевства Акавир. И это, безусловно, была ошибка, ибо всего через два года Уриэль V был убит в Акавире на поле боя у Ионита. Несмотря на это, Уриэль V удерживает репутацию второго после Тайбера величайшего воина на троне Империи.

Красная кольцевая дорога

Имперский город

Озеро
Румаре

Река Белая Роза

Верхний Иибен
Иибенейская
долина

Часть четвертая

В первом томе этой серии вкратце изложена история правления первых восьми императоров династии Септимов, от Тайбера I до Кинтиры II. Второй том описывает войну Красного Алмаза и жизнь шести императоров, вззошедших на трон во время и после нее, от Уриэля III до Кассиндера I. Третий том рассказывает о следующих трех императорах: разочарованном Уриэле IV, слабом Сефорузе II и героическом Уриэле V.

К моменту смерти Уриэля V за морем в далеком враждебном Акавире, его сыну Уриэлю VI было всего пять лет. Уриэль VI родился незадолго до того, как его отец отправился в Акавир. Кроме него, у Уриэля V было двое детей от морганатического брака, близнецы Морихата и Элоиза, которые родились через месяц после отъезда Уриэля V. Уриэль VI был коронован в 290 году Третьей эры. Вдова императора и мать его сына, Тоника, получила ограниченное право на регентство, пока Уриэль VI не достигнет совершеннолетия. Реальной властью обладал Совет Старейшин, как это и было еще со времен Катарии I.

Совет так наслаждался ничем не ограниченной свободой издавать законы (и получать выгоду), что Уриэль VI не мог получить права на трон вплоть до 307 года, когда ему исполнилось 22 года. Его потихоньку готовили к предстоящей ему ответственности, но и Совет, и его мать, радовавшаяся даже своему ограниченному регентству, не спешили передавать ему бразды правления. К тому времени, когда он вззошел на престол, у него не было практически никаких рычагов власти за исключением императорского права вето.

Однако этим рычагом он регулярно и сознательно пользовался. К 313 году Уриэль VI мог похвастаться тем, что действительно правил Тамриэлем. Он использовал обширную сеть шпионов и гвардейцев, чтобы сдерживать и запугивать несогласных членов Совета Старейшин. Его сводная сестра Морихата была (что неудивительно) его верной союзницей, особенно после того, как, выйдя замуж за барона Ульфа Герсена из Винтерхолда, стала распоряжаться значительными средствами и приобрела большое влияние. Как сказал мудрец Угаридж, "Уриэль V завоевал Эсрониэт, но Уриэль VI завоевал Совет Старейшин".

Когда Уриэль VI упал с лошади, и его не смогли спасти лучшие целители Империи, императорская корона перешла к его возлюбленной сестре Морихате. Ей было 25 лет, и все дипломаты (разумеется, исходя из собственных интересов) описывали ее, как самое прекрасное создание во всем Тамриэле. Она, безусловно, была хорошо образованной, жизнелюбивой, атлетически сложенной и очень практичной женщиной. Она привезла в Столицу архимагистра Скайрима и сделала его имперским боевым магом — вторым со времен Тайбера Септима.

Морихата закончила дело, начатое ее братом, и заставила Имперскую провинцию полностью подчиниться императрице (а впоследствии императорам). Однако вне Имперской провинции Империя медленно разрушалась. Открытые мятежи и гражданские войны бушевали повсюду еще со времен ее деда, императора Сефоруза II. Тщательно координируя свои контрудары, Морихата медленно завоевывала восставших вассалов, при этом никогда особенно не истощая ресурсы.

Хотя военные кампании Морихаты всегда были успешными, ее манера тщательно обдумывать свои действия часто расстраивала Совет. Один из советников, аргонианин, принявший коловианское имя Торикл Рому, в ярости от ее отказа по-

слать войска в Чернотопье, как говорит молва, нанял убийц, лишивших ее жизни в ЗЭ 339. Ромул был схвачен и казнен, хотя до последнего момента утверждал, что ни в чем не виновен.

У Морихаты не осталось детей, а Элоиза умерла от лихорадки за 4 года до смерти сестры. Так был коронован 25-летний сын Элоизы Пелагиус, взошедший на трон под именем Пелагиус IV. Пелагиус IV продолжил дело своей тетки, медленно прибирая под свое крыло восставшие королевства, герцогства, и баронства по всей Империи. Как и Морихата, он действовал очень осторожно и взвешенно – но, увы, ему не удалось достичь таких успехов, как ей. Королевства так долго были свободны от всякой узды, что даже незначительное вмешательство Империи в их дела вызывало возмущение. Однако, когда Пелагиус скончался, процарствовав целых сорок девять лет, Тамриэль был близок к единству даже более, чем во времена Уриэля I.

Наш нынешний император, грозный и ужасный его величество Уриэль Септим VII, сын Пелагиуса IV, обладает усердием своей двоюродной бабушки Морихаты, политической мудростью двоюродного деда Уриэля VI и военным дарованием своего прадеда Уриэля V. Он правит уже двадцать один год, и принес в Тамриэль закон и порядок. Однако в ЗЭ 389 его императорский боевой маг Джагар Тарн предал его.

Уриэль VII был заключен в другом измерении, созданном Тарном, а злокозненный маг использовал иллюзии, чтобы выдавать себя за императора. На протяжении последующих десяти лет Тарн правил страной, но не продолжил список завоеваний Уриэля VII. До сих пор точно неизвестно, каковы были истинные цели и достижения Тарна в те десять лет, когда он выдавал себя за своего господина. В ЗЭ 399 загадочный Воитель покончил с боевым магом в подземельях под Имперским дворцом и освободил Уриэля VII из заключения.

С момента своего освобождения Уриэль Септим VII сражается за воссоединение Тамриэля. Правление Тарна отбросило страну назад, это верно, но прошедшие с той поры годы вновь вернули нам надежду на возвращение Золотого века славного правления Тайбера Септима.

Социальная история Сиродила

Гвилим Пресс 3Э 344

Историки часто описывают расселение людей по Тамриэлю, как процесс военной экспансии нордов Скайрима. В действительности, люди жили практически в каждом уголке Тамриэля еще до основания Скайрима. Эти так называемые “недийские народы” состояли из прото-сиродильцев, предков бретонцев, уроженцев Хаммерфелла и возможно уже исчезнувшего людского населения Морровинда. Строго говоря, норды — народ той же недийской группы, они единственные не смогли найти способ мирно уживаться с эльфами, к тому моменту уже заселившими Тамриэль.

Определенно, Исграмор не был первым человеком, обосновавшимся в Тамриэле. На самом деле, "бежав от гражданской войны в Атморе", как говорится в "Песне возвращения", Исграмор поступил так, как поступали сотни атморанцев до него; Тамриэль служил приютом для беженцев из Атморы уже за многие столетия до высадки Исграмора. Недовольные, раскольники, повстанцы, безземельные младшие сыновья — всех их, несмотря на трудности пути, манил "Новый мир" Тамриэля. По данным последних археологических раскопок, ранние поселения людей в Хаммерфелле, Хай Роке и Сиродиле датируются 800–1000 годами Меретической эры, то есть, за века до прибытия Исграмора, даже в предположении, что двенадцать "королей" нордов, предшественников Харальда, были реальными историческими фигурами.

Недийские народы были национальным меньшинством на земле эльфов. У них не было иного выбора, кроме как жить в мире со старшей расой. В Хай Роке, Хаммерфелле, Сиродиле и, возможно, Морровинде, где они именно так и поступали, недийские народы процветали и становились многочисленнее в последние столетия Меретической эры. Только в Скайрине им не удалось прижиться, это описано в "Песне возвращения". Возможно, ощущая близость крепкого плеча Атморы, прото-норды не считали нужным подчиняться власти скайримских эльфов. И действительно, в ранних хрониках северян говорится, что во время правления короля Харальда, первого по историческим документам правителя нордов (13 113–221), "атморанские наемники вернулись домой" после объединения Скайрима в централизованное королевство. Как бы там ни было, модель была выстроена — на севере шла военная экспансия, по мере продвижения границ завоевания происходило заселение людьми новых территорий, и линия раздела между землями людей и эльфов оставалась относительно четкой.

Но вне этой "зоны конфликта" другие недийские народы продолжали сродняться со своими соседями-эльфами. Когда армии нордов Первой империи наконец вторглись в Хай Рок и Сиродил, то обнаружили, что бретонцы и прото-сиродильцы уже спокойно живут среди эльфов. Более того, норды с трудом могли отличить эльфа от бретонца — до такой степени дошло смешение этих рас. С появлением армий северян равновесие сил между недийскими народами и эльфами было нарушено. Хоть пребывание нордов в Хай Роке и Сиродиле длилось относительно короткий период (менее двух веков), результат его имел решающее значение: с этого времени власть в тех регионах перешла от эльфов к людям.

Война Первого совета

Автор: Агриппа Фундилиус

Этот очерк Имперского ученого Агриппы Фундилиуса основан на различных имперских и данмерских источниках и написан для западных читателей.

Войной Первого совета называют произошедший в первом веке религиозный конфликт между данмерскими Домами: светскими (Двемер и Дагот) и ортодоксальными (Индорил, Редоран, Дрес, Хлаалу и Телванни). Первый совет был первым общим для всех темных эльфов органом управления, но в итоге он развалился из-за разных взглядов на используемые двемерами чары и волшебство, которые остальные Дома сочли нечестивыми.

Светские Дома были малочисленны, но продвинуты как в плане политики, так и в магических искусствах. Они пообещали кланам нордов и орков земли и заручились их поддержкой. Сперва они с большим успехом повели боевые действия на севере Морровинда, заняв большую часть земель, ныне образующих округа Редоран, Вварденфелл и Телванни. Ортодоксальные Дома, силы которых были рассредоточены и плохо организованы, терпели поражение за поражением, пока во главе всех войск не встал генерал Неревар.

Неревар заручился поддержкой кочевых варварских племен и решил дать главное сражение противнику у его крепости на Красной горе на острове Вварденфелл. Прибегнув к помощи эшлендерских разведчиков, он тактически перехитрил войска светских Домов и разбил их, вынудив оставшихся в живых искать убежища в двемерской твердыне на Красной горе.

После непродолжительной осады измена открыла Неревару и его войскам проход в крепость, где они перебили вождей противника, однако сам Неревар получил смертельные ранения. За этим последовала массовая резня, и Дома Двемер и Дагот были уничтожены. Вскоре после этого Неревар скончался от полученных ран.

Троим соратникам Неревара из ортодоксальных Домов — Вивеку, Альмалексии и Соте Силу — удалось взять под свой контроль вновь образованный Первый совет, переименовав его в Великий совет Морровинда, и впоследствии они стали богами-королями и бессмертными правителями Морровинда. Этих троих владык ныне называют Трибунал, или Альмсиви.

Пять песен о короле Вулфхарте

ЯЗЫК ШОРА

Первая песнь о короле Вулфхарте очень старая, датируется приблизительно 12500. После поражения алессуанской армии у Гленумбрийских вересков, где был убит король Хоуг Гроза Эльфов, советом военачальников был избран Вулфхарт из Атмори. Его ту'ум был столь могуч, что он не мог произнести присягу вслух, не повредив при этом окружающим, поэтому писари должны были записывать его речи. Сразу же после этого они записали первый указ нового правителя: Вулфхарт восстанавливал традиционный нордический пантеон. Эдикты объявлялись вне закона, их жрецы приговаривались к казни, а храмы уничтожались. Тень короля Боргаса была предана забвению. За свою фанатичность король Вулфхарт был назван Языком Шора, а также Исмиром, Драконом Севера.

СЫН КИН

Вторая песнь о короле Вулфхарте прославляет его подвиги в глазах древних богов. Он сражается с восточными орками и криком отправляет их короля в Ад. Он отстраивает 418-й шаг Великого Хротгара, который был поврежден драконом. После того, как он проглотил грозовую тучу, чтобы его армия не простудилась, норды называли его Дыханием Кин.

СТАРЫЙ ВОРЧУН

В третьей песне о короле Вулфхарте рассказывается о его смерти. Оркей, вражеский бог, всегда хотел уничтожить нордов, даже в самой Атморе, где он попытался похитить их годы. Видя силу короля Вулфхарта, Оркей снова призвал призрака Альдуина Пожирателя Времени. Практически каждый норд был омоложен до шестилетнего возраста. Мальчик Вулфхарт воззвал к Шору, мертвому Вождю Богов. И дух Шора сразился с Пожирателем Времени в мире духов, как когда-то в самом начале времен, и победил. Народ Оркея, орки, был уничтожен. Пока мальчик Вулфхарт смотрел на поединок в небесах, он выучил новый ту'ум, Что Случается Когда Ты Так Трясешь Дракона. И Вулфхарт использовал новое заклинание, чтобы вернуть свой народ в обычное состояние. Он так торопился спасти как можно больше людей, что себе самому вернул слишком много лет. Стал он тогда старше самих Седобородых и умер. Огни его погребального костра достигли самого сердца Кин.

ПЕПЕЛЬНЫЙ КОРОЛЬ

Четвертая песнь о короле Вулфхарте рассказывает о его воскрешении. Дварфы и демоны из восточных королевств вновь начали войну, и норды надеялись, что благодаря этому им удастся вернуть свои былые владения. Они хотели напасть сами, но затем передумали, так как поняли, что у них нет сильного лидера, кото-

рый смог бы повести их. И тогда пришел Демон Дагот, поклявшись, что он идет с миром. Он сказал нордам, что знает, где находится Сердце Шора! Давным-давно Вождь Богов был убит эльфийскими гигантами. Они вырвали сердце Шора и использовали его как знамя, чтобы вселять ужас в сердца нордов. Это им удавалось, пока не пришел Исграмор и не наставил их, и норды оправились от страха. Понимая, что проиграют, эльфийские гиганты спрятали Сердце Шора, чтобы норды никогда не смогли воскресить своего бога. Но вот теперь пришел Демон Дагот с хорошими новостями! Сердце находилось у дварфов и демонов, поэтому они и воспряли в последнее время. Тогда норды спросили Демона Дагота, почему он предает своих сородичей, меров. Он ответил, что демоны с момента сотворения все время предают друг друга. Это была правда, и норды поверили ему. Языки вернули в этот мир призраков Шора. Шор вновь собрал армию, как он делал много лет назад. Он собрал прах короля Вулфхарта и воскресил его, так как ему был нужен хороший военачальник. Но Демон Дагот тоже претендовал на пост военачальника. Он сослался на то, что сыграл роль доброго вестника в священной войне. И стало у Шора два военачальника, Пепельный Король и Демон Дагот. И повел Шор сынов Скайрима на восточные королевства.

КРАСНАЯ ГОРА

Печальна пятая песнь о короле Вулфхарте. Выжившие в той катастрофе жили потом под красными небесами. Тот год назван годом Смерти Солнца. Демон Дагот обманул нордов, так как Сердца Шора никогда и не было в восточных королевствах. Как только армия Шора дошла до Красной горы, демоны и дварфы обрушились на них. Их чародеи подняли гору и бросили ее на Шора, заключив его под Красной горой до конца времен. Они убили сынов Скайрима, но перед этим король Вулфхарт уничтожил короля Думалаката Дварфа-Орка и проклял его народ. Потом демон Век отправил Пепельного Короля в Ад. Все было кончено. Позднее Кин подняла пепел пепла Исмира в небеса, спасая его от Ада и показывая своим детям цену предательства. Больше никогда норды не поверят демону.

Тайная песнь Вулфхарта Пепельного Короля

ПРАВДА О КРАСНОЙ ГОРЕ

Сердце Шора находилось в Ресдаине, как и обещал Дагот Ур. Когда армия Шора дошла до западного берега Внутреннего Моря, они посмотрели на Красную гору, за которой собрано было войско двемеров. Разведчики доложили, что войска каймеров только что вышли из Нарсиса, но они почему-то не очень торопятся присоединиться к своим братьям в дорьбе против нордов. Дагот Ур сказал, что Трибунал обманул доверие своего короля, что это Трибунал послал Дагот Ура к Лорхану (так Шора называли в Ресдаине), чтобы Шор смог отомстить дварфам за их гордыню. Мирное соглашение между Нереваром и дварфами будет означать крах велотийских традиций. Поэтому-то они и медлили. Так сказал Дагот Ур.

АРМИИ УВЕЛИЧИВАЮТСЯ

И сказал Лорхан (так называли Шора в Ресдаине): “Я нищу дварфам не по тем причинам, о которых говорит Трибунал. Но я действительно собираюсь уничтожить их и всех тех, кто их поддержит. Этот Неревар — сын Боэтии, одного из сильнейших падомаиков. Он герой для своего народа, несмотря на свой Трибунал. И он соберет достаточно сил, чтобы грядущая битва стала как можно тяжелее. Нам понадобятся еще силы”. И тогда Дагот Ур, который так же сильно желал смерти дварфам, как и Трибунал, пошел к Когорану и призвал под свои знамена чап’тилов, никсгончих, волшебников, лучников и украденного медного человека. А Пепельный Король, Вулфхарт, седой Исмир, заключил мир с орками, презрев обычаи нордов. Они

дали много воинов, но ни одного волшебника. Многие норды не могли смириться, что их заклятые враги будут их союзниками, даже стоя под Красной горой. Они близки были к тому, чтобы покинуть армию. И тогда сказал Вулфхарт: "Неужели вы не видите, где вы находитесь? Неужели вы не знаете, кем является Шор? Неужели вы не понимаете, что это за война?" И посмотрели тогда они на Короля, на Бога, на демонов и на орков. И некоторые поняли. И те, кто понял, остались.

Последняя битва

Неревар принес Разрубатель, кинжал, сделанный из звука тени под луной. Его самыми сильными героями были Думак Король-Дварф, вооруженный божественным молотом, и Аландро Сул, бессмертный сын Азуры, носивший Призрачную броню.

ИСТОРИЯ

И встретились они с Лорханом в последней битве у Красной горы. Лорхан вернул себе свое Сердце. Он отвык от него, поэтому для восстановления ему требовалось время. Вулфхарт сразился с Сулом, но не мог он убить его, поэтому сам умер от страшных ран. Но перед этим ему удалось криком ослепить Сула. Дагот Ур сразился с Дунаком и убил его, но перед этим Разделитель ударил по Сердцу его повелителя. Неревар отвернулся от Лорхана и в гневе поразил Дагот Ура. В этот момент он пропустил смертельный удар от Лорхана. Тогда он притворился умершим, хотя у него еще оставались силы, и неожиданно поразил Лорхана. Сердце уже замерло после удара Разделителя и теперь Разрубатель смог вырезать его. И оно было вырезано, и Лорхан был побежден, страшная сеча окончилась.

Реманада

Глава I

САНКР ТОР И РОЖДЕНИЕ РЕМАНА

В те времена Империя Сиродилов была мертва, хранясь лишь в памяти людской, ибо из-за войн, голода и несправедливости правителей Запад отделился от Востока, и Коловия жила по своим законам уже около четырех сотен лет. Сама земля стонала от такого раскола. Некогда великие западные короли Анвила и Сарчала, Фалькрета и Делодила гордыней и дурными привычками уподобились вороватым баронам и забыли о завете. В центральных же землях было не лучше, знатоки таинств и фальшивые проповедники погрязли в разврате и интригах, и пыльный трон пустовал уже многие поколения. О змеях забыли, никто не желал внимать их предупреждениям, земли полнились призраками и покрывались трещинами, ведущими в холодные гавани. Говорят, что даже Ким-эль Адабал, амулет славы королей, был утерян, и люди не понимали, зачем нужно искать его.

В эти темные времена и появился король Хрол, вышедши из земель, лежавших за потерянным Твилом, с дружиной рыцарей, числом восемнадцать без одного, сынами и дочерьми запада. Были Хролу видения грядущего пришествия змей, и искал он исцеления для земли своих предков. Наконец явился ему дух, который обликом своим напоминал Эль-Эстию, королеву древних времен, и в левой руке она несла драконий огонь Ака-тоша, а в правой руке — камни завета, в груди же ее зияла рана, изливающая пустоту на ее искалеченные ноги. Увидев Эль-Эстию и Ким-эль Адабал, Хрол и рыцари его возопили, и пали на колени, и взмолились

о том, чтобы восторжествовала справедливость. Обратился к ним дух, и сказал: "Я — целительница всех людей и мать драконов, но вы бежали от меня много раз, и я ныне бегу от вас, покуда вы не познаете мою боль, что умерщвляет вас и ваши земли".

И дух бежал от них, но они разделились и пошли по холмам и лесам, чтобы найти ее, проклиная падение свое. Хрол и его оруженосец были единственными, кто смог найти ее, и король сказал ей: "Я люблю тебя, милая Алесс, супруга Шора и Аури-Эля и Священного быка, и снова оживлю эту землю, не через боль, но через возвращение драконьих огней завета, дабы соединить восток и запад и восстановить все, что разрушено". И щитоносец стал свидетелем тому, что дух обнажился перед королем, и он вырезал на ближайшем камне слова "И ХРОЛ ЛЮБИЛ, ЛЕЖА НА ЭТОМ ХОЛМЕ", прежде чем умереть, увидев их союз.

Когда пятнадцать оставшихся рыцарей отыскивали короля Хрола, он был мертв после трудов своих, оставшись лежать на земляном холмике. Пошли они каждый своим путем, и некоторые из них лишились рассудка, а те двое, что добрались до своего дома за Твилом, ничего не сказали о Хроле, преисполнившись за него стыда.

Но через девять месяцев этот земляной холмик вырос до размера горы, и стали шептаться об этом пастухи. Вокруг растущего холма собралась небольшая кучка верующих, видели они, как он вздрогнул в первый раз, и именно они назвали его Золотым Холмом, Санкр Тором. Сед-Йенна, так звали пастушку, что первой решилась забраться на холм, когда слышали они его первый крик. На самой вершине она увидела его — младенца, которого назвала Реман, что значит "Свет Людей".

А на лбу ребенка был Ким-эль Адабал, мерцающий драконьими огнями давних божественных обещаний. Никто не осмелился помешать Сед-Йенне, когда она взошла по ступеням Башни Белого Золота и положила маленького Ремана на трон, где он заговорил, будто взрослый, и произнес: "АЗ ЕСМЬ СИРОДИЛ ПРИШЕДШИЙ".

Глава 2

РЫЦАРЬ РЕНАЛЬД, КЛИНОК СВИНЬИ

И в дни междуцарствия Ким-эль Адабал снова был утерян в жалких войнах королей-язычников. В те времена Запад и Восток не могли создать союза, и во всех землях, окружавших Сиродил, считали его гнездом змей и змеелюдей. В течение четырех сотен лет земля Ремана был расколота, и только усилиями верных рыцарей держались ее границы.

История не сохранила имен этих рыцарей, но славились они остротой своих восточных мечей и цветом глаз, и ходил слух, что они ведут свой род от телохранителей старого Ремана. Один из них, по имени Ренальд, убедился в доблести Кулехайна и поддержал его на пути к трону. Лишь позже открылось, что Ренальд сделал это, чтобы быть ближе к Талосу, известному как Венец бури, будущему великому императору Тайберу Септиму; и еще позже — что свинья обучала его.

Добрая слава сопровождала рыцаря, которые сражались под знаменем дракона и не знали другого, были они братьями друг другу раньше, за многие моря отсюда, и были они братьями теперь после взятия Белого Прохода. В венах их текла кровь вампира, и жили братья-рыцари долгие века, после Ремана охраняли они змеиноного короля Версидью-Шайе. Змеиный капитан Вершу, ставший Ренальдом, стал защитником северо-запада, когда черный дротик поразил Савириен-Чорака.

Здесь страница обрывается, остальная часть этой древней книги утрачена.

Третья эра: Краткая хронология

Автор: Яспус Игнатеус

Многим известно, что “граждане Империи, которые повторяют ошибки своих предшественников, заслуживают той же участи”. И хотя это, возможно, верно, нужно признать, что за долгую историю Империи наши предшественники совершили столько ошибок, что порой всех и не упомнишь.

Этот труд задумывался как краткая сводка последних событий, произошедших в Империи в нынешнюю эпоху, которую мы называем Третьей эрой. Этот период пока что составил менее пятисот лет. Но для желающих изучать обширную и разноликую историю нашей Империи это должно послужить отправной точкой. И есть шанс, всего лишь шанс, что таким образом удастся избежать повторения случившейся катастрофы.

Также стоит заметить, что, взглянув на события в столь сжатом изложении, ясно осознаешь, как часто сменялись правители государства. И в самом деле, можно было бы утверждать, что большая часть имперской истории последних пяти веков связана со сменой власти в этой самой Империи.

ПЕРВЫЙ ВЕК

- 3Э 0 — Третья эра начинается с объединения всех провинций Тамриэля
- 3Э 38 — Смерть императора Тайбера Септима и коронация императора Пелагия
- 3Э 41 — Убийство императора Пелагия и коронация императрицы Кинтиры
- 3Э 48 — Смерть императрицы Кинтиры и коронация императора Уриэля I
- 3Э 64 — Смерть императора Уриэля I и коронация императора Уриэля II
- 3Э 82 — Смерть императора Уриэля II и коронация императора Пелагия II
- 3Э 99 — Смерть императора Пелагия II и коронация императора Антиоха

ВТОРОЙ ВЕК

- 3Э 110 — Война Острова
- 3Э 111 — Основание ордена Рыцарей Девяти сэром Амиэлем Ланнусом
- 3Э 114 — Сообщение о смерти императрицы Кинтиры II
- 3Э 119 — Рождение Пелагия III
- 3Э 121 — Уриэль III провозглашен императором
- 3Э 121 — Война Красного алмаза
- 3Э 123, 23-й день месяца Начала морозов — Фактическая смерть императрицы Кинтиры II в плену, держится в тайне
- 3Э 127 — Смерть императора Уриэля III и коронация императора Цесфора I
- 3Э 137 — Смерть Потемы, королевы Солитьюда

ХРОНИКИ

- 33 140 — Смерть императора Цефора I и коронация императора Магнуса
- 33 145 — Смерть императора Магнуса и коронация императора Пелагия III
- 33 153 — Смерть императора Пелагия III
- 33 153 — Трон переходит к супруге Пелагия Катарии, и та становится императрицей

ТРЕТИЙ ВЕК

- 33 200 — Смерть императрицы Катарии и коронация императора Кассиндера
- 33 202 — Смерть императора Кассиндера и коронация императора Уриэля IV
- 33 247 — Смерть императора Уриэля IV и коронация императора Цефора II
- 33 249 — Нашествие лича Каморана Узурпатора на Империю
- 33 253 — Каморан Узурпатор контролирует Двинненскую область силами "Кошмарного воинства"
- 33 267 — Поражение Каморана Узурпатора
- 33 268 — Коронация императора Уриэля V
- 33 271-33 284 — Различные завоевания императора Уриэля Септима V
- 33 288 — Император Уриэль Септим V вторгается в Акавир
- 33 290 — Смерть императора Уриэля V и коронация императора Уриэля VI

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЕК

- 33 307 — Уриэль VI обретает полноту императорской власти
- 33 320 — Смерть императора Уриэля VI и коронация императрицы Морихаты
- 33 331 — Выпуск второго издания "Карманного путеводителя по Империи"
- 33 339 — Убийство императрицы Морихаты и коронация императора Пелагия IV
- 33 389 — Джагар Тарн предает императора Уриэля Септима VII
- 33 396 — Войны в регионах Тамриэля
- 33 396 — Арнезианская война
- 33 399 — Поражение Джагара Тарна
- 33 399 — Основание Орсиниума

ПЯТЫЙ ВЕК

- ЗЭ 403 — Убийство Лисандуса, короля Даггерфолла
- ЗЭ 414 — Территория Вварденфелла открыта для заселения
- ЗЭ 417 — Происходит "Деформация Запада"
- ЗЭ 421 — Грейвин основывает Кровавые Метки
- ЗЭ 427 — Начало Морового поветрия во Вварденфелле и прибытие Неревара
- ЗЭ 427 — На острове Солстейм исполняется пророчество о Кровавой луне
- ЗЭ 432 — Выпуск третьего издания "Карманного путеводителя по Империи"
- ЗЭ 433 — Убийство императора Уриэля Септима VII
- ЗЭ 433 — Кризис Обливиона
- ЗЭ 433 — Заново сформирован орден Рыцарей Девяти

Краткая жизнь Уриэля Септима VII

Автор: Рупус Хейн

33 368–389: Стратег и миротворец

В Первые десятилетия правления императора Уриэля были отмечены быстрым и повсеместным расширением и укреплением сферы влияния Империи, в особенности на востоке, в Морровинде и Черных Топях, где власть Империи была ограничена, имперская культура слаба, а местные обычаи и традиции, наоборот, сильны, что увеличивало сопротивление процессу слияния народов. В этот период Уриэлю принесли большую пользу магическая поддержка и практические советы его ближайшего помощника, имперского боевого мага, Джагара Тарна.

История женитьбы Уриэля на принцессе Кауле Вориа весьма печальна. Несмотря на красивую внешность и грацию, возбудившие любовь и восхищение народа, императрица была весьма неприятной, надменной, амбициозной и алчной особой. Своими женскими чарами она пленила Уриэля Септима, но тот вскоре пожалел о своей ошибке и отверг ее. Супруги искренне возненавидели друг друга и старались причинить один другому боль. Их дети стали жертвой этого несчастного брака.

Благодаря своему живому уму и большому честолюбию Уриэль вскоре превзошел своего учителя Тарна в мастерстве угроз и уговоров. Успех Уриэля в придании Дому Хлаалу статуса оплота имперской культуры и экономического развития Морровинда — лучшее тому подтверждение. Однако эти достижения вызвали у монарха гордыню и крайнюю самоуверенность. Джагар Тарн воспользовался этим, надев маску скромного советника в отставке, он добился полного доверия Императора, что в конечном итоге привело к предательскому пленению Уриэля в Обливионе и тайному захвату Тарном трона Империи.

33 389–399: Преданный и лишенный свободы

Мало что известно о том, что происходило с Уриэлем во время его заключения в Обливионе. Сам он говорил, что ничего не помнит, кроме бесконечной череды кошмаров во сне и наяву. Он рассказывал, что находился в какой-то дреме и не ощущал течения времени. Долгое время публично он уверял всех, что не помнит ужасов заключения, но, порой, в беседах, которые стали основой этой биографии, он рассказывал о преследующих его страшных снах и отмечал, что они напоминают ему кошмары заточения в Обливионе. В такие моменты казалось, что он скорее не может, чем не хочет описать пережитое.

Но очевидно, что эти события изменили его. В 389 году он был молод, полон гордости, сил и желаний. А после спасения и возвращения на престол это был уже пожилой человек, мрачный и настороженный. Он также стал консервативен

ИСТОРИЯ

и угрюм, хотя проводимая им ранее политика была смелой и энергичной, а иногда даже безрассудной. Уриэль объяснял эти перемены отвращением к урокам и советам Джагара Тарна. Однако, ясно, что ссылка в Обливион истощила его тело и душу, в то время как разум его остался таким же ясным и живым, как в молодости.

История о магическом перевоплощении Тарна в императора и его разоблачении королевой Барензией, а также той роли, которую сыграли король Эдвир, Рия Сильмейн и ее воитель в восстановлении Посоха Хаоса и поражении предателя, имперского боевого мага Джагара Тарна, и возвращении Уриэля на престол, подробно описана в великолепном трехтомнике Стерна Гамбоджа "биография Барензии". Нет смысла повторять все это здесь. Подытоживая, заметим, что захват власти Тарном и его неумелое управление делами страны привели Империю к устойчивому упадку в экономике, позволили многим мелкопоместным лордам и королям оспаривать полномочия государства, а более сильным правителям на востоке и на Западе развязать открытые войны.

39 399-415: Реставрация, Чудо Мира и Вварденфелл

В период Реставрации Уриэль Септим отошел от проводимой им в ранние годы политики военного и дипломатического давления и стал больше полагаться на проведение тайных закулисных операций, преимущественно с помощью небольших отрядов клинков. Полный анализ стоявших в этот период задач и методов их решения, возможно, будет проведен после смерти императора, если будет открыт доступ к многочисленным дневникам, хранящимся в его загородном поместье, а клинкам не будет больше нужды хранить в секрете личности своих агентов.

Двумя знаковыми политическими достижениями Уриэля в этот период стали: "Чудо Мира" (более известное как "Деформация Запада"), которое изменило район залива Илиак, объединив множество мелких воюющих королевств в хорошо управляемые современные мирные государства Хаммерфелл, Сентинель, Вэйрест и Орсициум, а также колонизация Вварденфелла, проведенная умелыми руками короля Морровинда Хелсета и леди Барензии, королевы-матери, что увеличило имперское влияние в этой провинции.

39 415-430: Золотой Мир, двор короля Хелсета и Деятидожие на Востоке

Вслед за "Чудом Мира" (оно лучше всего описано в книге Пера Ветерсена "ДАГТЕРФолл. НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ"), в Империи начался период процветания, сопоставимый с годами начала правления Уриэля. Благодаря тому, что Средиземье и Запад прочно вошли в состав Империи, Уриэль смог полностью сосредоточиться на Востоке — на Морровинде.

Воспользовавшись конфликтной ситуацией в самом сердце главной религии Морровинда, Трибунале, и противоречиями в традиционной политической системе Великих Домов, а также той угрозой, которую представляли боги Трибунала для растущих колоний на Вварденфелле, Уриэль с помощью агентов-клинков и приближенных короля Хелсета сумел сместить центр политической власти от советов Великих Домов ко двору Хелсета, а также способствовал утверждению Деятидожия в качестве преобладающей религии в округах Хлаалу и Вварденфелла взамен пришедших в упадок ортодоксальных культов Трибунала.

Исследование Хасфрата Антаболиса по утверждению религии Деяти на Востоке в его четырехтомнике "Жизнь и время Нереварина" достаточно обширно, но он так и не смог решить главную загадку этого периода — выяснить, что знал Уриэль о пророчествах Нереварина и как он смог распознать их важность. Окончательные ответы на эти и другие вопросы могут быть получены не раньше, чем будут открыты личные архивы императора, и смягчится режим строгой секретности, окружающий деятельность клинков.

Доклад Имперской комиссии по расследованию катастрофы у Цонита

Автор: Лорд Поттрейд, председатель

Часть I. Подготовка

Начало планам императора по вторжению на Акавир было положено в 270-х годах, когда он приступил к завоеванию мелких островных королевств, лежащих между Тамриэлем и Акавиром. При захвате Черной Гавани в 282 г. Уриэль V уже ставил перед собой более значимую цель. Он немедленно приказал начать широкое обновление порта, который должен был стать местом сбора сил и основной перевалочной базой в ходе кампании. В это же время он издал распоряжение о постройке большого числа крупных океанских транспортов, необходимых для финального броска на Акавир, в которых флот испытывал особый недостаток. Это показывает, что подготовка к вторжению была начата заблаговременно, даже до завершения покорения Эсроньета, а оно не было случайной причудой, как утверждают некоторые.

Когда принц Башомон подчинил Эсроньет имперской власти в 284 г., император смог полностью посвятить все свое внимание планированию Акавирской кампании. В 285 и 286 гг. были снаряжены экспедиции, имевшие целью разведку морских путей и побережья Акавира; имперские агенты служб безопасности, как магические, так и обычные, были отправлены для сбора информации. На основе полученных данных первой целью вторжения было избрано королевство Цаэски, расположенное в юго-западной части акавирского континента.

Тем временем император собирал свой экспедиционный корпус. Для кампании был сформирован новый Дальневосточный флот, что привело к ослаблению остальных сил флота на некоторое время; можно утверждать, что это была сильнейшая армия на море, когда-либо создававшаяся в истории Тамриэля. Пятый, Седьмой, Десятый и Четырнадцатый легионы были избраны для первоначальной высадки, а Девятый и Семнадцатый должны были последовать за ними после установления контроля над побережьем. Хотя для штатских эти силы могут представляться относительно небольшой частью всей армии, необходимо помнить, что экспедиционный корпус должен был находиться на конце длинной и тонкой линии снабжения; кроме того, император и армейское командование полагали, что ему, по крайней мере, первоначально, не будут противостоять значительные силы неприятеля. Наконец, возможно, наиболее важным фактором было то, что флот имел транспорты для переброски не более четырех легионов одновременно.

Сразу необходимо отметить, что Комиссия не считает неправильной подготовку, проведенную императором для вторжения. Основываясь на информации, имевшейся перед вторжением (для сбора которой были приложены огромные усилия, хоть в ретроспективе этот объем информации представляется недостаточным), Комиссия полага-

ет, что император не действовал безрассудно или опрометчиво. Некоторые утверждали, что экспедиционный корпус был слишком мал. Комиссия считает, что, напротив, даже если бы могли быть изысканы возможности по перевозке и снабжению большего количества легионов (что было невозможно без развала торговли во всей Империи), это лишь приумножило бы масштабы катастрофы, но не предотвратило ее. Невозможно было оставить Империю без легионов; память о Каморане Узурпаторе была еще свежа, и император полагал (и Комиссия с этим согласна), что безопасность Империи исключала большую концентрацию войск вне Тамриэля. Комиссия склонна полагать, что экспедиционный корпус был даже излишне велик. Несмотря на создание двух новых легионов (и воссоздание Пятого), потеря экспедиционного корпуса опасно ослабила позиции Империи в провинциях, что современная ситуация показывает со всей очевидностью. Это означает, что организация вторжения на Акавир была выше современных возможностей Империи; даже если бы император смог выставить и снабжать большее количество войск на Акавире, Империя могла развалиться у него за спиной.

Часть 2. Вторжение на Акавир

Экспедиционный корпус покинул Черную Гавань 23-го числа Руки дожда 288 года и при ясной погоде высадился на Акавире после шести недель в море. Точкой высадки стал небольшой цаэский порт в устье крупной реки, избранный из-за его близости к Тамриэлю, а также выгодного расположения на плодородной речной долине, обеспечивающей доступ вглубь материка и фуражировку армии. Первоначально все складывалось удачно. Цаэски покинули город при приближении экспедиционного корпуса, так что его силы без потерь заняли город, который был переименован в Септимию, первую колонию новой имперской провинции Акавир. Пока инженеры укрепляли город и расширяли порт для нужд Дальневосточного флота, император продвинулся вглубь материка с двумя легионами. Прилегающие земли согласно донесениям являлись плодородными, хорошо орошаемыми полями, и, не встречая сопротивления, армия заняла ближайший город выше по реке, также покинутый. Он был переименован в Ионит, и император расположил в нем свою штаб-квартиру, поскольку город превосходил Септимию по величине и позволял лучше контролировать территорию вокруг.

Экспедиционный корпус все еще не встречал серьезного сопротивления, хотя вокруг легионов можно было видеть большое количество неприятельских конных патрулей. Это не позволяло разведывательным отрядам, кроме крупных, отдаляться от основных сил. Из-за ограниченности транспортных возможностей флота император крайне нуждался в кавалерии и привлекал боевых магов для магической рекогносцировки.

Тогда император отправил дипломатические миссии, чтобы попробовать установить контакт с королем цаэски или любым другим правителем этих земель, но посланники не вернулись. Ретроспективно Комиссия полагает, что на эти попытки было напрасно потеряно время, когда армия, простаивавшая в Ионите, могла с большей пользой продвинуться вперед, пользуясь очевидной неожиданностью вторжения для противника. Как бы там ни было, император полагал в это время, что цаэски повергнуты в трепет мощью Империи, и он в состоянии получить провинцию путем переговоров, не прибегая к серьезным боевым действиям.

Тем временем четыре легиона были заняты строительством дороги между Септимией и Ионитом, возведением укрепленных сторожевых постов вдоль реки и усилением защиты обоих городов, что должно было послужить им в дальнейшем. Из-за нехватки кавалерии разведка проводилась ограниченно, и линии коммуникаций между двумя городами постоянно угрожали вражеские рейдеры, с которыми легионы пока были не в состоянии схватиться.

Первоначальный план предусматривал передислокацию двух легионов в подкрепление немедленно по установлении контроля над портом, но теперь было принято роковое решение отложить их прибытие и вместо этого использовать флот для перевозки колонистов. Император и Совет согласились с этим. В связи с поголовным бегством коренного населения с захваченных территорий колонисты были необходимы для работы на полях, тогда экспедиционный корпус не зависел бы целиком от флота в вопросах снабжения. К тому же на Инслее, лежащем на Акавирской линии снабжения, возникли беспорядки, и Совет полагал, что Девятый и Семнадцатый легионы могут быть лучшим образом использованы для умирот-

творения этой территории и обеспечения безопасности путей снабжения экспедиционного корпуса.

Гражданские колонисты и грузы для них начали прибывать в Септимию в середине месяца Огня очага, и они продолжили начатую легионерами подготовку полей к весенней посадке. К этому времени было доставлено и определенное количество кавалерийских лошадей, а набеги на две имперские колонии вскоре прекратились. Цаэссские эмиссары также наконец прибыли в Цонит, чтобы начать мирные переговоры, и экспедиционный корпус приготовился ждать спокойную зиму.

Совет же стал убеждать императора вернуться в Тамриэль с флотом, чтобы решить массу неотложных вопросов внутри Империи, пока армия находится на зимних квартирах, но он предпочел остаться на Акавире. Это решение оказалось удачным, поскольку значительная часть флота, включая и императорский флагман, была уничтожена ранним зимним штормом на пути домой. Зимние шторма 288-289 года были необычно долгими и чрезвычайно жестокими и помешали флоту вернуться на Акавир с дополнительными грузами, как предполагалось. Об этом доложили императору через боевого мага, и было решено, что экспедиционный корпус может прожить до весны с теми запасами, что у него имеются.

Часть 3. Гибель экспедиционного корпуса

Зима на Акавире оказалась значительно более суровой, чем ожидалось. Из-за проблем со снабжением и наличия дополнительных тысяч гражданских колонистов, рационы экспедиционного корпуса были сильно урезаны. Ситуацию ухудшило и то, что вернулись цаэссские рейдеры и развернули охоту за любыми фуражировочными и разведывательными отрядами вне городских стен. Несколько наблюдательных постов на дороге между Септимией и Цонитом были захвачены во время буранов, прочие же были покинуты из-за невозможности их удержать. В результате сообщение между двумя городами поддерживалось исключительно магическими путями, что явилось дополнительной нагрузкой на легионных боевых магов.

Пятого дня месяца Восхода солнца большая свита цаэски прибыла в Цонит, якобы с мирными предложениями от своего короля. Той же ночью эти предатели убили стражу у одних из городских ворот и впустили внутрь крупный отряд своих соратников, ожидавших за городскими стенами. Их очевидным намерением было убить императора, но им помешала бдительность и отвага солдат Десятого легиона, охранявших его дворец. После поднятия тревоги все цаэски в городе были выслежены и уничтожены до последнего. Нет нужды упоминать, что это означало конец переговоров между императором и цаэски.

Наступление весны лишь принесло новые проблемы. Вместо ожидавшихся дождей с востока подул суховей, продолжавшийся с большей или меньшей силой в течение всего лета. Посевы не взошли, и даже река (в предшествовавший год бывшая судоходной для малых судов намного выше Цонита по течению) полностью пересохла к месяцу Высокого солнца. Неизвестно, было ли это связано с необычным изменением погодных условий, или же цаэски манипулировали погодой с помощью магии. Комиссия склоняется к первому утверждению, поскольку нет прямых свидетельств того, что цаэски располагают столь ужасными тайными силами, но и последнее предположение не может быть полностью опровергнуто.

В связи с продолжающейся плохой погодой караваны с припасами задержались с выходом из Черной гавани. Они наконец покинули порт в начале Второго Зерна, но были жестоко истерзаны штормами и восемь недель спустя с большими потерями дотянули до Септимии. По причине все ухудшающейся ситуации со снабжением на Акавире, император отрядил основные силы своего Корпуса боевых магов для поддержки флота во время штормов, которые, похоже, собрались продолжаться все лето. На этот раз Совет убеждал императора свернуть вторжение и вернуться в Тамриэль с экспедиционным корпусом, но тот опять отказался, указывая, что флот уже не в состоянии вывезти все четыре легиона одновременно. Комиссия согласна, что оставление одного или нескольких легионов на Акавире в ожидании возвращения флота отрицательно сказалось бы на моральном состоянии армии. Но Комиссия также указывает, что потеря одного легиона была все же предпочтительнее потери экспедиционного корпуса в целом. Единодушно мнение членов Комиссии, что это был последний момент, когда еще могла быть предотвращена полная катастрофа. С принятием решения об отсылке флота за подкреплениями и припасами, события двинулись к своему неотвратимому завершению.

О том, что происходило на Акавире дальше, известно существенно меньше. Поскольку большая часть боевых магов была отряжена для поддержки флота, общение между экспедиционным корпусом и Тамриэлем ограничилось и продолжало ухудшаться по мере ухудшения ситуации на самом Акавире, так как усилия оставшихся волшебников были прикованы к неотложным нуждам легионов. Представляется также возможным, что цаэски неким неизвестным образом активно противодействовали магам. Некоторые из магов на Акавире сообщали об аномальном ослаблении своих сил, а маги Военного колледжа в Сиродиле (обеспечивавшие связь для Совета) сообщали о затруднениях в контактах со своими соотечественниками на Акавире, даже между учителем и учеником, давно работавшими друг с другом. Комиссия настаивает, чтобы Военный колледж провел особое исследование тайных сил цаэски на случай возможных конфликтов Империи и Акавира в будущем.

Известно лишь, что император выдвинулся из Цонита в середине Высокого солнца, оставив только небольшие гарнизоны для удержания городов. Он получил сведения, что цаэски концентрируют свои войска на другой стороне горного хребта на севере, и он принял решение уничтожить их армию до того, как она обретет полную силу, и захватить их запасы (в которых он особо нуждался). Этот быстрый бросок, вероятно, застал цаэски врасплох, и экспедиционный корпус пересек горы и обрушился на их лагерь, обратив цаэсскую армию в бегство и захватив ее командуящего. Но вскоре император был вынужден отступить. На обратном пути легионы испытали значительные трудности. Теперь император оказался блокирован в осажденном Цоните и отрезан от небольшого гарнизона в Септимии, также осажденной. Вероятно, с этого момента усилия немногих оставшихся боевых магов были направлены исключительно на создание воды для поддержания армии на ногах, а искусство это обыкновенно не практикуется в Военном колледже. Флот в сохранности достиг Черной Гавани благодаря Корпусу боевых магов, но все попытки вернуться на Акавир оказались пресечены серией еще более диких штормов, обрушившихся на Эсроньет в течение всего остатка 289 года.

Последний контакт Совета с императором состоялся в начале месяца Мороза. С Вечерней Звезды Совет был чрезвычайно обеспокоен ситуацией на Акавиуре, и приказал флоту отплыть, невзирая на риск. Несмотря на продолжающийся шторм, флот прорвался к Акавиру. Надежда воспряла, когда был установлен контакт с императорским боевым магом, который сообщил, что Цонит все еще удерживается. Оперативно был составлен план, в соответствии с которым экспедиционный корпус должен был прорваться из Цонита и отойти к Септимиш, где и соединиться с флотом. Флот подошел к Септимиш, где обнаружил ее гарнизон отражающим жесточайший штурм многочисленной акавирской армии. Боевые маги, сопровождавшие флот, отбросили противника на время, достаточное, чтобы уцелевшие погрузились, и флот отплыл.

Немногочисленные выжившие из состава экспедиционного корпуса, достигшие Септимиш, рассказали о том, как император двумя днями ранее вывел свою армию из Цонита, успешно прорвав кольцо блокады, но был затем окружен намного превосходящими силами на дороге к Септимиш. Они сообщили о героическом последнем бое императора и Десятого легиона, позволившем остаткам Четырнадцатого достичь Септимиш. Двое выживших из Десятого также добрались до Септимиш той же ночью, проскользнув через ряды противника, разнузданно праздновавшего победу. Эти люди подтвердили, что видели, как император пал под вражескими стрелами, собирая стену щитов Десятого легиона.

Часть 4. Заключение

Комиссия полагает, что вторжение на Акавир было обречено на неудачу изначально по ряду причин, ни одну из которых нельзя было, к сожалению, предвидеть.

Несмотря на широкий сбор разведанных, экспедиционный корпус был явно не подготовлен к ситуации на Акавире. Последствия капризов погоды, измотавших армию и флот, были исключительно плачевны. Без потери основной части Дальневосточного флота в ходе кампании, экспедиционный корпус мог быть эвакуирован в 289 году. Погода также вынудила императора придать большую часть своего Корпуса боевых магов флоту, что оставило его без их поддержки в ходе вскоре последовавших боев. И, разумеется, неожиданная засуха, обрушившаяся на Ионит в 289 году, перечеркнула надежду обеспечивать армию необходимым на месте и поставила экспедицию в непригодную для обороны ситуацию при осаде Ионита.

Цаэски также оказались намного сильнее, чем можно было судить по данным разведки. Информация о величине армии, которую цаэски смогли выставить против экспедиционного корпуса, не ясна, поскольку серьезные боевые действия развернулись лишь после того, как регулярное сообщение между императором и Советом было прервано. Тем не менее, складывается впечатление, что цаэски численно превосходили силы императора в несколько раз, поскольку они оказались способны вынудить четыре ударных легиона отступить и затем удерживать их в осаде несколько месяцев.

Как указано ранее, Комиссия отказывается критиковать само решение вторгнуться на Акавир. Основываясь на том, что было известно на тот момент, план выглядел разумным. Только взгляд назад позволяет сказать, что вторжение имело очень мало шансов на успех. Как бы там ни было, Комиссия полагает, что из данной катастрофы может быть извлечено несколько ценных уроков.

Во-первых, цаэски могут иметь в своем распоряжении чрезвычайно мощные тайные силы. Вероятность того, что они манипулировали погодой в целом регионе, кажется ничтожной (и необходимо указать, что трое членов Комиссии серьезно возражали против включения данного пункта в Отчет), но Комиссия полагает, что этот вопрос заслуживает немедленного изучения. Потенциальная угроза такова, что даже малейшая возможность подобного должна быть серьезно изучена.

Во-вторых, представляется, что цаэски не располагают флотом, о котором стоило бы говорить. Экспедиционному корпусу никогда не угрожали с моря, и Дальневосточный флот не сражался ни с кем, кроме погоды. Практически, первоначальный план предполагал, что некоторая часть флота останется на Акавире для береговых операций, но, на деле, лишь в очень немногих местах крупные корабли могли достичь берега из-за бесчисленных рифов, песчаных банок, островов и пр., которыми изобилует побережье к северу и югу от Септимии. Из-за полного отсутствия деревьев на равнине вокруг Септимии и Ионита экспедиционный корпус не смог построить небольшие суда, способные осуществлять навигацию в мелких прибрежных водах. Любым военным экспедициям на Акавир в будущем будет неплохо предусмотреть доставку плавательных средств для прибрежных опера-

ций, чтобы реализовать это очевидное преимущество перед цаэски — возможность, к сожалению, не использованная экспедиционным корпусом.

В-третьих, прежде, чем думать о следующем вторжении, требуется детальное изучение Акавира. Информация, собранная за четыре года, предшествовавших вторжению, была существенна, но явно недостаточна. Погодные условия были полной неожиданностью, силы цаэски большими, чем предполагалось; а переговоры императора с цаэски обернулись катастрофой. Акавир оказался совершенно иным, чем рассчитывали, и Комиссия полагает, что любые будущие попытки вторжения не должны предприниматься без более глубокого знания условий, политики и населения, чем ныне имеющееся.

Наконец, комиссия единодушно заключает, что, исходя из известной информации, любая попытка вторжения на Акавир является безрассудством, по крайней мере, при нынешнем состоянии Империи. Легионы нужны Империи дома. Когда-нибудь мирная, единая Империя вернется на Акавир и взыщет суровую виру за ионитскую катастрофу и гибель нашего императора. Но этот день наступит не сейчас и не в ближайшем будущем.

К вопросу о Прорыве Дракона

Автор: Фал Друн

А Конец Третьей эры стал периодом сильнейшего религиозного всплеска. Потрясения, которыми сопровождалось правление Уриэля VII, были лишь внешними признаками того, что исторические силы в конце концов приведут к падению династии Септимов. Тогда среди многих культов и сект по всей Империи впервые заговорили о так называемом "Прорыве Дракона". Все это было вызвано огромным интересом к событиям, связанным с приходом к власти Тайбера Септима, или "мире основания" династии Септимов.

В основу доктрины Прорыва Дракона, как теперь стало известно, легла обычная ошибка в календаре очень авторитетного издания "Энциклопедии Тамриэлика", впервые опубликованной в 3Э 12, в начале правления Тайбера Септима. В то время архивы Алинора были все еще недоступны для широкого круга ученых, а сохранившиеся со времен Аллессианского периода рукописи редки и фрагментарны. Аллессианцы систематически сжигали все библиотеки, которые им попадались, а их собственные рукописи были уничтожены во время войны Справедливости.

Судя по всему, автор "Энциклопедии Тамриэлика" не знал, что такое аллессианский "год". Теперь мы точно знаем, что он обозначал длительность видений высшей жрицы — от нескольких недель до нескольких месяцев. Основываясь на анализе сохранившихся свитков, а также фресок и икон аллессианских храмов, я заключил, что Аллессианский орден существовал всего около 150 лет, а не знаменитые "тысячу и восемь лет", как утверждает Тамриэлика. "Загадка" тысячелетнего правления аллессианцев так и не была объяснена до конца Третьей эры, когда все заговорили о Прорыве Дракона. Так как в то время эти цифры (и объяснения) принимались всеми, некоторые историки до сих пор уверены в их истинности, как были уверены и тогда. Однако, стоит вспомнить, что историков Третьей эры уже отделяло от аллессианцев 20 веков. А история как наука только зарождалась, основываясь на нескольких рукописях древних времен.

Сегодня данные археологии и палеонумерологии подтверждают мои догадки: понятие Прорыв Дракона было введено в конце Третьей эры. Основой тому послужила ошибка ученых, а распространение эта легенда получила благодаря растущему интересу к эсхатологии и нумидиумизму.

Где ты был, когда произошёл Прорыв Дракона?

Сборник

КРАТКОЕ ОПИСАНИЯ И РАССКАЗЫ СВИДЕТЕЛЕЙ ПРОРЫВА ДРАКОНА.

Коракс, Сиродил, Совет Старейшин:

Никто не понимает, что произошло, когда Избранные танцевали на той Башне. Можно было бы просто счесть всё это ерундой и забыть, если бы не Амулет Королей. Даже Древние Свитки не упоминают о нём — позвольте поправить себя, Древние Свитки не могут упомянуть его. Когда жрецы Мотылька настраивают Свитки на связь с неизмеримым временем, их символы всегда исчезают. Амулет Королей, однако, с его сверхдушой императоров, в некотором смысле может об этом поведать. Согласно Хестре, Сиродил стал Империей, лежащей поперёк звёзд. По Шор-Элю, Сиродил стал яйцом. Но большинство говорит нечто на языке, на котором они не могут прямо выразить свои мысли. Совет собрал отчёты из всех провинций, и они предлагают истории, которые нигде не пересекаются, кроме одного: во время Среднего Рассвета все жители Тамриэля, в том “когда” он их застал, говорят о падении восьми звёзд. И вот так они вели счёт дням.

Мехра Набизи, данмерка, Триединая
хозяйка Нового Храма:

Отчёты о Среднем Рассвете — это дело Империи Людей, и доказательство обмана, который называет себя аэдра. Восемь звёзд упали на Тамриэль, по одной на каждую несправедливость, которую Лорхан явил этому миру. Велот прочёл эти знаки, и он сказал Боэтии, который подтвердил их, и он сказал Мефале, которая поставила стражу от них, и он сказал Азуре, которая послала АЛМСИВУ вывести Истинный Народ из опасности. Даже Четыре Столпа Дома Забот поднялись, чтобы защитить окраины от вашего безумия. Мы смотрели за своими границами и видели, что они извиваются, как змеи, и видели, как вы бежите там, как духи древности, лишённые математики, без ваших “если-то”, подчиняясь всегда и Сейчас, как рабы безрассудной неизменности. Не спрашивайте нас, где мы были, когда Прорвался Дракон, ибо из всего мира лишь мы истинно знаем и мы могли бы просто показать вам, как вновь прорвать его.

Р'лейт-харр, каджит, камердинер Гривы:

Вы хотите спросить, где были каджиты когда Прорвался Дракон? Р'лейт скажет вам где: записывая это. "Тысячу восемь лет", вы слышали. Вы думаете, сиронорды пришли со всем этим сами. Вы, люди, лучшие воры, чем даже Раджин! Пока вы сражались с призраками и рождали собственных отцов, это Грива наблюдал за джа-Ка'джей, потому что только луны были постоянны, и у вас нет сахара, чтобы это увидеть. Мы отдадим вам должное: вы вызвали ярость Алкоша, а это просто. Не думайте, что вы разрешили дело тем, что вы совершили, или что вы вообще можете это разрешить. Вы вновь проделали это с Большим Ходокон, и не единожды, а дважды! Один раз в Риммене, с чем мы никогда не смиримся. Второй раз в Даггерфолле, или в Сентинеле, или Вэйресте, или во всех трёх местах сразу? Понимаешь меня, сиродилец? Когда вы проснётесь и поймёте, что на самом деле произошло с двумерами?

Маннимарко, Бог Червей, некромантов:

Три Вора Морровинда могли бы сказать вам, где они были. Также мог бы и верховный король Алинора, кто был первым разорвавшим его. Есть другие на этой земле, кто бы тоже смог: Цсмир, Пелинал, Арнанд, или мне стоит сказать, Арктус? Последний гном мог бы сказать, если бы ему позволили. Что касается меня, я был здесь и снова здесь, как и остальные смертные во время Прорыва Дракона. Как, вы думаете, я узнал свою тайну? Избранные Марухати показали нам всю славу Рассвета, так что мы могли научиться, это просто: что наверху, то и внизу.

Безумие Пелагиуса

Автор: Цатенес

Ториз Пелагиус Септим, человек, ставший затем императором всего Тамриэля, принадлежал к королевской семье Вэйреста. Принц появился на свет в 119 году Третьей эры, в конце славного правления своего дяди, Антиохуса I. Король Магнус был любимым братом императора, и Вэйрест процветал в годы, предшествовавшие рождению Пелагиуса.

Трудно сказать, когда впервые проявилось сумасшествие Пелагиуса, ведь, по правде говоря, первые десять лет его жизни сами земли, где он жил, были охвачены безумием. Когда принцу стукнул год, Антиохус умер, и на трон под шумные славословия вошла его дочь Кинтира. Кузина мальчика, Кинтира II, была признанным мистиком и волшебницей. Однако если бы у нее достало могущества заглянуть в будущее, она немедля бежала бы из дворца.

Об истории войны Красного Алмаза рассказывается во многих научных трудах, и большая часть историков приходит к выводу, что власть была узурпирована Уриэлем, кузеном Кинтиры и Пелагиуса, при помощи его матери Потемы, так называемой Королевы-Волчицы Солитьюда. Через год после коронации Кинтира была пленена в Гленпойнте и заключена в местную имперскую тюрьму.

Пламя войны пронеслось по всему Тамриэлю, когда принц Уриэль, захватив трон, провозгласил себя Уриэлем III. Хай Рок, где содержалась узница, стал ареной кровавых сражений. Отец Пелагиуса, король Магнус, вместе со своим братом Сефоруcom выступил против узурпатора, что навлекло на Вэйрест гнев Уриэля III и королевы Потемы. Пелагиус, его братья и сестры, а также мать, Утейла, бежали на остров Балфюера. Утейла принадлежала к семейству Диренни, чье фамильное поместье до сих пор находится на этом древнем острове.

К счастью, сохранилось множество записей о детстве Пелагиуса на острове Балфюера, сделанных его воспитателями и посетителями поместья. Все, кто встречал его, рассказывают о симпатичном мальчике, интересовавшемся спортом, магией и музыкой. Даже предполагая определенную неискренность, свойственную дипломатам, казалось, что принц имеет все шансы стать истинным украшением династии Септимов.

Когда мальчику исполнилось восемь, Сефорус убил Уриэля III в битве при Чичаде и провозгласил себя императором Сефоруcom I. Последующие десять лет своего правления новый монарх воевал с Потемой. Первым сражением, в котором участвовал Пелагиус, была осада Солитьюда, окончившаяся смертью Потемы и знаменовавшая собой конец войны. В знак признательности Сефорус возвел юношу на трон Солитьюда.

Эксцентричность поведения Пелагиуса, ставшего королем Солитьюда, не прошла незамеченной. Однако лишь немногие дипломаты отваживались критически отзываться о любимом племяннике императора. В первые два года правления Пелагиуса были замечены, как минимум, пугающие колебания его веса. Через четыре

месяца после его воцарения дипломат из Эбонхарта называл молодого короля "здоровым и добродушным человеком с сердцем таким большим, что оно распирает его талию". Пятью месяцами спустя гостившая там же принцесса Фестхолда написала своему брату: "Король пожал мою руку, и я ощутила прикосновение скелета. Пелагиус крайне истощен".

Сесфोरус никогда не был женат и умер бездетным через три года после осады Солитьюда. Его единственным выжившим братом был отец Пелагиуса, Магнус. Унаследовав престол, он покинул Вэйрест и обосновался в Имперском городе. Император Магнус I был уже в преклонном возрасте, и внимание всего Тамриэля было приковано к его старшему сыну, Пелагиусу. К этому времени его странности стали притчей во языцех.

Ходит множество преданий о его деяниях как короля Солитьюда, но мало что из них подтверждено документально. Известно, что Пелагиус запер юных принцев и принцесс Сильвенара вместе с собой в комнате, выпустив их только тогда, когда под дверь просунули неподписанную Декларацию Войны. Во время речи на местном празднике он сорвал с себя одежду, и только тогда его советники поняли, что он нуждается в пристальном присмотре. По велению Магнауса Пелагиус сочетался браком с прекрасной Катарией Ра'атим, наследницей древнего благородного рода темных эльфов.

Женитьба королей северян на темных эльфийках редко добавляет им популярности. Летописцы сходятся на двух причинах целесообразности такого союза. Магнус пытался укрепить отношения с Эбонхартом, откуда происходил клан Ра'атим. Сосед Эбонхарта, Морнхолд, исторически был союзником Империи с самого ее зарождения, и венценосный супруг королевы Барензии выиграл массу битв в войне Красного алмаза. Эбонхарт же, почти не таясь, поддерживал Уриэля III и Потему.

Другая причина носила более личный характер: Катария была столь же искушена в дипломатии, сколь и красива. Если кто-то и мог скрыть сумасшествие Пелагиуса, то только она.

Восьмого дня месяца Второго зерна в 145-м году Третьей эры Магнус тихо скончался во сне. Джолит, сестра Пелагиуса, села на трон Солитьюда, а молодая супружеская чета отбыла в Имперский город, дабы быть коронованными как император и императрица Тамриэля. Говорят, что Пелагиус почувствовал слабость, когда на его голову водрузили корону, но Катария поддержала его, и лишь те, кто стоял близко к трону, смогли заметить происходившее. Как и многие рассказы о Пелагиусе, этот не имеет подтверждений.

Пелагиус III по сути никогда не правил Тамриэлем. Решения принимали Катария и Совет Старейшин, стараясь попутно удерживать монарха от чудачеств. Однако байки о царствовании Пелагиуса сохранились.

Говорят, что когда ко двору из Блэкроуза прибыл посланник Чернотопья, Пелагиус настаивал на том, чтобы при разговоре собеседники мычали и пищали, ибо таков родной язык аргониан.

Известно, что Пелагиус был помешан на чистоте. Гостившие в императорской резиденции свидетельствуют, что просыпались ни свет ни заря от скрежета, с которым скоблили дворец. Легенда о том, что Пелагиус, проверяя качество уборки, испражнялся на пол, дабы задать слугам еще работу, вероятно, вымышлена.

Лишь тогда, когда Пелагиус начал нападать на посетителей Имперского дворца и пытаться покусать их, решено было отправить его в частную клинику для

умалишенных. Катария была провозглашена регентшей через два года после коронации. Следующие шесть лет император провел в различных психиатрических лечебницах.

Недоброжелатели распространяли массу лживых историй о том времени. Передававшиеся шепотом рассказы об ужасных экспериментах и пытках, которым подвергали Пелагиуса, стали восприниматься почти как неоспоримый факт. Вскоре после отъезда императора благородная леди Катария забеременела, поползли слухи о ее неверности и, что еще более абсурдно, о заговоре с целью запереть под замок абсолютно здорового императора. Как заявила Катария, ее беременность наступила после посещения мужа в больнице. При отсутствии иных свидетельств мы, верноподданные, должны принять слова императрицы за истину. Ее второй ребенок, который впоследствии правил под именем Уриэля IV, явился плодом союза с Лариатом, принцем-консортом, что и было признано публично.

Теплой ночью месяца восхода солнца на 34-м году жизни Пелагиус III скончался в своей келье от быстротечной лихорадки. Произошло это в храме Кинарет на острове Бетония. Катария I правила еще сорок шесть лет, прежде чем передать скипетр единственному ребенку, которого она имела от Пелагиуса — Кассиндеру.

Дикое поведение Пелагиуса стало основой странной любви, которую к нему питают в провинции, где он родился и потом умер. Второго числа месяца восхода солнца (что может быть, а может и не быть годовщиной его смерти — хроники тут не очень точны) отмечается Безумный Пелагиус. В этот день поощряются всяческие шутки и дурачества. Так один из самых несуслазных императоров в истории династии Септимов стал одним из самых известных.

Танец в огне

Автор: Вогин Джарт

Глава 1

Место: Имперский город, Сиродил

Дата: 7 Начала морозов, 3Э 397

Кажется, Строительная комиссия Атриуса всегда размещалась в этом внушительном здании. Через руки служащих и агентов компании проходили бумаги, связанные со строительством практически каждого дома в Империи. Особняк был построен двести пятьдесят лет назад, в эпоху правления императора Магнуса — простое и строгое здание, расположившееся на небольшой площади в престижном районе Имперского города. Здесь работали энергичные и честолюбивые юноши и девушки из среднего класса, а также солидные господа среднего возраста, вроде Декумуса Скотти. Никто не мог представить себе мир без комиссии, и меньше всех Скотти. Если точнее, он не мог представить себе мир без себя в комиссии.

“Лорду Атриусу все прекрасно известно о вашем вкладе в наше дело, — сказал управляющий, закрывая за собой шторы, отделяющие конторку Скотти. — Но вам известно, что ситуация в последнее время осложнилась”.

“Да”, — молвил Скотти.

“В последнее время люди лорда Ванека стали сильными конкурентами, и нам нужно пошевеливаться, если мы хотим выжить. К сожалению, это означает, что мы вынуждены проститься с некоторыми сотрудниками, прекрасно проявившими себя в прошлом, но ныне не столь активными”.

“Понимаю. Что ж тут поделать”.

“Я рад, что вы понимаете, — смущенно улыбнулся управляющий. — Пожалуй-ста, освободите этот кабинет, и побыстрее”.

Скотти стал готовить дела для передачи своему преемнику. Скорее всего, они поручат большую часть их молодому Имбраллиусу, так и должно быть, решил Скотти. Парень знал, как вести дела. Скотти лениво размышлял, что его преемник будет делать с контрактами на новую статую Святой Алессии, которую заказал Храм Единого. Наверное, изобретет какую-нибудь ошибку, свалит ее на предшественника, Декумуса Скотти, и потребует дополнительную сумму для исправления ситуации.

“У меня письмо для Декумуса Скотти из Строительной комиссия Атриуса”.

Скотти поднял глаза. Круглолицый курьер стоял в его кабинете и протягивал ему запечатанный свиток. Он отдал парню золотой и вскрыл конверт. Судя по неровному почерку, ужасной орфографии и грамматике, а также общему тону, можно было точно определить, кто был автором письма. Лиодес Джурус, служащий, покинувший Комиссию несколько лет назад после того, как его обвинили в нарушении профессиональной этики.

“Уважаемый Скотти,

Наверно, тебе всегда было интересно, што со мной случилось. И уж совсем ты не ожидал найти миня в лесу. Но именна там-то я и нахожусь. Ха ха. Если у тебя действительно есть еще мозги, и ты хочешь подзаработать немножко золота для лорда Атриуса (и себя, ха ха), ты тоже приедешь в Валенвуд. Если ты следишь за политикой, то знаешь, што между бошмерами и ихним соседом Элсвером уже два года идет война. Вроде бы, щас все успокоилось, и много всего надо перестроить.

Теперь у меня слишком много дел, я не справляюсь и мне нужен памошник. Кто-нибудь из солидного агенства. Этот кто-то — это ты, друх мой. Встретимся с тобой в таверне мамаша Паскос в Фалиннести, Валенвуд. Я сдесь буду еще 2 недели. Если приедешь — не пожалеешь.

— Джурус

P.S.: Привези с собой строительного дерева, если сможешь”.

“Что у вас там, Скотти?” — спросил голос.

Скотти вздрогнул от неожиданности. Это был Имбраллиус, на его миловидной физиономии цвела такая улыбка, что она могла растопить сердца самых жадных начальников и самых грубых каменщиков. Скотти положил письмо в карман куртки.

“Личная почта, — сказал он. — Через минуту я здесь все закончу”.

“Не хочу вас торопить, — сказал Имбраллиус, схватив несколько чистых форм контракта со стола Скотти. — У меня только что закончилась пачка, а молодежь все бланки растащила. Я подумал, вы не будете возражать, если я возьму несколько”.

Парень исчез. Скотти вытащил письмо и перечитал его. Он задумался о своей жизни, что делал редко. Ему представилось серое море с черной непреодолимой стеной. В стене был только один узкий проход. Внезапно, не успев даже как следует все обдумать, он схватил дюжину чистых контрактов с золотым тиснением СТРОИТЕЛЬНАЯ КОМИССИЯ АТРИУСА. ОСНОВАНА ЕГО ИМПЕРАТОРСКИМ ВЕЛИЧЕСТВОМ и спрятал их в портфель, где лежали его личные бумаги.

На следующий день без каких-либо колебаний он пустился в приключения. Он заказал место в караване, направляющемся в Валенвуд. Отъезд из Имперского города на юго-восток должен был состояться на этой же неделе. У него практически не было времени собрать свои вещи, но вот лес он купить не забыл.

“Вы должны за это доплатить”, — нахмурился глава конвоя.

“Я так и планировал”, — улыбнулся Скотти, изо всех сил подражая Имбраллиусу.

Тем же днем десять повозок покинули город и отправились по хорошо знакомым дорогам Сиродила. Мимо проплывали прекрасные поля, рощи, гостеприимные деревушки. Стук копыт по камням напомнил Скотти, что дорогу построила Комиссия Атриуса. Пять из восемнадцати контрактов, связанных с этим строительством, прошли через его руки.

“С вашей стороны очень разумно было захватить с собой дерево, — сказал седоусый бретонец, сидевший рядом с ним в повозке. — Вы, должно быть, торговец”.

“В каком-то роде, — сказал Скотти, надеясь, что это звучит загадочно. Затем он представился. — Декумус Скотти”.

“Гриф Мэллон, — сказал человек. — Я поэт, перевожу древнюю литературу Босмеров. Я занимался исследованием недавно найденных трактатов, известных как Мнориад Плей Бар, два года назад, когда вдруг разразилась война, и я вынужден был уехать. Несомненно, вам известно, кто такой Мнориад, если вы слышали о Зеленом договоре”.

Скотти подумал, что незнакомец несет абсолютный бред, но кивнул головой.

“Естественно, я не считаю, что Мнориад так же известен, как Ме Айлейдион, или столь же древен, как Данзир Гол, но мне кажется, в нем спрятан ключ к пониманию образа мыслей Босмеров меретической эпохи. Причина отвращения лесных эльфов к вырубке собственных лесов или любой растительной еде, а также парадоксальное желание импортировать растения других народов, как мне кажется, связаны с отрывком из Мнориада”, — Мэллон зашуршал бумагами в поисках нужного текста.

К облегчению Скотти, вскоре повозка остановилась на ночлег. Они были на отвесном берегу над серым потоком, перед ними простиралась великая долина Валенвуда. Только крики чаек напоминали о том, что к западу от залива был океан: здесь деревья были невероятно высокими и могучими, переплетаясь друг с другом в морские узлы. На утесе неподалеку от лагеря стояли несколько деревьев поменьше — всего пятьдесят футов до нижних веток. Вид этот настолько был чужд для Скотти, а волнение от возможной скорой встречи с незнакомой дикой местностью было настолько велико, что о сне не могло быть и речи.

К счастью, Мэллон решил, что он встретил другого ученого — любителя загадок древних культур. Он долго-долго читал стихи Босмеров в оригинале и в собственном переводе, всхлипывая, крича и переходя на шепот там, где это было необходимо. Постепенно Скотти начал засыпать, как вдруг его разбудил треск сломанной ветки.

“Что это было?”

Мэллон улыбнулся: “Мне тоже это нравится. ‘Собрание в злобе безлунного зерцала, танец огня’...”

“Здесь на деревьях огромные птицы”, — прошептал Скотти, указывая на темные фигуры на ветках.

“Я бы насчет этого не волновался, — сказал Мэллон, которого уже начал раздражать его невнимательный слушатель. — А теперь послушайте, как поэт описывает вызов Херма-Моры в восемнадцатой строфе четвертой книги”.

Некоторые из темных фигур на деревьях сидели, как птицы, другие свисали, подобно змеям, третьи стояли, словно люди. Пока Мэллон читал стихи, Скотти

наблюдал, как тени перепрыгивают с ветки на ветку, пролетая огромные расстояния, хотя видимых крыльев у них не было. Они собирались группами, а потом расходились, и так пока не заняли все деревья, окружающие лагерь. Вдруг они камнем начали падать вниз.

“Мара! — закричал Скотти. — Они падают, как дождь!”

“Наверное, семена, — пожал плечами Мэллон, не оборачиваясь. — У некоторых из деревьев невероятно...”

Лагерь погрузился в хаос. Повозки пожирал огонь, лошади пытались увернуться от смертельных ударов, из разбитых бочонков рекой текли вино, вода и спирт. Шустрая тень промелькнула рядом со Скотти и Мэллоном, с невероятной ловкостью и грацией подхватив мешки с зерном и золотом. Скотти лишь мельком удалось увидеть это существо, когда его озарило яркое пламя. Небольшая тварь с остроконечными ушами, огромными желтыми глазами, пестрым мехом и хвостом, похожим на кнут.

“Оборотень”, — вскрикнул он, отпрянув назад.

“Кэтей-рат, — поправил Мэллон. — Что намного хуже. Родственники каджитов или что-то вроде того. Решили пожитьеся”.

“Вы уверены?”

Также внезапно, как и напали, существа исчезли, спрыгнув с обрыва. Боевой маг и рыцарь, охранявшие караван, даже не успели как следует проснуться. Мэллон и Скотти подбежали к обрыву и увидели, как темные фигуры вышли из воды, отряхнулись и исчезли в лесу.

“Оборотни не настолько подвижны, — сказал Мэллон. — Однозначно, кэтей-рат. Чертовы воры. Слава Стендарру, они не понимают ценности моих записей. Это была бы невосполнимая потеря”.

Глава 2

Все было потеряно. За каких-то пять минут кэтей-рат украли или уничтожили все ценное, что было в караване. Груз леса Декунуса Скотти, который он надеялся продать босмерам, был предан огню. Его одежда и договоры были втоптаны в грязь вместе с разлившимся вином. Все пилигримы, торговцы и искатели приключений стонали и рыдали, собирая жалкие останки своих вещей под лучами восходящего солнца.

“Думаю, мне лучше никому не говорить, что мне удалось спасти мою запись перевода Мнориад Плей Бар, — прошептал поэт Гриф Мэллон. — Того и гляди они бросятся на меня”.

Скотти не стал пользоваться случаем и напоминать Мэллону о том, насколько он сам мало значения придает человеческой собственности. Вместо этого он подсчитал монеты у себя в кошельке. Тридцать четыре золотых. Без сомнения, чрезвычайно мало для человека, собирающегося начать новое дело.

“Хой! — раздался из лесу крик. Небольшой отряд босмеров появился из зарослей, они были одеты в кожаные доспехи, и у всех было оружие. — Вы враги или друзья?”

“Ни те, ни другие”, — проворчал глава охраны.

“Вы, должно быть, сиродильцы, — рассмеялся предводитель отряда, высокий, очень худой человек с острым лицом. — Мы слышали, что вы в пути. Похоже, наши враги тоже”.

“Мне казалось, что война закончилась”, — пробормотал один из разоренных купцов.

Босмер снова рассмеялся: “Это не война. Просто маленькое пограничное представление. Вы идете в Фалинесту?”

“Только не я, — покачал головой глава охраны. — Насколько я понимаю, у меня обязанностей больше нет. Нет лошадей, нет каравана. Одни убытки”.

Мужчины и женщины сгрудились вокруг него, протестуя, угрожая, моля, но он настаивал, что ноги его не будут в Валенвуде. Если таково мирное время, сказал он, то лично он лучше вернется на войну.

Скотти поступил по-другому и подошел к босмерам. Он заговорил властным, но дружелюбным голосом, каким всегда беседовал с капризными плотниками: “Я полагаю, вряд ли вы захотите сопровождать меня в Фалинесту. Я представляю важнейшее Имперское агентство, Строительную комиссию Атриуса, и нахожусь здесь для того, чтобы смягчить некоторые из проблем, которые ваша земля испытывает из-за войны с каджитам. Патриотизм...”

“Двадцать золотых, ты сам должен нести свои вещи, если только они у тебя остались...” — ответил босмер.

Скотти вспомнил, что переговоры с капризными плотниками редко оканчивались удачно.

У шести человек оказалось достаточно денег. Среди тех, у кого денег не нашлось, был и поэт, который обратился к Скотти за помощью.

“Ты уж извини, Гриф, но у меня осталось всего четырнадцать золотых. Когда я доберусь до Фалинесты, мне не хватит даже на приличную комнату. Я непре-

менно помог бы тебе, если бы мог”, — сказал Скотти, убеждая себя в том, что говорит чистую правду.

Итак, отряд из шести человек и их босмерский эскорт начали спуск по каменистой дороге, шедшей вдоль края утеса. Примерно через час они зашли в самую чащу Валенвуда. Небо закрывал плотный полог коричневого и зеленого цветов. Под ногами было глубокое, теплое море гниения, образованное миллионами опавших листьев. Несколько миль пришлось идти по колено в иле. Еще несколько миль они шли по настоящему лабиринту из упавших веток и огромных деревьев.

Все это время, час за часом, босмеры шли так быстро, что сиродильцы старались изо всех сил, чтобы не отстать. Маленький краснолицый торговец поскользнулся на гнилом корне и упал. Его земляки помогли ему подняться. Босмеры приостановились лишь на секунду, и все время всматривались в тени в кронах деревьев над головой, пока не двинулись дальше обычным своим быстрым шагом.

“Почему они так нервничают? — с трудом прохрипел торговец. — Опять кэтей-рат?”

“Не будь смешным, — не очень убедительно рассмеялся один из босмеров. — Каджиты в Валенвуде? В мирное время? Они никогда не посмеют”.

Когда отряд поднялся достаточно высоко над болотом, так что запах немого ослаб, Скотти почувствовал внезапный укол голода. Он привык есть по четыре раза в день, сиродильская привычка. Несколько часов непрерывной ходьбы без единой крошки еды явно нарушали режим высокооплачиваемого клерка. В полубреду он задумался о том, сколько времени они уже пробираются через джунгли. Двенадцать часов? Двадцать? Неделю? Время не имело значения. Солнце едва проглядывало сквозь растительный купол. Фосфоресцирующая древесная плесень была единственным источником света.

“А нельзя ли нам отдохнуть и поесть?” — крикнул он своим провожатым.

“Мы уже подходим к Фалинесту, — был ответ. — Там еды сколько угодно”.

Они шли еще несколько часов по кучам опавших листьев, заваливших деревья до самых нижних сучьев. Сделав большой крюк, путники обнаружили, что вышли к водопаду, лившемуся с высоты примерно сотни футов. Ни у кого не было сил жаловаться, когда пришлось лезть по нагромождениям камней. Каждый шаг становился все более мучительным. Босмеры уже исчезли в тумане, но Скотти продолжал карабкаться, пока камни не закончились. Пот и речная вода заливали ему глаза.

На горизонте перед ним раскинулся Фалинест. По обоим берегам реки стоял величественный грат-дубовый город, вокруг которого стояли рощи меньших деревьев, словно просители, окружавшие короля. Дерево, формировавшее подвижный город, было очень необычным: шишковатым и искривленным, с яркой зелено-золотой кроной, увитое лианами, поблескивающее от сока. В милю высотой и в полмили шириной, это было самое удивительное место из всех, которые приходилось видеть Скотти. Если бы он не был изголодавшимся человеком с душой чиновника, он бы запел.

“Ну вот, — сказал вождь сопровождающих. — Идти не так далеко. Радуйтесь, что сейчас зима. Летом город бывает далеко на юге”.

Скотти не знал, что ему делать дальше. Вид вертикального метрополиса, по которому, словно муравьи, сновали люди, совсем сбил его с толка.

“Вы ничего не слышали о трактире, — он запнулся, потом вытащил из кармана письмо Джуруса. — Что-то вроде “Таверна мамаша Паскос”? “

“Мамаша Паскос? — главный босмер рассмеялся знакомым презрительным смехом. — Ты же не хочешь там остановиться? Гости обычно предпочитают Айся Холл в верхних ветвях. Там дорого, но очень мило”.

“Мне нужно кое с кем встретиться в таверне мамаша Паскос”.

“Если ты уверен, поднимайся на Хавель Сламн, а там спросишь. Только не потеряйся и не засни в западном кресте”.

Это высказывание юным друзьям босмера явно показалось отличной шуткой, так что они все еще хохотали, когда Скотти лез по корням к основанию Фалинесте. Земля была завалена листьями и мусором, время от времени откуда-то сверху падала бутылка или кость, так что ему приходилось все время вертеть головой. Платформы, надежно закрепленные на толстых лианах, скользили вверх и вниз по гладкому стволу города с изумительной легкостью, управляемые операторами с руками размером с бычий желудок. Скотти подошел к ближайшему из них, который стоял около своей платформы и курил трубку.

“Не могли бы вы доставить меня на Хавель Сламн”.

Человек кивнул, и ровно через пять минут Скотти поднялся на две сотни футов в воздух и оказался у развилки между двумя мощными сучьями. Кружевная сеть мха, покрывавшая развилку, образовывала крышу для нескольких дюжин маленьких домиков. На улице было всего несколько человек, но где-то поблизости играла музыка и раздавались голоса. Скотти заплатил оператору золотой и поинтересовался, где находится Таверна матушки Паскос.

“Прямо перед вами, сэр, но сейчас там никого нет, — объяснил перевозчик, показывая пальцем. — Нынче в Хавель Сламне пирушка”.

Скотти осторожно пошел вперед по прямой улице. Хотя почва под ногами казалась такой же твердой, как мраморные мостовые Имперского Города, в коре были большие трещины, через которые вполне можно было упасть в реку. Он немного посидел, чтобы привыкнуть к высоте. Был, безусловно, чудесный день, но Скотти просидел спокойно всего несколько минут, а потом вскочил в тревоге. Маленький плот, стоящий на якоре далеко внизу, внезапно на его глазах сдвинулся на несколько дюймов. Но на самом деле плот стоял на месте. Двигался Скотти. Вместе со всем, что его окружало. Это была не метафора: город Фалинесте перемещался. И довольно быстро, учитывая его размеры.

Скотти вскочил на ноги и попал прямо в облако дыма. Нигде ему не доводилось встречать более вкусного запаха. Клерк забыл о своем страхе и побежал.

“Пирушка”, как ее охарактеризовал перевозчик, шла на огромной привязанной к дереву платформе, которая была достаточно велика, чтобы в другом городе считаться городской площадью. Огромное количество очень необычных людей толпилось на ней, некоторые ели, некоторые пили, а еще некоторые танцевали под музыку лютниста и певца, сидевших на ветке над толпой. Почти все они были босмеры, настоящие туземцы, одетые в разноцветную кожу и кося-

ные пластины, еще на пирушке присутствовало несколько орков. В толпе кружились и перекликались друг с другом отвратительные обезьянолюди. Несколько голов, возвышавшихся над толпой, принадлежали не высоким людям, как подумал сначала Скотти, а семье кентавров.

“Не желаете ли баранинки?” — спросил иссохший старик, жаривший огромную тушу на раскаленных до красна камнях.

Скотти быстро заплатил ему золотой и впился зубами в баранью ногу. За этим последовал еще один золотой и еще одна нога. Старик захихикал, когда Скотти подавился хрящом, и протянул ему кружку с пенистым белым напитком. Скотти выпил, и почувствовал, как по телу пробежала волна дрожи, как будто его пощекотали.

“Что это?” — спросил Скотти.

“Джагга. Перебродившее свиное молоко. Я могу продать вам бутылку и еще немного баранины за золотой”.

Скотти согласился, заплатил, жадно проглотил мясо, и, прихватив бутылку, смешался с толпой. Это товарища по работе Лиодеса Джуруса, человека, который велел ему приехать в Валенвуд, нигде не было видно. Когда бутылка на четверть опустела, Скотти перестал искать Джуруса. Выпив половину, он танцевал вместе со всеми, позабыв о трещинах в полу и прорехах в ограде. Когда в бутылке осталась одна четверть, он стоял и обменивался шутками с группой существ, чей язык был ему совершенно незнаком. А когда бутылка опустела, он заснул, и тихо похрапывал, а пирушка продолжалась, и никто не обращал внимания на его бесчувственное тело.

На следующее утро, еще не проснувшись окончательно, Скотти почувствовал, что его кто-то поцеловал. Он попытался вернуть поцелуй, но тут острая боль словно копье пронзила его грудь и заставила открыть глаза. На нем сидело насекомое, размером с большого теленка, острые ножки прижимали его к земле, а ужасная воронка рта рвала на нем рубашку. Он закричал, попытался вырваться, но тварь была слишком сильна. Она нашла себе обед и не собиралась останавливаться на полпути.

Вот и все, подумал Скотти, я никогда не вернусь домой. Я мог бы остаться в городе и получить работу у лорда Ванека. Я мог бы снова начать младшим клерком и проделать весь путь наверх.

Внезапно хватка ослабла. Насекомое содрогнулось, взорвалось желтой желчью, и сдохло.

“Есть один!” — крикнул чей-то голос неподалеку.

Мгновение Скотти лежал неподвижно. Голова у него пульсировала, грудь болела. Уголком глаза он засек какое-то движение. Еще одно чудовище бежало к нему. Он попытался было убежать, но прежде чем он успел шевельнуться, раздался звук спущенной тетивы, и второе насекомое упало, пронзенное стрелой.

“Хороший выстрел! — Закричал другой голос. — Добей-ка первого, я только что видел, как он шевельнулся!”

На этот раз Скотти почувствовал толчок, когда стрела вонзилась в тело. Он закричал, но голос его был приглушен телом насекомого. Он осторожно попытался откатиться в сторону, но из-за его движения стрелки подумали, что насекомое

все еще живо. В воздух взлетела целая туча стрел. Теперь все тело Скотти было залито кровью твари и, возможно, кровью ее жертв.

Когда Скотти был мальчиком и еще не считал себя слишком умным для такого рода развлечений, он часто ходил на Имперскую арену на военные состязания. Он вспомнил старого ветерана бойца, который по просьбе Скотти открыл ему свой секрет: "Если я не знаю точно, что делать, и у меня есть щит, я прячусь за ним".

Скотти последовал этому совету. Примерно через час, не слыша больше звуков выстрелов, он поспешно сбросил с себя останки жука и вскочил. И торопился он не зря. Восемь стрелков уже направили на него луки, готовясь стрелять. Увидев его, они засмеялись.

"А тебе никто не говорил, чтобы ты не спал в western cross? Как мы можем покончить с хоарворами, если вы, пьяницы, все время их кормите?"

Скотти тряхнул головой и пошел назад по платформе, к Хавель Слампу. Он был весь в крови, устал, измучился, и выпил накануне слишком много перебродившего свиного молока. Все, что ему сейчас было нужно, это место, чтобы прилечь. Он вошел в Таверну матушки Паскос, темное место, влажное от смолы и пахнущее плесенью.

"Меня зовут Декумус Скотти, — сказал он. — Я надеялся, что тут остановился человек по имени Джурус".

"Декумус Скотти? — спросила толстая хозяйка, сама матушка Паскос. — Я слышала это имя. Ой, наверное вы тот парень, для которого у меня письмо. Дайте-ка я пощу его".

Глава 3

Мамаша Паскос скрылась в грязной дыре, которая была ее таверной, и вскоре появилась вновь, держа в руках лист бумаги, исписанный почерком Лиодеса Джуруса. Декумус Скотти повернулся к свету и начал читать.

Скотти,

Итак ты теперь в Фалиннесте! Поздравляю! Наверна нелегко было туда попасть. К сожалению мне надо уехать. Вниз по реке есть город Атуй. Бери лодку и ехай туда. Надеюсь кантракты ты взял. Встретимся там как только ты приедешь.

- Джурус

Итак, подумал Скотти, Джурус поехал в город под названием Атуй. Принимая во внимание "грамотность" Джуруса, это могли быть Ати, Афи, Отри, Имтри, Урта или Кракамака. Скотти понимал, что разумнее всего было просто вернуться домой в Имперский город. Он не любил приключения: он был, по крайней мере, недавно, преуспевающим служащим комиссии по строительству. За последние несколько недель его ограбили кэтей-рат, он провел несколько

дней в джунглях с бандой насмешливых босмеров, чуть не умер от голода, перепил свиного молока и был на волосок от смерти из-за гигантского жука, его атаковали лучники. Он был грязный и смертельно уставший. В кармане было всего десять золотых. Ко всему прочему, он не нашел того, кто пригласил его сюда. Разумно было бы вернуться домой.

И все же, тихий, но настойчивый внутренний голос говорил: "Ты избранный. Ты должен пройти через все это".

Скотти повернулся к Манаше Паскос, которая с любопытством его разглядывала: "Вы не знаете, есть ли здесь неподалеку город? Вниз по реке. Называется что-то типа Атуй?"

"Вы имеете в виду Атай, — ухмыльнулась она. — У моего среднего сына была там молочная ферма. Прекрасный город, прямо вниз по реке. Туда отправился ваш друг?"

"Да, — ответил Скотти. — Вы знаете, как быстрее туда добраться?"

После короткой беседы, еще более короткой поездки к корням Фалинесту на платформах и прыжка на берег реки, Скотти уже разговаривал с огромным светловолосым босмером о транспорте. Босмер назвался капитаном Болфриксом, но даже Скотти при его небольшом опыте общения с подобными личностями сразу понял, кто он такой. Старый пират, наверняка контрабандист, а может и хуже. Его корабль, видно, был украден много лет назад из Имперского флота.

"Пятьдесят золотых, и мы будем в Атае через два дня", — прогудел капитан Болфрикс.

"У меня всего десять, нет, девять монет", — ответил Скотти. Чувствуя, что ему следует объясниться, добавил: "У меня было десять, но я отдал один паромщику, чтобы добраться сюда".

"Девять пойдет, — сказал капитан. — Честно говоря, я все равно собирался в Атай. Устраивайтесь пока на корабле. Мы отплываем через несколько минут".

Декумус Скотти взошел на борт судна, палуба которого была заставлена ящиками с совершенно безобидными надписями: сало, чернила, смола, еда из Хай Рок (с пометкой "Для скота"). Скотти мог только вообразить, что действительно находилось в этих ящиках.

Эти "несколько минут" длились больше часа, пока капитан Болфрикс погружал весь свой провиант на корабль. Наконец, якорь был поднят, и они направились вниз по реке к Атаю. Серо-зеленая вода еле колыхалась из-за легкого прикосновения бриза. Берега наполнились животными, которые выли и рычали друг на друга. Скотти смотрел на мирный пейзаж вокруг и очень скоро задремал.

Ночью он проснулся и с благодарностью принял от капитана Болфрикса чистую одежду и еду.

"Можно спросить, зачем вы едете в Атай?" — осведомился босмер.

"У меня там встреча с бывшим коллегой. Он попросил меня приехать из Имперского города, где я работал на Строительную комиссию Атриуса, чтобы обсудить некоторые контракты, — Скотти откусил сушеную колбасу, которая составляла

их ужин. — Мы хотим отремонтировать мосты, дороги и здания, пострадавшие в войне с каджитами”.

“Прошло два года, — кивнул капитан. — Но полагаю для вас и вашего друга это выгодно. Торговые пути отрезаны. Теперь они собираются объявить войну островам Санмерсет, не слышали?”

Скотти покачал головой.

“Я раньше перевозил скуму контрабандой на побережье, даже помогал революционерам избегать ярости Гривы. Но теперь война сделала меня законным торговцем, бизнесменом. Одно из важных последствий войны — изменения в нашей жизни”.

Скотти сказал, что ему жаль это слышать, и они погрузились в молчание, смотря на отражения луны и звезд на гладкой поверхности воды. На следующий день Скотти, проснувшись, обнаружил, что пьяный капитан, завернувшись в парусину, во весь голос распевает песни. Увидев Скотти, капитан протянул ему флягу.

“Я многому научился на празднике в западном кресте”.

Капитан засмеялся, а потом вдруг разрыдался: “Я не хочу быть законопослушным. Все пираты, которых я знаю, все еще насилуют, воруют и продают в рабство милых людишек вроде тебя. Клянусь тебе, когда я начал заниматься законной торговлей, я и подумать не мог, что все так обернется. Да, я знаю, я мог бы еще вернуться. Но Баан Дар не даст мне соврать, после всего, что я видел, я просто сломался”.

Скотти помог рыдающему босмеру выпутаться из парусины, шепча что-то ободряющее. Затем он добавил: “Простите, что меняю тему, но где мы находимся?”

“Ох, — простонал капитан Болфукс. — Мы приплыли вовремя. Атай прямо за поворотом”.

“Тогда Атай весь в огне”, — сказал Скотти, показывая рукой на город.

Черные клубы дыма поднимались над деревьями. Когда они рассеялись, показались обугленные дома — все, что осталось от поселения. Горящие живьем жители прыгали с утеса в реку. Слышались отчаянные крики. По горящему городу бродили каджиты, держа в руках факелы.

“О Баан Дар! — пробормотал капитан. — Снова война!”

“О нет”, — простонал Скотти.

Корабль поплыл по течению к противоположному берегу от объятого пламенем города. Скотти указал на тихую гавань. Там было безопасно. Вдруг на берегу зашуршали листья, и с деревьев спрыгнуло с десятков каджитов, вооруженных луками.

“Они нас видят, — прошептал Скотти. — И у них луки!”

“Ну конечно, у них луки, — огрызнулся капитан Болфукс. — Мы, босмеры, можем, и изобрели их, но не собирались же мы держать их втайне от всех, ты, чертов бюрократ.

“Они зажигают стрелы!”

“Да, иногда и такое бывает”.

“Капитан, они стреляют в нас! Они стреляют в нас горящими стрелами!”

“Надо же, действительно, — согласился капитан. — Наша задача — чтобы в нас не попали”.

Но в них попали, и очень быстро. Еще хуже, вторая волна стрел попала в ящики со смолой, которые тут же вспыхнули. Скотти схватил капитана Болфрикса и они вдвоем прыгнули за борт за секунду до того, как корабль вспыхнул весь. Холодная вода временно отрезвила Босмера. Он позвал Скотти, который уже изо всех сил греб к берегу.

“Господин Декумус, куда же вы плывете?”

“Назад в Фалинесту!” — крикнул Скотти.

“Но это же несколько дней пути. К тому времени, как вы туда доберетесь, все узнают о нападении на Атай! Они никого не впустят в город! Здесь ближе всего Гринос, может, они приютят нас!”

Скотти повернул назад, и они бок о бок поплыли по реке. Слава Маре, он умел плавать. Большинство сиродильцев не умели, потому что вся Имперская провинция была обширна и немногие ее области имели выход в море. Вырос бы он в Мир Коррупте или Артемоне, Скотти был бы обречен. Но Имперский город окружен водой, и все его жители были отличными пловцами. Даже те, кто потом стал служащими.

Когда капитан Болфрикс привык к температуре воды, алкоголь снова взял верх над его организмом. Даже зимой вода в реке Зило была относительно теплой. Болфрикс плыл довольно странно, то отставая от Скотти, то обгоняя его.

Скотти посмотрел на правый берег: пламя перекинулось на лес. Позади них был суший ад. На левом берегу все, казалось, было спокойно, пока он не заметил движение в тростнике. Затем из зарослей показалась стая самых огромных кошек, которых он когда-либо видел в жизни. Темно-рыжие зеленоглазые твари из самого страшного кошмара. Они смотрели на пловцов, не принимая никаких действий.

“Капитан Болфрикс, мы не сможем выйти ни на один берег. Мы либо сгорим, либо нас сожрут, — прошептал Скотти. — Постарайтесь не привлекать внимание всплесками. Дышите ровно. Если вы устали, перевернитесь на спину”.

Каждый, кто хотя раз пытался дать разумный совет пьяному, поймет, насколько это было бесполезно. Скотти пытался держаться рядом с капитаном, то ускоряя, то замедляя темп, пока Болфрикс рассказывал свои пиратские истории. Когда Скотти не смотрел на своего спутника, он внимательно присматривался к кошкам на берегу. Потом он взглянул на правый берег. Горела еще одна деревня. Без всякого сомнения, это был Гринос. Скотти заворочено смотрел на сцену разрушения и даже не заметил, как его спутник перестал петь.

Когда он повернулся назад, капитана Болфрикса уже не было.

Скотти нырял в темную воду еще и еще, но ничего нельзя было поделать. Когда он в очередной раз вынырнул, он увидел, что кошек на берегу больше не было. Наверное, они ушли, решив, что Скотти тоже утонул. Он продолжил плыть в одиночку вниз по реке. Приток не давал пламени далее распространяться. Но городов больше не было. Через несколько часов он решил выйти на берег. Но на какой, вот в чем вопрос.

Ответ пришел сам собой. Впереди был небольшой остров, на котором горел костер. Он не знал, были ли это босмеры или каджиты. Но он знал, что плыть дальше у него не хватит сил. С растянутыми и сильно болящими мышцами, он с трудом забрался на камни.

Там сидели беженцы-босмеры, он сразу же это понял. На вертеле над костром были остатки одной из огромных кошек.

“Сенч-тигр, — сказал один из молодых воинов с яростью. — Это не животное — они такие же умные, как кэтей-рат или омес, как все остальные чертовы каджиты. Жалко, что этот утонул. Я бы с радостью сам его убил. Но мясо вам понравится. Сладкое, как сахар, который едят эти твари”.

Скотти не никогда не думал, что он способен съесть мясо существа, равного по интеллекту человеку или меру. Но он сам себя удивил, уже не в первый раз за последние несколько дней. Мясо было невероятно вкусным и напоминало подслащенную свинину, хотя никаких приправ не было добавлено. Скотти осматривал сидящих у костра босмеров, пока ел мясо. Жалкое зрелище. Некоторые все еще оплакивали погибших в деревнях Гринос и Атай родственников. У всех на губах читалось одно — война. Почему каджиты снова напали? Этот вопрос был адресован Скотти, так как он был из Сиродила — почему император не может обеспечить мир на своей земле?

“Я должен был встретиться с другим сиродильцем, — сказал он девушке, которая, как он понял, была из Атая. — Его зовут Лиодес Джурус. Вы не знаете, что с ним произошло?”

“Я не знаю вашего друга, в Атае было много сиродильцев, — ответила она. — Некоторые из них успели уйти. Они пошли в Виндизи, это в джунглях. Я тоже пойду туда, как и многие из нас. Если хотите, можете пойти с нами”.

Декумус Скотти молча кивнул. Поев, он лег на каменный берег и уснул. Но спалось ему плохо.

Глава 4

Восемнадцать босмеров и бывший служащий Императорской Строительной комиссии из Сиродила пробирались на запад через джунгли, от реки Зило до старинной деревни Виндизи. Для Декумуса Скотти джунгли были совершенно незнакомой и враждебной территорией. Огромные кривые деревья затмевали ясное утреннее небо и напоминали ужасные лапы, не дающие путникам выбраться на свободу. Даже ветки кустарников, казалось, были наполнены злобной энергией. Что еще хуже, он был не одинок в своих чувствах. На лицах его спутников, местных жителей, которые недавно пережили нападение каджитов на деревни Гринос и Атай, был отражен неподдельный ужас.

Что-то обитало в этих джунглях, что-то сознательное. Скотти чувствовал это. Боковым зрением Скотти видел, как тени каджитов преследовали беженцев, прыгая с ветки на ветку. Когда он обернулся, чтобы посмотреть на них, юркие тени исчезли во мраке, словно их никогда и не было. Но он знал, что видел их. И босмеры тоже их видели, и поэтому ускорили шаг.

Через восемнадцать часов, искушенные насекомыми, исцарапанные ветками, они дошли до долины. Была ночь, но их приветствовал ряд ярких факелов, освещающих кожаные палатки и беспорядочно лежащие валуны деревушки Виндизи. В глубине долины факелы окружали святиню, несколько близко растущих искривленных деревьев, образующих храм. Босмеры безмолвно прошли по освещенной аллее, направляясь к этим деревьям. Скотти последовал за ними. Когда они дошли до живой стены, в которой был только один проход, Скотти увидел внутри голубое свечение. Оттуда же слышен был низкий звук стенаний сотен голосов. Босмерская девушка, за которой он шел, вытянула вперед руку, останавливая его.

“Вы не понимаете, но чужеземцы, даже наши друзья, не могут туда войти, — сказала она. — Это священное место”.

Скотти кивнул, наблюдая, как остальные заходят в храм, наклонив головы. Их голоса присоединились к голосам других. Когда последний лесной эльф зашел внутрь, Скотти вновь обратил внимание на деревню. Где-то должна была быть еда. Струйка дыма и легкий запах жареной оленины указали ему путь.

Пятеро сиродильцев, два бретонца и норд сидели у костра на блестящих белых камнях, отрезая горячие полоски мяса от туши крупного оленя. Увидев Скотти, они встали, все кроме норда, который слишком увлекся своим куском мяса.

“Добрый вечер, не хотелось вам мешать, но не найдется ли у вас чего-нибудь поесть? Боюсь, я несколько проголодался, после того как целый день шел сюда с группой беженцев из Гриноса и Атая”.

Они пригласили его к костру и представились.

“Итак, кажется, война опять началась”, — сказал дружелюбно Скотти.

“Так и надо этим избалованным идиотам, — ответил норд, отрываясь от еды. — Никогда не встречал такой ленивой расы. Теперь на суше на них нападают каджиты, а с моря пришли высокие эльфы. Если какое-либо место на земле и нуждается в встряске, так это чертов Валенвуд”.

“Не понимаю, что они тебе такого сделали”, — засмеялся один из бретонцев.

“У них воровство в крови. Они хуже каджитов, потому что они настолько смиренны в агрессии, — норд выплюнул кусок жира, который сразу зашипел и испарился в огне. — Они расширили свои леса на территорию, которая им не принадлежит, постепенно ущемляя своих соседей. А потом они удивляются, когда Эльсвейр наносит им ответный удар. Они сами злодеи”.

“А что вы здесь делаете?” — спросил Скотти.

“Я дипломат двора Дженны”, — пробормотал норд, возвращаясь к еде.

“А вы, что вы здесь делаете?” — спросил один из сиродильцев.

“Я работаю на столичную Строительную комиссию лорда Атриуса, — сказал Скотти. — Один из моих бывших коллег предложил мне приехать в Валенвуд. Он сказал, что война закончилась, и я смогу заключить достаточно контрактов для моей фирмы, чтобы перестроить разрушенные здания. Одно несчастье за другим, и я потерял все свои деньги, вокруг меня разгорелась война, и я не могу найти бывшего коллегу”.

“Вашего бывшего коллегу, — прошептал один из сиродильцев, который представлялся Реглиусом. — Его случайно звали не Лиодесом Джурусом?”

“Вы его знаете?”

“Он заманил меня в Валенвуд почти так же, как и вас, — мрачно улыбнулся Реглиус. — Я работал на конкурента вашей фирмы, лорда Ванека. Там тоже раньше работал Лиодес Джурус. Он написал мне, попросив меня представлять интересы императорской комиссии по строительству и заключать контракты на реконструкцию. Меня недавно уволили, и я подумал, что если мне удастся заключить несколько контрактов, меня могут восстановить на работе. Мы с Джурусом встретились в Атае, и он сказал, что он собирается заключить очень выгодную сделку с Сильвенаром”.

Скотти был ошарашен: “А где он сейчас?”

“Я не священник, я не знаю, — пожал плечами Реглиус. — Он умер. Каджиты напали на Атай, атаку они начали с гавани, где Джурус подготавливал к отплытию свой корабль. Или, скорее, мой корабль, так мы купили его на мое золото. К тому времени, как мы осознали, что происходит, все в гавани превратилось в пепел. Каджиты — звери, но они знают, как организовать нападение”.

“Мне кажется, они шли за нами через джунгли до Виндизи, — нервно заметил Скотти. — Кто-то постоянно прыгал по веткам деревьев”.

“Наверное, обезьяны какие-нибудь”, — фыркнул норд. — Не о чем волноваться”.

“Когда мы только пришли в Виндизи и все босмеры зашли в то дерево, они так разозлились, шептали что-то о древнем ужасе, который снизойдет на головы врагов, — бретонец вздрогнул от этих воспоминаний. — С тех пор они там и сидят, уже около полутора суток. Если хотите испугаться — загляните туда”.

Другой бретонец, представитель Гильдии магов Даггерфолла, молча смотрел в темноту, пока говорил его соотечественник: “Может быть. Но в джунглях тоже что-то есть, прямо рядом с деревней, и оно следит за нами”.

“Может быть, еще беженцы?” — спросил Скотти, изо всех сил пытаясь казаться спокойным.

“Может, если только они умеют лазать по деревьям”, — прошептал волшебник. Норд и один из сиродильцев схватили мокрое кожаное полотно и растянули его над костром, мгновенно потушив его. Теперь Скотти отчетливо видел незваных гостей в лесу, их овальные желтые глаза и длинные мечи, в которых отражался свет факелов. Он застыл от страха, молясь о том, чтобы они его не увидели.

Он почувствовал легкий толчок в спину и глотнул воздуха, чтобы успокоиться.

Откуда-то сверху прошипел голос Реглиуса: “Ради Мары, тише. Забирайтесь сюда”.

Скотти схватился за узловатую лиану, свисающую с высокого дерева прямо у погасшего костра. Он взобрался по ней так быстро, как только позволяли его силы, задержав дыхание, чтобы не выдать себя громким вздохом. На вершине дерева, на ветке, напоминающей трезубец, было заброшенное гнездо какой-то огромной птицы. Как только Скотти оказался на мягкой ароматной соломе, Реглиус поднял лиану. Больше в гнезде никого не было, и внизу, насколько Скотти

мог видеть, тоже никого не было. Никого, кроме каджитов, тени которых медленно скользили в свете храма из деревьев.

“Спасибо, — прошептал Скотти, до глубины души растроганный тем, что его конкурент помог ему. Он отвернулся от деревни и увидел, что верхние ветви дерева доходили до покрытых мхом скал, окружающих долину. — Вы умеете карабкаться по горам?”

“Вы с ума сошли, — прошептал Реглиус. — Мы останемся здесь, пока они не уйдут”.

“Если они поступят с Виндизи так же, как с Атаем и Гриносом, нам не выжить, — Скотти начал осторожно карабкаться вверх, пробуя каждую ветку на прочность. — Вам видно, что они там делают?”

“Не совсем, честно говоря, — Реглиус вглядывался в темноту внизу. — Они у входа в храм. Кажется, у них есть... похоже на длинные веревки, тянущиеся за ними прямо внутрь прохода”.

Скотти забрался на самую крепкую ветку, которая почти касалась влажной скалы утеса. Расстояние было совсем небольшим. Более того, он даже чувствовал запах влаги и прохладу камня. Однако, чтобы попасть на скалу нужно было прыгнуть, а он за все свои годы работы служащим никогда еще не прыгал со ствола дерева на отвесные скалы. Он вспомнил, как тени преследовали его джунглях. Как они изгибали ноги перед прыжком, как они элегантно выбрасывали руки вперед, чтобы схватиться за ветку. Он прыгнул.

Его руки пытались нащупать камень, но вокруг был лишь толстый слой мха. Он держался изо всех сил, но как только он попытался передвинуть ногу, он поскользнулся. Несколько секунд он висел кверху ногами, после чего ему удалось занять более удобную позицию. На скале оказался узкий выступ, на который он встал и смог, наконец, вздохнуть.

“Реглиус. Реглиус. Реглиус”, — Скотти не осмелился повысить голос. Через минуту ветки зашуршали и среди них появился портфель, затем голова, а затем и все остальное, принадлежащее служащему лорда Ванека. Скотти что-то зашептал, но Реглиус резко замотал головой и показал вниз. Один из каджитов стоял у дерева, повернувшись к потухшему костру.

Реглиус неуверенно попытался удержать равновесие на ветке, однако это невероятно трудно было сделать с одной свободной рукой. Скотти сложил ладони, а затем показал на портфель. Казалось, Реглиусу было невыносимо больно выпустить из рук портфель, но он бросил его Скотти.

В сумке была малюсенькая, почти невидимая дырочка, и когда Скотти поймал сумку, из нее выпал золотой. Он звякнул о скалу, и этот тихий звук прозвучал в ушах Скотти самой громкой сиреной, которую он когда-либо слышал.

Затем все происходило с молниеносной скоростью.

Кэтей-рат взглянул вверх и издал громкий клич, который сразу же подхватили другие каджиты. Кошка внизу прыгнулась и вспрыгнула на нижние ветки. Реглиус увидел, как она с невероятной ловкостью подбирается к нему, и запаниковал. Еще перед тем, как он прыгнул, Скотти понял, что он упадет. С криком клерк Реглиус рухнул вниз, сломав себе шею при падении.

Белое пламя вырвалось из каждой щели храма, а пение босмеров превратилось в ужасный крик, доносящийся словно из другого мира. Кэтей-рат остановился.

“Кейрго, — проговорило существо. — Дикая Охота”.

Возникло ощущение, что реальность раскололась. Поток ужасных тварей, усатых жаб, насекомых в панцирях, желатиновых змей, парообразных существ с лицами богов — весь этот ослепленный яростью поток вылился из огромного полого дерева. Каджитов, что стояли у храма, сразу же разорвали на куски. Все остальные кошки бросились к джунглям, однако им мешали их веревки. Через несколько секунд вся деревня Виндизи кишела обезумевшими призраками Дикой Охоты.

Сквозь лай и вой Скотти слышал крики сиродильцев. Их нашли в их укрытиях. Норда и двух бретонцов съели. Волшебник стал невидимым, но для этих зверей не зрение являлось основным чувством. Дерево, на котором сидел кэтей-рат, тряслось и качалось. Скотти посмотрел в заполненные страхом глаза каджиты и протянул ему конец лианы.

На морде кошки появилось жалкое выражение благодарности. Она прыгнула к лиане. Выражение не успело даже смениться, когда Скотти убрал лиану. Он смотрел, как падает кошка. Живая масса внизу тут же поглотила тело.

Прыжок Скотти на следующий выступ был намного удачнее предыдущего. Оттуда он подтянулся на вершину утеса и посмотрел вниз на хаос в деревне Виндизи. Масса Охоты разрасталась и скоро должна была выйти за пределы долины, преследуя спасающихся бегством каджитов. И вот тогда началось настоящее безумие.

При лунном свете Скотти увидел, куда каджиты привязали свои веревки. С ужасающим грохотом лавина камней обрушилась на проход. Когда пыль улеглась, он понял, что долина была изолирована. У Дикой Охоты не было выбора — она стала уничтожать себя.

Скотти отвернулся — вид этой каннибальской оргии был просто невыносим. Перед ним стояли ночные джунгли. Он перекинул через плечо портфель Реглиуса и отправился в путь.

Глава 5

“Мыло! Лес съест любовь! Впереди! Дважды тупая корова!”

Голос раздался так внезапно, что Декумус Скотти подпрыгнул на месте. Он начал вглядываться в заросли, откуда еще мгновение назад не доносилось ничего, кроме криков зверей и насекомых, и завывания ветра. Это был странный голос с непонятным акцентом, слегка дрожащий, но бесспорно человеческий, хотя и не понятно было мужской он или женский. Или, по крайней мере, эльфийский. Возможно, долго живший в изоляции босмер с легким акцентом Сиродила. После долгих часов скитаний по джунглям Валенвуда, любой знакомый голос казался ему чудом.

“Эй?” — закричал он.

“Жуки на любые имена? Конечно вчера, да! — отозвался голос, — Кто, что и когда и мыши!”

“Боюсь, я вас не понимаю, — ответил Скотти, поворачиваясь к ежевичному дереву, толстому, как фургон, откуда доносился голос. — Но вам не надо меня бояться. Меня зовут Декимус Скотти. Я из Сиродила, из Имперского города. Я пришел сюда, чтобы помочь отстроить Валенвуд после войны, понимаете, я немножко заблудился”.

“Драгоценности и жареные рабы... Война”, — простонал голос и сбился на всхлипы.

“Вы знаете о войне? Я не был уверен, я даже не знаю, как далеко я ушел от границы, — Скотти начал медленно подходить к дереву. Он положил сумку на землю и протянул вперед руки. — У меня нет оружия. Мне только надо знать, как добраться до ближайшего города. Я должен встретиться со своим другом, Лиодесом Джурусом в Сильвенаре”.

“Сильвенар! — рассмеялся голос. Смех стал еще громче, когда Скотти обошел дерево. — Червяки и вино! Червяки и вино! Сильвенар поет для червей и вина!”

Около дерева никого не было: “Я не вижу вас. Почему вы прячетесь?”

Он разочарованно ударил по дереву, вспышка эмоций, вызванная, судя по всему, голодом и усталостью. Неожиданно где-то наверху возникло мелькание золотого и красного, и Скотти оказался окружен шестью крылатыми существами, которые были не больше нескольких дюймов в длину. Яркие красные глаза располагались по обеим сторонам бугорков, которые, очевидно, были открытыми ртами этих существ. У них не было ног, а их тонкие золотистые крылья были, казалось, не способны поднять толстые туловища созданий. И, несмотря на это, они мелькали в воздухе, как искры. Носясь вокруг бедного клерка, они начали старательно щебетать, что, как он наконец понял, было абсолютной бессмыслицей.

“Вина и Черви, как далеко я ушел от границы! Академические задолженности и увы, Лиодес Джурус!”

“Эй, я боюсь, у меня нет оружия? Дымящееся пламя и ближайший город — дорогой Обливион”.

“Отравился тухлым маслом, нимб индиго, но вам не надо меня бояться!”

“Почему вы прячетесь? Почему вы прячетесь? Прежде, чем мы начнем дружить, полюбите меня Леди Зулеика!”

Разъяренный этим щебетанием, Скотти замахал руками, пытаясь отогнать их обратно на вершину дерева. Он отошел на поляну и снова открыл сумку. Неудивительно, что там не было ни одного кусочка еды, там не было вообще ничего, что могло бы пригодиться. Солидная сумма золотых (он мрачно улыбнулся, как и раньше, ирония судьбы — оказаться финансово обеспеченным в джунглях), пачка чистых контрактов на строительство лорда Ванека, какой-то тонкий шнур и промасленный кожаный плащ на случай дождя. По крайней мере, решил Скотти, ему повезло, что он пока не попал под этот самый дождь.

Раскат грома напомнил Скотти о его подозрениях, которые появились у него несколько недель назад. Он был проклят.

Через час он уже нацепил на себя плащ и шел вперед по грязи. Деревья, которые раньше абсолютно не пропускали солнечный свет, теперь совершенно не за-

ищали его от дождя и ветра. Единственным звуком, который пробивался сквозь шелест дождя, было щебетание летающих существ, которые летели над ним, продолжая нести околесицу. Скотти кричал на них, бросался камнями, но им, видимо, очень нравилась его компания.

Когда он протянул руку, чтобы схватить очередной камень и запустить им в своих мучителей, Скотти почувствовал, что у него под ногой что-то поползло. Мокрая, но твердая земля вдруг размягчилась и стала потоком, потащившим его вперед. Легкий, как листик, он летел, переворачиваясь в воздухе, до тех пор, пока грязевой поток не иссяк, тогда он просто полетел вперед, в конце концов оказавшись в реке, которая была в двадцати пяти футах внизу.

Буря закончилась так же внезапно, как и началась. Солнце разогнало темные тучи и согрело Скотти, который к этому моменту как раз добрался до берега. Тут он нашел еще один признак того, что Каджиты вторглись в Валенвуд. Здесь когда-то была маленькая рыбацкая деревушка, которая все еще тлела и напоминала ему еще не остывший труп. Грязные хранилища, где, судя по запаху, когда-то лежала рыба, были опустошены, все сокровища жителей этого поселка превратились в пепел. Плоты и лодки наполовину погрузились в воду. Всех жителей скорее всего убили. Те, кто смог спастись, стали беженцами. По крайней мере, так думал Скотти. Что-то ударило о стену одной из развалин. Скотти побежал на разведку.

“Меня зовут Декумус Скотти? — пропела первая крылатая тварь. — Я сиродилец из? Имперский город? Я пришел сюда, чтобы помочь отстроить Валенвуд после войны, понимаете, я немного заблудился?”

“Я переполнен чувствами и покрыт пятнами! — согласился один из компаньонов летающей гадости. — Я вас не вижу. Почему вы прячетесь?”

Они снова начали щебетать, а Скотти помчался осматривать оставшуюся часть деревни. Кошки должны были оставить хоть что-то, кусок вяленого мяса, немного рыбного соуса, что-нибудь. Но они явно переусердствовали в своем желании уничтожить все, что попадает под руку. Еды нигде не было. Скотти нашел только один более или менее полезный предмет в развалинах деревни. Лук и две костяные стрелы. Тетивы не было, видимо, она сгорела при пожаре, но он вытащил шнур из своей сумки и сделал новую тетиву.

Существа порхали над ним, и щебетали, пока он работал: “Конвенция святого Люодеса Джуруса?”

“Вы знаете про войну! Черви и вино, остановите золотое войско!”

В тот момент, когда шнур наконец превратился в тетиву, Скотти взял стрелу и прицелился, натянув тетиву на уровне груди. Крылатые твари, которые, видимо, уже имели дело с лучниками, заметались во все стороны. Но им не стоило беспокоиться. Первая стрела Скотти упала на землю в трех футах от него. Он выругался и поднял ее. Болтуны, которые, видимо, встречались с плохими лучниками и раньше, тут же вернулись на свои позиции и продолжали издеваться на Скотти.

Второй выстрел был гораздо лучше, правда исключительно с технической точки зрения. Он вспомнил, как обращались с луком стрелки в Фалинесте, когда он попал в передрагу, и они все целились в него. Он вытянул левую руку, правую руку и отставил правый локоть и попытался создать из этого всего

симметричную линию, натянув лук так, что его рука касалась челюсти, и так, что он видел перед собой летающее существо, а стрела указывала на противника. Скотти промахнулся мимо цели, стрела продолжила полет и сломалась, ударившись о каменную стену.

Скотти пошел к реке. У него осталась всего одна стрела, и, скорее всего, куда практичнее будет найти какую-нибудь медлительную рыбу и стрелять в нее. По крайней мере, если он промахнется, стрела, скорее всего, не сломается, и он всегда сможет вытащить ее из реки. Мимо проплыла пухлая усатая рыба, и он прицелился в нее.

“Меня зовут Декумус Скотти! — завопило одно из существ, спугнув рыбу. — Дважды тупая корова! Ты будешь танцевать танец в огне!”

Скотти обернулся и прицелился, как раньше. В этот раз, однако, он не забыл расставить ноги, как это делали лучники, на расстояние в семь дюймов, колени прямые, левая нога чуть-чуть впереди, чтобы компенсировать угол правого плеча. Он выпустил последнюю стрелу.

Стрела пригодилась Скотти и для того, чтобы поджарить тварь на камнях развалин. Другие существа немедленно исчезли, как только он убил одно из них, и Скотти смог поужинать в тишине и спокойствии. Мясо было достаточно вкусным для первого блюда. Он обглаживал кости, когда лодка показалась из-за изгиба реки. На борту были босмерские моряки. Скотти побежал к берегу и замахал руками. Они отвернулись и продолжили движение.

“Ах вы проклятые, жестокие ублюдки! — завопил Скотти. — Жулики! Хулиганы! Подлецы!”

Из лодки высунулась голова с седыми усами, в которой Скотти немедленно распознал Грифа Мэллона, переводчика поэзии, с которым он познакомился, когда шел с караваном из Сиродила.

Он посмотрел в направлении Скотти и засиял от удовольствия: “Декумус Скотти! Именно тот человек, которого я рассчитывал встретить! Я хотел узнать ваше мнение по поводу одного, достаточно загадочного отрывка в Мнориад Плей бар! Он начинается со слов “И пошел я в слезах по миру в поисках чудес”, может быть, вы знакомы с этим произведением?”

“Я думаю, что нам удобнее будет обсуждать Мнориад Плей бар, если мы будем находиться в одной лодке, Гриф!” — закричал Скотти в ответ.

Радуюсь тому, что он оказался на корабле, неважно куда тот направляется, Скотти сдержал свое слово. Почти час, пока лодка плыла мимо обуглившихся остатков бсмерских деревень, он не задавал вопросов и не рассказывал ничего о своей жизни в течение последних недель: он только слушал теории Мэллона о меретической эзотерике альдмеров. Переводчик не сомневался в образованности гостя, Гриф воспринимал все кивки и пожимания плечами Скотти как искреннюю заинтересованность собеседника. Он даже угостил его вином и студнем из рыбы, правда сделал это чисто машинально, поскольку в этот момент блуждал в своих теориях.

Наконец, когда Мэллону потребовалась найти ссылку в каких-то дальних уголках своих записей, Скотти спросил: “Извините, что прерываю вас, но мне бы хотелось знать, куда мы направляемся”.

“В самый центр этой провинции, в Сильвенар, — сказал Мэллон, не отрываясь от отрывка, который он читал. — На самом деле, скучновато, я хотел поехать в Вудхерт и поговорить с Босмером, у которого, как он утверждает, есть оригинал Дирит Ямиллхиад, вы можете в это поверить? Но этому придется подождать. Город окружен войсками Островов Саммерсет, и там сейчас голод. Похоже, это затянется надолго, поскольку Босмеры с удовольствием едят друг друга. Так что есть риск, что в конце концов белым флагом будет размахивать один весьма разъявшийся лесной эльф”.

“Это неприятно, — сочувственно заметил Скотти. — На востоке каджиты жгут все, что попадает под руку, высокие эльфы разжигают войну. Видимо с северными границами тоже не все в порядке?”

“Там все еще хуже, — ответил Мэллон, водя пальцем по странице. — Сиродильцы и редгарды не хотят, чтобы Босмерские беженцы хлынули к ним в провинции. В этом есть свой резон. Представьте, как разгуляется преступность при таком обилии бездомных и голодных”.

“Стало быть, — пробормотал Скотти, чувствуя, как у него по спине бегут мурашки. — Мы в ловушке, заперты в Валенвуде”.

“Вовсе нет. Мне скоро придется уезжать отсюда, поскольку мой издатель назначил мне крайний срок сдачи моей новой книги переводов. Я так понял, что надо подать прошение Сильвенару, чтобы безнаказанно перейти границу с Сиродилом”.

“Петицию Сильвенару или Петицию в Сильвенаре?”

“Сильвенару в Сильвенаре. Странная номенклатура, однако типичная для этих мест, это делает мою работу переводчика куда более сложной и интересной. Сильвенар, он или, точнее, они, пожалуй, наиболее близки к тому, чтобы называться великими правителями Босмеров. Про Сильвенар важно помнить одно, — Мэллон улыбнулся, поскольку он наконец нашел тот отрывок, который искал все это время, — Вот! “Две недели, необъяснимо, мир пускается в пляс”. Опять эта же метафора”.

“А что вы говорили о Сильвенаре? — спросил Скотти. — Что важно запомнить?”

“Я не помню, что я говорил”, — ответил Мэллон, пытаясь вернуться к своей речи.

Через неделю маленькая лодочка вышла в широкие, спокойные воды пролива Зило, и Декумус Скотти в первый раз увидел город Сильвенар. Если Фалинести был деревом, то Сильвенар — цветком. Удивительное скопление всех оттенков зеленого, красного, синего и белого, вся эта картина сияла и переливалась, как кристалл. Однажды Мэллон упомянул, в тот момент, когда он не был занят объяснением Aldmer prosody, что Сильвенар раньше был цветущей поляной в лесу, но из-за каких-то чар или природных свойств, деревья вдруг начали истекать полупрозрачным соком. Сок тек и затвердевал на разноцветных деревьях, в результате чего и образовался город. Описание Мэллона заинтриговало Скотти, но такой красоты он не ожидал увидеть.

“Где здесь находится самая шикарная гостиница?” — спросил Скотти одного из Босмерских моряков.

“Притала Холл, — ответил Мэллон. — Но почему бы вам не остаться со мной? Мне надо идти на важную встречу с ученым, который, я убежден, вас тоже очень заинтересует. У него не очень много трудов, зато у него имеются необычные идеи относительно принципов племен меретических альдмеров, Сарматхи”.

“Будь я в другом положении, я с радостью принял бы ваше приглашение, — вежливо отозвался Скотти. — Но после долгих недель спанья на земле в джунглях или на плоту, и поедания всего, что шевелится, мне просто необходимо пожить в удобстве. А потом, через день или два я подам прошение Сильвенари, чтобы спокойно отправиться в Сиродил”.

Мужчины вежливо раскланялись. Гриф Мэллон дал ему адрес своего издателя в Имперском городе, который Скотти выслушал и тут же забыл. Клерк побрел по улицам Сильвенара, переходя янтарные мосты и наслаждаясь лесной архитектурой. Напротив какого-то очень важного дворца из серебристых отражающих кристаллов он обнаружил Притала Холл.

Он снял лучший номер, и заказал обильный обед лучших яств. За соседним столиком сидели два толстых приятеля, человек и босмер, разговаривая о том, насколько еда здесь лучше, чем во дворце Сильвенара. Они начали обсуждать войну, какие-то финансовые проблемы и реставрацию мостов в провинциях. Человек заметил, что Скотти смотрит на него, и в свою очередь с удивлением посмотрел на Скотти.

“Скотти, ты ли это? Кинарет, где тебя носило? Мне пришлось заключать все контракты самому!”

Услышав его голос, Скотти узнал этого человека. Толстяк оказался Лиодесом Джурусом.

Глава 6

Декумус Скотти присел, слушая Лиодеса Джуруса. Чиновник с трудом узнавал своего бывшего коллегу по Строительной комиссии лорда Атриуса: настолько тот растолстел. Скотти перестал ощущать пикантный аромат жареного мяса на блюде, стоявшем перед ним. Все иные звуки и образы Зала Приталы также исчезли, словно и не существовало ничего, помимо необъятной туши Джуруса. Скотти не считал себя чересчур впечатлительным, но сейчас словно волна поднималась в его душе при виде этого человека, чьи скверно написанные письма послужили причиной того, что он покинул Столицу в начале месяца Начала морозов.

“Где ты был? — снова потребовал ответа Джурус. — Я же назначил тебе встречу в Фалинесте несколько недель назад”.

“А я и был там несколько недель назад, — запинаясь, сказал Скотти — он был слишком удивлен, чтобы возмутиться. — Я получил твою записку о встрече в Атае, и я отправился туда, но каджиты спалили его дотла. Чудом мне удалось перебраться с беженцами в другое село, и кто-то сказал мне, будто ты погиб”.

“А ты так сразу им и поверил?” — Джурус усмехнулся.

“Мне показалось, что тот парень неплохо осведомлен о тебе. Это служащий из Строительной комиссии лорда Ванека, его зовут Реглиус. Он сказал, что ты также предлагал ему отправиться в Валенвуд и пожить на войне”.

“О да, — признал Джурус, немного подумав. — Теперь я вспомнил это имя. Что ж, для дела неплохо, что тут целых два представителя имперских строительных комиссий. Нам нужно всего лишь продумать наши запросы, и дело будет выгодно для всех”.

“Реглиус мертв, — заметил Скотти. — Но его контракты от комиссии лорда Ванека у меня”.

“Еще того лучше! — вздохнул Джурус, воодушевленный. — Вот уж не знал, что ты столь безжалостен в делах, Декумус Скотти. Да, это определенно улучшит наше положение с Сильвенаром. Я представил тебя Басту?”

Скотти едва догадывался о присутствии Босмера за столом, что было удивительно, учитывая тучность мера, в коей он не уступал сотрапезнику. Скотти холодно кивнул Басту, все еще ошеломленный и смущенный. Его рассудок не покидала мысль, что каким-нибудь часом раньше Скотти намеревался подавать прошение Сильвенару о пропуске до границы, обратно в Сиродил. Ведение дел с Джурусом после всего случившегося, разговоры о наживе на Валенвудской войне с Эльсвейром, а теперь еще и на другой, с островом Саммерсет, — казалось, будто все это происходит не с ним, а с кем-то другим.

“Мы с твоим коллегой говорили о Сильвенаре, — сказал Баст, отложив только что обглоданную баранью ногу. — Полагаю, ты мало слышал о нем?”

“Да, немного, и ничего особенного. У меня сложилось впечатление, что он очень важный господин, и весьма эксцентричный”.

“Он представитель народа, и по закону, и физически, и духовно, — пояснил Джурус, слегка обеспокоенный неосведомленностью своего нового партнера. — Когда народ здоровствует, он тоже здоров. Если в народе преобладают женщины, он становится женщиной. Когда они кричат о еде, о торговле или об исключении иностранного вмешательства, он это чувствует и составляет законы соответственно. В каком-то смысле он деспот, но при этом всенародный деспот”.

“Это похоже, — заметил Скотти, ища подходящее слово. — Похоже на... на чушь собачью!”

“Может, и так, — Баст пожал плечами. — Но как у Гласа Народа у него много прав, включая раздачу концессий иностранцам на строительство и торговлю. Поэтому не важно, веришь ли ты нам, или нет. Просто считай Сильвенара кем-то вроде твоего безумного императора, Пелагиуса. Главная проблема для нас заключается в том, что Сильвенар сейчас относится ко всем иностранцам со страхом и настороженностью, ведь Валенвуд атакуют со всех сторон. Единственная надежда его народа, а следовательно, и самого Сильвенара, в том, что император вмешается и прекратит войну”.

“А он это сделает?” — спросил Скотти.

“Ты не хуже нашего знаешь, что император в последнее время сам не свой, — Джурус залез в сумку Реглиуса и достал чистые контракты. — Кто знает, что он станет делать, а что нет? Сию высокие материи — не наша забота, а вот эти дары покойного и великодушного сэра Реглиуса значительно упрощают нашу работу”.

Затем они обсудили, как будут представляться Сильвенару нынче вечером. Скотти ел непрерывно, но ему было не узнаться за Джурусом и Бастом. Когда солнце стало подниматься над холмами, бросая свои красные лучи сквозь хрустальные стены таверны, Джурус и Баст разошлись по своим комнатам во дворце, дипломатично предоставленным им в преддверии скорой встречи с Сильвенаром. Скотти тоже отправился к себе. Он хотел немного поразмышлять над планами Джуруса, над тем, какие в них могут быть изъяны, но едва он коснулся прохладной, мягкой перины, как сразу уснул.

Скотти проснулся в полдень, снова чувствуя себя самым собой. Иными словами, робким малым. Несколько последних недель он был существом, единственной целью которого было одно — выжить. Он был доведен до крайности, на него нападали звери джунглей, он голодал, едва не утонул, и еще его заставляли обсуждать древнюю альдмерскую поэзию. После этого разговор с Джурусом и Бастом о том, как обмануть Сильвенара и добиться от него подписания контрактов, казался вполне уместным. Скотти облачился в свои старые, потертанные одежды и спустился по лестнице в поисках еды и укромного местечка для размышлений.

“А вот и ты! — закричал Баст, завидев его. — Мы пойдем во дворец сейчас же”.

“Прямо сейчас? — жалобно переспросил Скотти. — Посмотри на меня. Мне нужна новая одежда. Эта не годится даже для встречи с дешевой проституткой, не говоря уж о Глазе Народа Валенвуда. Я не успел даже помыться”.

“С этого момента ты перестанешь быть простым служащим и сделаешься учеником, постигающим азы коммерции, — веско заявил Лиодес Джурус, взяв Скотти за руку и выведя его на залитый солнцем бульвар. — Первое правило заключается в том, как представить себя нужному клиенту в наиболее выгодном свете. Ты едва ли покоришь его пышными одеяниями и изысканностью манер, мой милый мальчик, а только погудишь дело. Доверься мне в этом. Во дворце есть и другие гости помимо нас с Бастом, и все они уже допустили эту ошибку: проявили слишком большое рвение, уважение к этикету и готовность к сделкам. И им никогда не заслужить аудиенции у Сильвенара. Мы же изображали гордое терпение с самого первого отказа. Я ошивался при дворе, изливал свои познания жизни в Столице, держал ушки на макушке, принимал участие во всяких забавах, ел и пил, чем угощали. Рискну даже сказать, что поправился на фунт-другой. А смысл нашего поведения ясен: он, а не мы, больше заинтересован во встрече”.

“Наш план сработал, — добавил Баст. — Когда я сказал его министру, что прибыл наш имперский представитель, и что мы в последний раз выражаем желание встретиться с Сильвенаром этим утром, нам приказали доставить тебя немедленно”.

“А в таком случае, мы не опоздали?” — встревожился Скотти.

“Весьма даже, — Джурус засмеялся. — Но, опять же, это отвечает впечатлению, которое мы желаем произвести. Благожелательное безразличие. Да, и не стоит смущать Сильвенара благородством манер. В нем живет дух простого народа. Когда ты это поймешь, то сможешь манипулировать Сильвенаром”.

Последние несколько минут прогулки Джурус подробно излагал свои воззрения на то, что нужно Валенвуду, в каких количествах, и по какой цене. Звучали цифры и замыслы, значительно превосходящие все, с чем Скотти прежде доводилось иметь дело. Он слушал внимательно. Со всех сторон их окружал город Сильвенар, со своими травами и цветами, неистовыми ветрами и прекрасным покоем. Когда они добрались до дворца Сильвенара, Декумус Скотти замер, пораженный. Джурус глянул на него в недоумении, а затем рассмеялся.

“Довольно причудливо, не правда ли?”

Вот уж воистину. Замерзший алый взрыв извивающихся языков пламени, словно восход самозванного солнца. Цветок размером с добрую деревню, где придворные и слуги больше всего напоминали насекомых, ползающих по нему и пьющих его нектар. Взойдя на необычный мост, напоминавший лепесток, вся троица прошествовала во дворец с разными по величине стенами. Там, где они изгибались и касались друг друга, получались затененные залы или маленькие гридницы. Там же, где они расходились, возникали дворы и галереи. Дверей не было нигде, и единственный путь к Сильвенару лежал через всю спираль дворца, через опочивальни и трапезные, мимо всех этих сановников, знатных дам, музыкантов и множества стражей.

“Любопытное место, — заметил Баст, — вот только уединения маловато. Но Сильвенару оно, безусловно, подходит как нельзя лучше”.

Когда они достигли внутренних коридоров, два часа спустя после входа во дворец, путь им преградили стражники, изготовившие мечи и луки.

“Сильвенар назначил нам аудиенцию, — терпеливо объяснил Джурус. — Это Лорд Декумус Скотти, представитель Империи”.

Один из стражников скрылся в извилистом коридоре, а через несколько мгновений вернулся в сопровождении высокого босмера, облаченного в свободное платье из кожаных лоскутов. Это был Министр Торговли: “Сильвенар желает поговорить с лордом Декумусом Скотти наедине”.

Не было возможности спорить или выказывать страх, поэтому Скотти ступил вперед, даже не взглянув на Джуруса и Баста. Он был уверен, что они изображали маски благожелательного безразличия. Следуя за министром в зал для аудиенций, Скотти припомнил все факты и сведения, которые поведал ему Джурус. Он заставил себя помнить о впечатлении и образе, которые он должен поддерживать.

Зал для аудиенций оказался огромным куполом, в котором стены, изгибаясь в форме чаши у основания, едва не сходились наверху, образуя свод. Узкий луч солнца падал сквозь просвет в сотнях футах над головой, точно на Сильвенара, стоящего в клубях блестящего серебристого порошка. После всех чудес города и дворца, сам Сильвенар смотрелся довольно обыденно. Заурядный, исполненный мягкой красоты, слегка усталый на вид лесной эльф того типа, какой можно встретить в любом крупном городе Империи. И лишь когда он сошел с помоста, Скотти заметил его необычность. Он был очень малого роста.

“Мне нужно поговорить с тобой без посторонних, — сказал Сильвенар простым и грубоватым тоном. — Где там твои бумаги?”

Скотти вручил ему бланки контрактов от Строительной комиссии лорда Ванека. Сильвенар изучил их, потрогав пальцем рельефную печать императора, а потом вернул. Внезапно он засмутился, его взор был устремлен в пол: "При моем дворе полно шарлатанов, которые желают нагреть руки на войне. Я было решил, что и ты с твоими дружками той же породы, но все же эти контракты — подлинные".

"Совершенно верно, — невозмутимо подтвердил Скотти. Обыденные манеры Сильвенара позволяли Скотти говорить легко, без пышных приветствий, не заискивая перед Сильвенаром, точно так, как его учил Джурус. — Представляется разумным сразу перейти к разговору о дорогах, которые надо починить, а затем о гаванях, разрушенных альтмерами, и тогда я сообщу вам свои расчеты затрат на восстановление торговых путей".

"А почему император не счел возможным послать представителя, когда война с Эльсвейром только началась, два года назад?" — хмуро спросил Сильвенар.

Перед тем, как ответить, Скотти задумался на мгновение обо всех простых босмерах, которых он встречал в Валенвуде. Жадные, трусливые наемники, сопровождавшие его от границы. Запойные гуляки и лучники, умелые истребители нечисти Западного Креста Фалинест. Носатая Мамаша Паскос из Хавель Слампа. Капитан Болфикс, несчастный исправившийся пират. Напуганные, но не утратившие надежды беженцы из Атая и Гриноса. Безумная, смертоносная Дикая Охота в Виндизи. Молчаливый, суровый лодочник, нанятый Грифом Мэллоном. Порочный хапуга Баст. Если представить их всех, да еще многих жителей провинции, одним человеком, то какова будет его личность? Скотти, будучи клерком по роду занятий и по природе, привык раскладывать вещи по полочкам, приводить все к единому знаменателю. Если душу Валенвуда нужно подшить — то к какой папке?

Ответ осенил его прежде, чем он осмыслил для себя вопрос. Отказ отвечать.

"Боюсь, этот вопрос меня не интересует, — сказал Скотти. — А теперь, может, вернемся к делам текущим?"

Весь день Скотти и Сильвенар обсуждали неотложные нужды Валенвуда. Каждый контракт был подписан и приобщен к делу. Требовалось так много, и расходы были столь высоки, что пришлось приписывать поправки и примечания на полях. Скотти сохранял благожелательное безразличие, но он заметил, что иметь дело с Сильвенаром было не совсем то же самое, что общаться с простым угрюмым ребенком. Глас Народа знал определенные практические, повседневные вещи очень хорошо: доход от рыбной ловли, прибыль, получаемую от торговли, состояние каждого городского участка и леса в его провинции.

"Завтра ночью мы устроим банкет, чтобы отметить эту сделку", — сказал Сильвенар напоследок.

"Лучше бы сегодня ночью, — возразил Скотти. — Нам нужно отбыть в Сиродил с контрактами, поэтому мне потребуется пропуск до границы. Лучше будет не тратить времени зря".

"Договорились", — сказал Сильвенар и вызвал министра торговли, чтобы тот скрепил контракты печатью и распорядился о приготовлениях к пиру.

Скотти вышел из зала и был встречен Бастом и Джурусом. Их лица аж затекли от того, что изображали иллюзию непричастности на протяжении

стольких часов. Как только они скрылись с глаз стражи, они тут же набросились на Скотти с расспросами. Когда тот показал им контракты, Баст едва не завыл от восторга.

“Тебя что-нибудь удивило в Сильвенаре?” — спросил Джурус.

“Я не ожидал, что он окажется вдвое ниже меня”.

“Вдвое ниже? — казалось, Джурус немного удивился. — Должно быть, он уменьшился с тех пор, как я впервые просил его об аудиенции. Может, что-то и есть во всей этой ерунде о влиянии состояния народа на него”.

Глава 7

Место: Сильвенар, Валенвуд
Дата: 13 Заката солнца, 3Э 397

На банкет Сильвенара явились все завистливые чиновники и торговцы, безуспешно пытавшиеся получить подряды на восстановление Валенвуда. На Декумуса Скотти, Люодеса Джуруса и Баста они взирали с нескрываемой ненавистью. Скотти это весьма тяготило, Джурус же упивался победой. Слуги едва успевали менять подносы с жареным мясом, а Джурус налил себе чашу джагги и поднял тост за Скотти.

“Теперь я могу признаться, — сказал Джурус. — Поначалу у меня были серьезные сомнения по поводу твоего участия в нашем предприятии. Все прочие клерки и агенты строительных комиссий, с которыми я общался, внешне казались куда более напористыми, однако все они терялись, когда оставались наедине с Сильвенаром. Никто из них не сумел заключить сделку, как это удалось тебе. Так давай же, выпей со мной кубок джагги”.

“Нет, спасибо, — сказал Скотти. — Я хлебнул достаточно этого зелья в Фалинесте. Из-за нее гигантский клещ едва не высосал из меня все соки. Я найду какую-нибудь другую выпивку”.

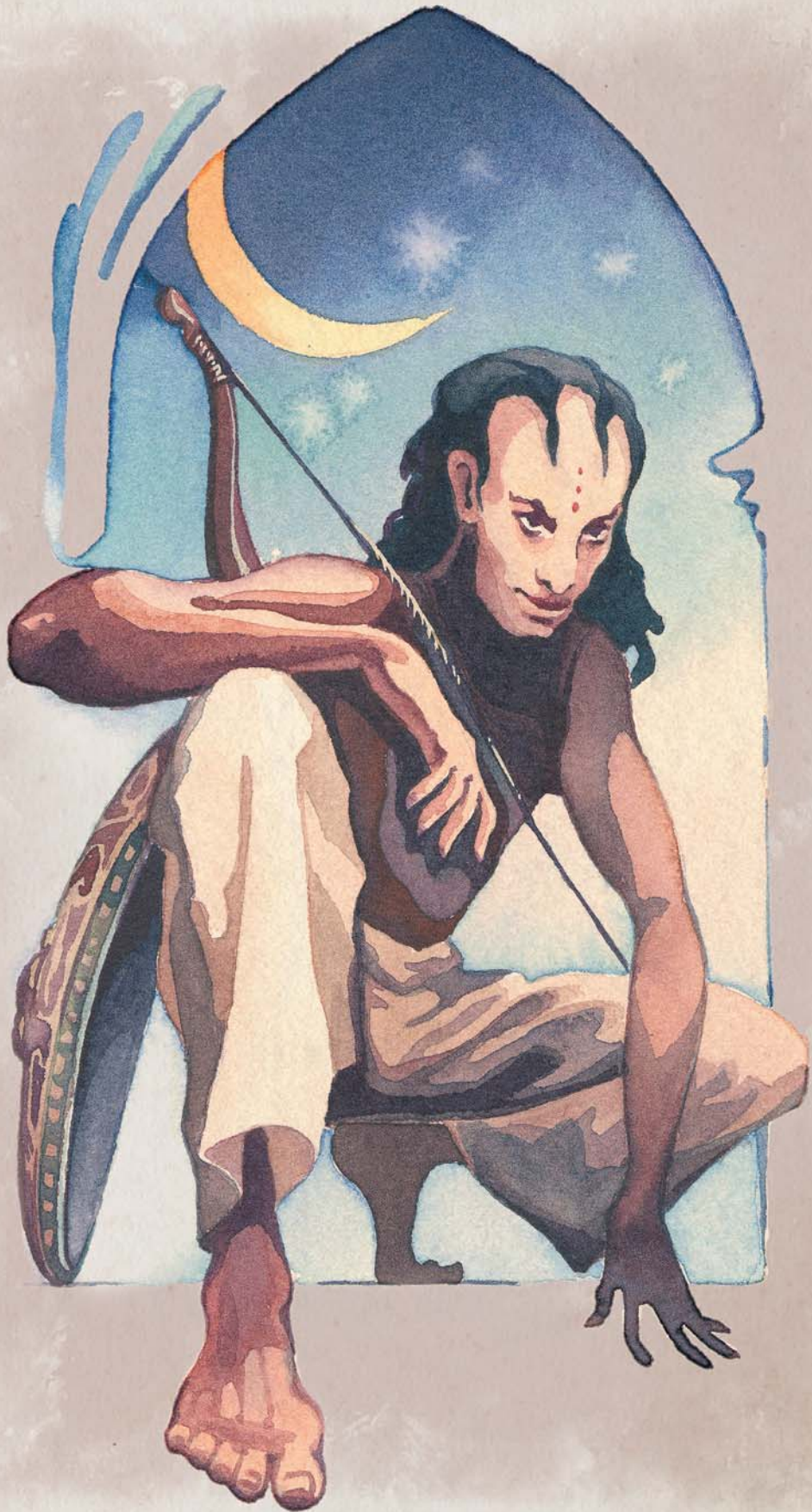
Скотти прошелся по залу и заметил каких-то дипломатов, распивавших большими кружками какую-то пенистую коричневую жидкость, которую те разливали из большой серебряной амфоры. Он поинтересовался, не чай ли они пьют.

“Чай из листьев? — усмехнулся первый дипломат. — Только не в Валенвуде! Это ротмет”.

Скотти тоже налил себе кружку и осторожно пригубил. Напиток оказался одновременно острым, горьковатым, подслащенным и очень соленым. Поначалу его вкус показался отвратительным, но уже через мгновение Скотти осушил кружку и налил другую. По всему его телу словно раздавался звон. Весь шум в зале казался странным образом разложен на звуки, но это не пугало.

“Так ты тот парень, что уломал Сильвенара подмахнуть все эти контракты? — сказал второй дипломат. — Должно быть, это стоило тебе долгих и вдумчивых переговоров”.

“А вот и нет! Довольно и понимания азов коммерции, — ухмыльнулся Скотти, наливая себе третью кружку ротмета. — Сильвенар спит и видит, как бы втянуть Империю в дела Валенвуда. А я не прочь получить комиссионные со сделки.

А с учетом означенных взаимных пожеланий сторон заключение сделки свелось к приложению печатей”.

“А ты, верно, давно на службе у его императорского величества?” — спросил первый дипломат.

“О, тут все так сложно, даже более запутанно, чем в Имперском городе. Только между нами: на самом деле, я — безработный. Я когда-то служил у лорда Атриуса в его Строительной комиссии, но меня уволили. А потом появились контракты от лорда Ванека и его Строительной комиссии. Я их раздобыл у одного парня по имени Реглиус. Он, хоть и конкурент, а малый славный. Был, пока его не прикончили эти каджиты, — Скотти опустошил пятую кружку. — Когда я вернусь в Имперский город, вот тогда уж начнутся настоящие переговоры! Теперь я могу прийти и к своему прежнему хозяину, и к лорду Ванеку, да и сказать: слушайте сюда, кто из вас хочет этих вкусных подрядов? И они еще передерутся между собой. Да что уж там, начнется такая строительная война, какой еще свет не видел — а я-то в доле!”

“Так ты не представитель его императорского величества?” — спросил первый дипломат.

“Ты слышал, что я сказал? Совсем тупой, да? — Скотти испытал вспышку ярости, которая, впрочем, быстро погасла. Он хихикнул и налил себе седьмую кружку. — Строительные комиссии принадлежат частникам, но они все равно представляют императора. Поэтому я — представитель императора. Или стану им. Когда доставлю эти контракты. Говорю же, все запутано. Понимаю, почему вы не сразу ухватили мою мысль. Как сказал поэт, все это танец в огне, если следуешь за иллюзией, то бишь, аллюзией”.

“А твои коллеги? Они-то представители императора?” — спросил второй дипломат.

Скотти зашелся хохотом. Дипломаты засвидетельствовали ему свое почтение и, извинившись, пошли переговорить с министром. Скотти, шатаясь, вышел из дворца и побрел по причудливым, словно живым проспектам и бульварам города. Путь до Зала Приталы, где была его комната, занял у него несколько часов. Добравшись, он сразу уснул, почти совсем на кровати.

На следующее утро он проснулся от того, что Джурус и баст трясли его. Он никак не мог выйти из состояния дремоты и размежить веки, но в остальном чувствовал себя прекрасно. Давешняя беседа с дипломатами витала у него в сознании в дымке, как смутное детское воспоминание.

“Во имя Мары, что такое ротмет?” — поспешно спросил он.

“Прогоркший, сильно обработанный мясной сок с обильным вложением специй, чтобы убить яды, — улыбнулся баст. — Мне следовало предупредить тебя, чтобы ты не экспериментировал — джагги довольно”.

“Теперь ты должен понимать смысл Мясного Кредо, — засмеялся Джурус. — Эти босмеры скорее другу друга сожрут, чем притронутся к плоду древесному или земному”.

“Что я наговорил этим дипломатам?” — вскричал Скотти, объятый паникой.

“Явно ничего худого, — сказал Джурус, доставая какие-то бумажки. — Твой эскорт ждет внизу, чтобы доставить тебя в Имперскую провинцию. Вот твои документы на свободный проезд. Похоже, Сильвенару не терпится ускорить дело.

Он обещал прислать тебе какое-то редкое сокровище, когда контракты будут выполнены. Глянть-ка, он и мне кое-что подарил”.

Джурус показал новое, усыпанное камнями кольцо в ухо, в котором красовался крупный граненый рубин. У Баста оказался такой же. Оба толстяка вышли из комнаты, давая Скотти возможность одеться и собрать вещи.

На улице, у дверей таверны, стоял едва не полк стражей Сильвенара. Они окружили карету, украшенную официальным гербом Валенвуда. Скотти, все еще в неге, забрался в нее, и капитан стражников подал знак. Они сразу перешли на галоп. Скотти потряс головой, а затем обернулся. Баст и Джурус махали ему на прощанье.

“Подождите! — закричал Скотти. — А вы-то что, не возвращаетесь в Имперскую провинцию?”

“Сильвенар попросил нас остаться здесь в качестве имперских представителей! — прокричал в ответ Лиодес Джурус. — На случай, если понадобятся еще какие переговоры и контракты! Он назначил нас антраппами — это что-то вроде особой чести для иностранцев при дворе! Не переживай! Покушаем на банкетах вволю! Ты сам проведешь переговоры с Ванеком и Атриусом, а мы все уладим тут!”

Джурус продолжал выкрикивать дельные советы, но его голос становился еле различимым. Вскоре он и вовсе затих, по мере того, как кортеж петлял по улицам Сильвенара. Внезапно они оказались в джунглях. Скотти уже доводилось путешествовать по ним, но пешком или на тихоходных лодках. Теперь же они сливались в единую зеленую стену. Казалось, что лошади бегут по кустам еще резвее, чем по улочкам города. Диковинные звуки и сырые запахи не привлекали внимание кортежа. Скотти казалось, будто он видит изображение джунглей на быстро движущемся холсте, что давало лишь приблизительное представление об этой местности.

Так продолжалось две недели. В карете было много съестных припасов и питья, поэтому он только и делал, что ел и спал, по мере того, как караван продвигался вперед. Время от времени он слышал звон мечей, но когда Скотти озирался по сторонам, желая узнать, кто напал на караван, звуки боя уже исчезали вдали. Наконец, они достигли границы, где стоял Имперский гарнизон.

Скотти вручил вышедшим навстречу каравану солдатам свои бумаги. Они задавали ему тьму вопросов, на которые тот отвечал односложно, а затем пропустили через границу. Путь до ворот Имперского города занял еще несколько дней. Лошади, столь резво скакавшие по джунглям, теперь чуть сбавили прыть на непривычной лесистой местности Коловии. Пение знакомых птиц и запахи трав родной провинции вернули Декумуса Скотти к жизни, словно он проспал все последние несколько месяцев.

У городских ворот дверцу кареты открыли, и Скотти неуверенно ступил на ватные ноги. Прежде, чем он успел что-либо сказать своему эскорту, кортеж растворился в лесу, умчавшись галопом обратно на юг. Теперь первым делом, которое предстояло ему по возвращении домой, было посещение ближайшей таверны, где подают чай, фрукты и хлеб. Сам же себе он сказал, что если ему вообще никогда больше не доведется отведать мяса, то он это как-нибудь переживет.

Переговоры с лордом Атриусом и лордом Ванеком начались немедленно вслед за этим. Они проходили в атмосфере наибольшего радушия. Обе комиссии понимали, насколько прибыльным делом для их агентств может оказаться восстановление Валенвуда. Лорд Ванек заявил, и вполне справедливо, что, поскольку все контракты выполнены на бланках, заверенных его комиссией, законные права на них принадлежат ему. Лорд Атриус же заявил, что Декумус Скотти был его агентом и представителем, и что его никто и никогда не отстранял от службы. В судьи призвали императора, но тот заявил, что не может принять в споре участие. Его советник, имперский боевой маг Джагар Тарн, уже давно как исчез, поэтому нельзя было прибегнуть к его мудрости и беспристрастию.

Скотти очень неплохо жил на взятки от лорда Атриуса и лорда Ванека. Каждую неделю приходило письмо от Джуруса и Баста с вопросом о ходе переговоров. Однако со временем такие письма приходили перестали, а пошли более срочные от министра торговли и самого Сильвенара. Война Голубого Водораздела с островом Саммерсет закончилась тем, что альтмеры отбили у лесных эльфов еще несколько прибрежных островов. Война с Эльсвейром продолжалась, угрожая восточным границам Валенвуда. А Ванек и Атриус все продолжали бороться за контракты, подписанные в Сильвенаре.

В один прекрасный день, ранней весной 3Э 398, к дому Декумуса Скотти пришел нарочный.

“Лорд Ванек выиграл Валенвудский подряд и просит вас явиться к нему с контрактами при первой возможности”.

“А что, лорд Атриус отказался от дальнейших притязаний?” — спросил Скотти.

“Он не может более участвовать в споре, ибо скончался внезапно, прямо сейчас, вследствие ужасного несчастного случая”, — пояснил нарочный.

Скотти подивился, сколько бы еще длилась тяжба, если бы не привлекли Темное братство для окончательного решения. Когда он шел к Строительной комиссии лорда Ванека, длинному, строгому строению на небольшой, но престижной площади, он задавался вопросом: так ли он повел игру, как от него ожидалось? Не окажется ли Ванек настолько жаден, что теперь, когда его главный соперник мертв, предложит меньший процент от контрактов? К счастью, обнаружилось, что лорд Ванек решил заплатить Скотти столько, сколько обещал в самый разгар зимних переговоров. Его советники объяснили ему, что, если дело не уладить быстро и честно, то могут подключиться другие, меньшие строительные комиссии.

“Рад, что мы уладили все вопросы с законом, — ласково сказал лорд Ванек. — Теперь мы можем взяться за дело и помочь этим несчастным босмерам, а заодно и получить выгоду. Жаль, что не ты представлял нас при этом затруднении с Бенр-наком и Арнезианском деле. Но будет еще изрядно войн, я в этом уверен”.

Скотти и лорд Ванек составили письмо Сильвенару, в котором сообщали, что наконец-то возьмутся за исполнение контрактов. Спустя несколько недель был устроен банкет в честь выгодного предприятия. Декумус Скотти сделался лю-

бимцем Имперского города, и никаких средств не пожалели, чтобы сделать тот вечер незабываемым.

Когда Скотти встретился с аристократами и зажиточными купцами, имевшими долю в его делах, его обоняния коснулся экзотический, но чем-то знакомый запах. Он нашел его источник: толстый поджаренный ломоть мяса, настолько большой и толстый, что занимал несколько блюд. Сиродильские чревоугодники поглощали его со страстью, не находя слов выразить свой восторг его вкусом и нежностью.

“Никогда ничего подобного не пробовал!”

“Да это оленина, вскормленная свиной!”

“Видишь этот мраморный узор из жира и мяса? Да это же шедевр!”

Скотти подошел, чтобы взять кусочек, но тут увидел нечто в сочной глубине хрустального сала. Он отшатнулся, едва не столкнувшись с подкравшимся сзади лордом Ванеком.

“Откуда это доставили?” — заикаясь, спросил Скотти.

“От нашего клиента, Сильвенара, — широко улыбнулся его светлость. — Это своего рода местный деликатес, они называют его антраппа”.

Некоторое время Скотти рвало непрерывно. Это происшествие, конечно, несколько омрачило праздник, но когда Декумуса Скотти отнесли в его апартаменты, гости продолжили трапезу. Антраппа стала гвоздем программы. И даже более того — когда лорд Ванек сам взял ломоть и обнаружил в нем два рубина. Мнение сиродильцев было единодушным: чтобы изобрести столь изысканное блюдо, необходим поистине большой талант.

Аргонианский доклад

Автор: Вогин Джарт

Книга первая

На небольшой, но престижной площади Имперского города расположилось здание Строительной комиссии лорда Ванека. Это простое и скромное здание славилось не красотой и архитектурными изысками, а несоразмерной протяженностью. Но все, кто спрашивал себя, что лорд Ванек нашел в этом безвкусном и некрасивом сооружении, держали эти вопросы при себе.

В 398-м году Третьей эры старшим клерком в этой комиссии служил Декумус Скотти.

Всего несколько месяцев назад этот скромный человек средних лет добился того, что комиссия лорда Ванека получила выгодный контракт — исключительное право на ремонт дорог Валенвуда, которые были разрушены во время Пятилетней войны. Это сделало его всеобщим любимцем, его обожали и управляющие, и клерки. Теперь он проводил свои дни, более или менее правдиво рассказывая о своих приключениях. Правда, он умалчивал, чем они закончились — ведь многие служащие комиссии попродавали жареную антраппу, подаренную Сильвенаром. А им вряд ли будет приятно узнать, что они питались человечесиной.

Скотти не имел особых амбиций и не отличался трудолюбием, и поэтому его устраивало то, что лорд Ванек не дает ему никакой работы.

Всякий раз, когда лорд Ванек, толстенький, похожий на гнома человек, встречался с Декумусом Скотти в конторе, он говорил ему: “Ты — гордость нашей комиссии. Так держать”.

Поначалу Скотти волновало то, что он ничего не делает на работе, но время шло, и постепенно он успокоился и просто отвечал: “Спасибо. Рад стараться”.

С другой стороны, ему нужно было думать о будущем. Скотти был уже немолод, и, хотя он получал приличное жалование за то, что ничего не делал, он понимал, что скоро ему придется уйти в отставку. “Было бы неплохо, — думал он, — если бы лорд Ванек решил отблагодарить меня за миллионы, которые принес Валенвудский контракт, и сделал бы меня партнером. Или, по крайней мере, выделил бы мне небольшую долю из этих денег...”

Декумус Скотти не умел просить о поощрениях такого рода — вот почему до своего ослепительного успеха с Валенвудским контрактом он был всего лишь жалким клерком. Скотти как раз набирался храбрости, чтобы поговорить с лордом Ванеком, как вдруг его сиятельство неожиданно сам проявил к нему интерес.

“Ты — гордость нашей Комиссии, — сказал коротышка и помолчал немного. — У тебя найдется свободная минутка в твоём плотном расписании?”

Скотти с готовностью кивнул и проследовал за лордом в его обставленный с имперским размахом кабинет, который, казалось, занимал целый гектар.

“Твое появление в комиссии — это дар Зенитара, — торжественно пропищал коротышка. — Знаешь ли, пока ты не появился здесь, мы переживали тяжелые времена. У нас были потрясающие проекты, но мы так и не смогли воплотить их в жизнь. Мы столько лет пытались улучшить дороги и другие пути сообщения в Чернотопье. Я поручил этот проект моему сподвижнику, Флесусу Тиджо, но с каждым годом торговля шла все хуже и хуже, несмотря на затраченные силы и средства. А теперь у нас есть твой невероятно прибыльный Валенвудский контракт, который существенно пополняет казну нашей комиссии. Думаю, ты заслуживаешь награды”.

Скотти улыбнулся, и его улыбка источала бесконечную преданность и покорность.

“Я хочу, чтобы возглавил работу в Чернотопье”.

Скотти содрогнулся, словно человек, вернувшийся из чудесного сна в жуткую реальность: “Милорд, я... я не могу...”

“Чепуха, — весело зашептал лорд. — Не волнуйся насчет Тиджо. Он будет рад уйти в отставку и жить на те деньги, которые я ему дам. Особенно учитывая тот факт, что этот проект в Чернотопье невероятно, просто чудовищно сложен. Это дело как раз для тебя, мой дорогой Декумус”.

Скотти задвигал губами, пытаясь произнести слово “нет”, но не смог выдать ни звука. Лорд Ванек вытащил коробку с документами по Чернотопью.

“Ты быстро читаешь, — приободрил его Ванек. — Прочтешь все это по дороге”.

“По дороге в...”

“В Чернотопье, конечно, — хихикнул коротышка. — Ты такой смешной малый. Где же еще ты узнаешь об этом проекте и о том, как его улучшить”.

На следующее утро, даже не взглянув на пачку документов, Декумус Скотти отправился на юго-восток в Чернотопье. Для охраны своего лучшего сотрудника лорд Ванек нанял крепкого телохранителя — молчаливого редгарда по имени Майлик. Они скакали на юг по берегу реки Нибен, затем на юго-восток вдоль реки Серебрянки и дальше вглубь Сиродила, где у рек не было названий, а растения не были похожи на те, что росли в садах северной Имперской провинции.

Лошади Скотти и Майлика были связаны, чтобы Скотти мог читать. На осмотр окрестностей времени не оставалось, но Скотти понимал, что должен хотя бы поверхностно ознакомиться с тем, что комиссия делает в Чернотопье.

В коробке лежала огромная пачка документов за сорок лет. Первые из них относились к тем дням, когда богатый торговец лорд Кселлик Пинос-Ревина пожертвовал несколько миллионов на улучшение дорог между Гидеоном и Сиродилом. В то время путешествие по ним занимало три недели, невероятно долгое время, и поэтому рис и коренья, которыми торговал Пинос-Ревина, прибывали в Имперскую провинцию уже частично подпорченными. Пинос-Ревина давно умер, но другие инвесторы, в том числе сам император Пелагиус IV, заключали с комиссией контракты о постройке дорог и мостов, осушении болот и борьбе с контра-

бандистами, то есть обо всем, что могло содействовать развитию торговли. Судя по последним отчетам, теперь дорога занимала два с половиной месяца, и товары прибывали в пункт назначения совсем гнилыми.

Скотти заметил, что стоит ему оторваться от чтения, как ландшафт меняется. Всегда значительно. И всегда к худшему.

“Это Черный лес, сэр”, — заметил Майлик, отвечая на невысказанный вопрос Скотти. Здесь было темно, вокруг росло много деревьев, и Декумус Скотти решил, что название выбрано верно.

А вопрос, который он хотел задать и, в конце концов, задал, был другим: “Что это за ужасный запах?”

“Топь, сэр”, — ответил Майлик, когда они миновали очередной поворот, за которым показалась поляна. На ней стояло несколько зданий, построенных в тяжело-весном имперском стиле, который нравился лорду Ванеку и всем императорам, начиная с Тайбера. Вонь здесь стояла такая, что от нее слепило глаза и выворачивался желудок, как будто она была смертельным ядом. Тучи кроваво-красной мошары размером с песчинку не улучшали вид.

Отмахиваясь от жужжащих насекомых, Скотти и Майлик подъехали к самому крупному зданию. Оказалось, что оно стоит на берегу большой черной реки. Скотти решил, что здание — офис по сбору налогов за переезд по белому мосту через реку, наполненную черной бурлящей водой. Это был красивый, яркий, прочный мост — Скотти не сомневался, что мост построила его комиссия.

Скотти постучал, и дверь открыл невзрачного вида чиновник. “Входите, входите быстрее! Закрывайте дверь, не впускайте мясных мух!” — крикнул он раздраженно.

Декумус Скотти содрогнулся: “Мясных мух? Они едят человеческую плоть?”

“Если ты достаточно глуп, чтобы стоять на месте и ждать пока они съедят тебя, — закатил глаза солдат. Одно из его ушей было наполовину объедено. Скотти взглянул на других солдат и заметил, что их тоже погрызли. У одного из них совсем не было носа. — Ну, так что тебе здесь нужно?”

Скотти рассказал им, зачем приехал и добавил, что они поймут больше контрабандистов, если выйдут за пределы поселка.

“Лучше подумай о том, как перебраться через мост, — фыркнул один из его собеседников. — Начинается прилив. Если не поторопишься, то застрянешь здесь дня на четыре”.

Скотти показалось это абсурдом. “Разве может быть мост, который уходит под воду во время полнолуния?” — удивился он. Но посмотрев солдату в глаза, Скотти понял, что тот не шутит.

Выйдя за пределы форта, он увидел, что обезумевшие от укусов насекомых лошади сорвались с привязи и несутся к лесу. Маслянистая речная вода уже подступала к настилу моста. Скотти подумал, что он совсем не против подождать четыре дня, но Майлик уже бежал по доскам.

Скотти бросился за ним, задыхаясь. Сейчас он был не в лучшей форме. Впрочем, в хорошей форме он не был никогда. Коробка с документами оттягивала ему руки. На полпути он остановился, чтобы перевести дух, и вдруг обнаружил, что не может двинуться с места. Его ноги прилипли к мосту.

Черная жижа, которая текла в реке, была густой и крепко приклеила ноги Скотти к доскам. Скотти пришел в ужас. Он поднял голову и увидел, как Майлик прыжками несется по мосту, приближаясь к зарослям камыша на другой стороне реки.

«На помощь! — закричал Скотти. — Я застрял!»

Майлик даже не обернулся: «Я знаю, сэр. Вам нужно сбросить вес».

Декумус Скотти знал, что весит на пару-тройку фунтов больше чем нужно. Он давно собирался начать есть меньше и больше заниматься физическими упражнениями, но намерение сесть на диету вряд ли помогло бы ему в этих обстоятельствах. Нельзя было терять ни секунды, и внезапно Скотти осознал, что ред-гард имел в виду коробку с документами. Ведь сам Майлик бросил все припасы, которые нес с собой.

Вздыхнув, Скотти бросил коробку в жижу и почувствовал, что доска под ним чуть-чуть приподнялась — как раз достаточно, чтобы он смог освободиться. Перепуганный Скотти с невиданным проворством запрыгал вслед за Майликом, стараясь снова не попасть в черную жижу.

Через сорок шесть прыжков Декумус Скотти вбежал в заросли камыша и оказался на твердой земле Чернотопья. Позади себя он услышал булькающий звук — и мост, и коробка с важными документами комиссии скрылись под слоем черной жижи.

Книга вторая

Декумус Скотти, изможденный бегом, выбрался наконец из грязи. Его лицо и руки были покрыты мошкаррой. Оглянувшись на Сиродил, он увидел, как мост исчез в черной массе реки, и понял, что не сможет вернуться, пока через несколько дней вода не схлынет. В липкой глубине сгинули все его бумажки. Теперь, чтобы найти связного в Гидеоне, ему следовало полагаться только на собственную память.

Майлик все шел и шел вперед, прямо через камыши. Без особенного успеха шлепая то одного комара, то другого, Скотти спешил за ним.

“Нам повезло, сэр”, — сказал редгард. Эта фраза показалась Скотти совершенно неуместной, пока он не посмотрел туда, куда указывал палец редгарда: “Вот он, караван”.

Двадцать одна ржавая, забрызганная грязью телега из полусгнивших досок с шатающимися колесами увязла в жидкой грязи. Толпа аргониан с серыми глазами и серой кожей, обычные мрачные чернорабочие, которых можно встретить по всему Сиродилу, собралась у одной из телег, что стояла в отдалении от остальных. Подойдя поближе, Скотти и Майлик обнаружили, что эта телега была нагружена черными ягодами, настолько прогнившими, что их едва можно было узнать. Содержимое повозки больше напоминало дурно пахнущий кисель.

Да, караван направлялся в Гидеон, и, как сказали Скотти аргониане, он мог отправиться с ними после того, как они закончат разгружать ягоды.

“Давно ли они были собраны?” — спросил Скотти, разглядывая омерзительную поклажу.

“Их конечно же собирают в месяц Последнего зерна”, — сообщил ему аргонианин-возница. Но поскольку стоял уже месяц Заката солнца, ясно было, что ягоды находились в пути более двух месяцев.

Скотти своими глазами увидел, что здесь есть большие проблемы с перевозками, но, в конце концов, именно их решением ему и предстояло заняться как представителю Строительной комиссии лорда Ванека.

Еще примерно час ягоды лежали на солнце, пока повозку оттаскивали, те, что были спереди и сзади от нее, сцепляли вновь, а затем впрягали в эту повозку лошадь из головной части каравана. Рабочие едва шевелились, и Скотти решил использовать время, чтобы пройти вдоль процессии и поговорить с новыми попутчиками.

В четырех телегах были устроены скамьи для тех, кто не мог ехать верхом. Все повозки были нагружены зерном, мясом и овощами в разной стадии разложения.

При караване находились шесть рабочих-аргониан, три имперских купца, так искусанные мошкаррой, что их кожа казалась покрытой чешуей, как у аргониан, и трое людей в капюшонах, судя по светящимся в полумраке красным глазам, данмеров. Все они везли свои товары по Имперскому торговому тракту.

“И это дорога?” — воскликнул Скотти, глядя на простирающиеся перед ним бесконечные поля тростника, который доходил ему аж до подбородка.

“По крайней мере, это твердая почва, — пожал плечами один из данмеров. — А лошади могут есть тростник. Мы иногда выжигаем его, но он всегда вырастет снова”.

Наконец, караванищик дал сигнал к отправке, и Скотти занял место в третьей телеге вместе с остальными имперцами. Он осмотрелся и обнаружил, что Майлик в телегу не сел.

“Я согласился довести вас до Чернотопья и вывести назад, — сказал редгард, который устроился на камне посреди колышущихся тростников и лениво жевал морковь. — Я подожду здесь, пока вы не вернетесь”.

Скотти передернуло, и не только потому, что Майлик пропустил почтительное обращение “сэр”. Во всем Чернотопье не осталось ни одного знакомого ему лица. Однако караван медленно двинулся вперед, и на споры не осталось времени.

Ядовитый ветер дул вдоль торгового тракта, гоняя волны по морю тростника. Вдали маячили горы, но их очертания постоянно менялись, и Скотти понял, что это были всего лишь клубы пара и тумана. По земле пронеслись тени, и, когда Скотти поднял голову, он увидел, что их отбрасывают огромные птицы с длинными, похожими на пилы клювами по длине не меньшими, чем тела птиц.

“Крылобои, — пробормотал имперец по имени Чиро Гемуллус, сидевший слева от Скотти. Он был молод, но его, похоже, успела потрепать жизнь. — Как и все в этом проклятом месте, они сожрут тебя, если ты остановишься. Эти твари камнем рушатся вниз, откусывают от тебя сочный кусок, и возвращаются только тогда, когда ты почти загнешься от потери крови”.

Скотти поежился. Он надеялся, что караван прибудет в Гидеон еще до заката. Но немного спустя он понял, что солнце находится не с той стороны каравана.

“Простите, сэр, — обратился Скотти к караванищику. — Мне показалось, что вы направляетесь в Гидеон?”

Караванищик кивнул в ответ.

“А почему мы тогда едем на север, хотя должны двигаться на юг?”

Ответом ему был тяжелый вздох.

Скотти поговорил с попутчиками и выяснил, что они тоже должны были попасть в Гидеон, но никто из них особенно не беспокоился насчет неожиданной петли, которую дала дорога. Сиденья были жестковаты для него, ведь он был уже немолод, но размеренный ход каравана и сонное колыхание тростника убаюкали Скотти, и он смежил веки.

Он проснулся в темноте, несколько часов спустя, не понимая, где он находится. Караван уже больше не двигался, и он лежал на полу под скамьей рядом с маленькими ящичками. Вокруг него переговаривались шипящие, щелкающие голоса на языке, которого Скотти не понимал, и ему пришлось выглянуть между чьих-то ног, чтобы посмотреть, что происходит.

Луны едва проглядывали сквозь густые клубы тумана, окружавшие караван, и Скотти не удавалось найти нужное положение, чтобы увидеть говорящего. На мгновение ему показалось, что серый караванищик говорил сам с собой, но тут влажная темнота зашевелилась и на свет выступили сияющие чешуйчатые фигуры. Сложно сказать, сколько их было, но они были огромные, темные, и чем дольше Скотти смотрел на них, тем больше деталей он мог разглядеть.

Когда он рассмотрел огромные пасти, заполненные острыми, похожими на иглы зубами, Скотти кинулся под скамью. Их маленькие черные глазенки еще не успели его заметить.

Ноги перед лицом Скотти задвигались и внезапно исчезли, когда их владельца схватили и вытащили из телеги. Скотти забился еще дальше, спрятавшись за ящиками. Он не слишком хорошо умел прятаться, но знал, как обращаться со щитом, то есть догадывался, что если что-то есть между ним и врагом, то это уже хорошо.

Через несколько мгновений после того, как ноги исчезли из вида, раздался ужасный крик. А следом за ним и второй, и третий. Разными голосами, стена и плача, люди кричали от боли, жуткой боли. Скотти вспомнил давно забытую молитву богу Стендарру и начал шептать ее.

Затем наступила тишина... непрочная тишина, которая сохранялась всего несколько минут, но Скотти они показались часами... годами.

И после этого телега вновь двинулась вперед.

Скотти осторожно вылез из-под скамьи и обнаружил там Чиро Гемуллуса, который дружелюбно оскалился.

“А, вот вы где, — сказал он. — Я думал, что наги вас забрали”.

“Наги?”

“Омерзительные твари, — передернуло Гемуллуса. — Настоящие твари с ногами и руками, ростом в семь футов, а когда бесятся — то и все восемь. Они родом из внутренних долот, а здесь им не нравится, так что они становятся раздражительными. Вы богатенький имперец, так что вам они были бы рады”.

Скотти никогда не считал, что он богат. Заляпанная грязью и пятнами одежда вряд ли дотягивала даже до среднего класса, и то в лучшем случае. “Зачем я им нужен?” — вслух подумал Скотти.

“Чтобы ограбить, конечно, — улыбнулся имперец. — И убить. Вы что, не заметили, что они сделали с остальными? — Гемуллус нахмурил брови, как будто его посетила какая-то мысль. — Вы ничего не прихватили из этих ящиков? Например, сахару?”

“О боже, нет”, — Скотти скорчил гримасу.

Имперец с облегчением кивнул: “Вы, кажется, не очень-то быстро соображаете. В первый раз в Чернотопье, я так понимаю? О-хо-хо, хистовы сопельки!”

Скотти как раз собирался спросить Гемуллуса, что означает этот странный термин, когда хлынул дождь. Это был настоящий ад, отвратительно пахнущие желтоватые струи поливали караван под аккомпанемент далекого грома. Гемуллус решил натянуть над телегой тент и косился на Скотти до тех пор, пока тот не догадался помочь.

Скотти ежился не только от холодного душа с небес, но и от размышлений о составе той жидкости, которая изливалась на, и без того отвратительное, содержимое непокрытых телег.

Гемуллус улыбнулся, показывая куда-то в туман впереди: “Скоро просохнем”.

Скотти никогда раньше не был в Гидеоне, но знал, чего ожидать. Большое поселение, подобное имперским городам, с имперской архитектурой и имперскими традициями, предоставляющее путникам все удобства.

Но впереди была всего лишь группка хижин, утопавших в грязи.

“И где же мы?” — спросил в замешательстве Скотти.

“Хиксиноуг, — ответил Гемуллус, произнося это странное имя с уверенностью. — Вы были правы. Мы ехали на север, вместо того, чтобы ехать на юг”.

Книга третья

Декумус Скотти должен был прибыть в Гидеон, имперский город на юго-востоке Чернотопья, чтобы совершать коммерческие сделки на благо провинции от имени Строительной комиссии лорда Ванека и ее клиентов. Вместо этого он оказался в полузатопленной прогнившей деревушке под названием Хиксиноуг, где не знал никого, кроме контрабандиста Чиро Гемуллуса, переправлявшего наркотики.

Гемуллуса совершенно не смутило, что вместо юга торговый караван шел на север. Он взял у Скотти ведро с тродхами — маленькой хрусткой рыбкой, которую тот купил в деревне, и уплетал ее за обе щеки. Скотти хотелось, чтобы эти рыбки были уже зажарены или, по крайней мере, мертвы, но Гемуллус с улыбкой объяснил ему, что мертвые тродхи — это смертельный яд.

“Будь я там, где я должен быть, — недовольно сказал Скотти, закидывая в рот одно из бьющихся в страхе существ, — у меня было бы мясо, сыр и бокал вина”.

“Я продаю лунный сахар на севере, а покупаю на юге, — ответил Гемуллус. — Тебе нужно мыслить шире, друг мой”.

“Я веду дела только в Гидеоне”, — посетовал Скотти.

“Ну, у тебя есть выбор, — сказал контрабандист. — Ты мог бы остаться тут. Большая часть деревень в Аргонии недолго остается на одном месте, и весьма вероятно, что через месяц-другой Хиксиноуг переместится к воротам Гидеона. Это, наверное, самый легкий путь”.

“Но это слишком выбило бы меня из графика”, — сказал Скотти.

“Другой вариант. Ты можешь опять присоединиться к каравану, — продолжил Гемуллус. — Может, тебе повезет и они пойдут в нужную тебе сторону, не застрянут в грязи и не окажутся перебиты нагами”.

“Меня это не устраивает, — нахмурился Скотти. — Еще идеи?”

“Сядь на корни. Подземный экспресс, — оскалился Гемуллус. — Пошли”.

Скотти пошел за Гемуллусом в рошу с деревьями, почти скрывшимися под зеленым мхом. Контрабандист смотрел себе под ноги, периодически ковыряя густую грязь, пока наконец, не нашел место, где из глубины поднимались большие маслянистые пузыри.

“Отлично, — сказал он. — Теперь самое главное — не паниковать. Экспресс понесет тебя к югу: это зимняя миграция. Как только увидишь вокруг красную глину, значит, ты у Гидеона. Просто не паникуй. Найди место, где вверх поднимается много пузырей. Это дыхательное отверстие, и через него можно выбраться наверх”.

Скотти тупо посмотрел на Гемуллуса. “Этот человек несет полную ахинею”, — подумал он.

“Чего?” — удивился контрабандист.

Гемуллус взял Скотти за плечо и поставил на место с пузырями:

“Стой тут”.

Скотти начал быстро погружаться в грязь. В ужасе он уставился на контрабандиста.

“И помни, — напутствовал его Гемуллус, — что пока не увидишь вокруг много красной глины, не дергайся. А потом выбирайся через пузыри”.

Чем сильнее Скотти пытался выбраться, тем быстрее он погружался. Он уже погрузился в грязь по шею. Скотти продолжал смотреть на контрабандиста, не мог шевелиться и издавал странные звуки.

“Не паникуй, никто не собируется тебя есть. В животе у корневика можно прожить несколько месяцев”, — спокойно сказал тот.

Скотти набрал в легкие побольше воздуха и закрыл глаза, погружившись в грязь с головой.

Внезапно служащий Строительной комиссии почувствовал вокруг теплоту, которую совсем не ожидал. Открыв глаза, он обнаружил, что находится в какой-то полупрозрачной слизи, которая быстро движется, скользит сквозь грязь, как сквозь воздух, легко передвигаясь по сложной системе корней. Скотти почувствовал одновременно сматение и удовольствие, несясь с сумасшедшей скоростью через незнакомую тьму. Ему казалось, что он летит высоко в полуночном небе, а не скользит под топью в подземном экспрессе.

Взглянув вверх на массивные корни деревьев, Скотти увидел нечто, что двигалось рядом с ним. Восьмифутовое создание без рук, без ног, без костей, без глаз, без цвета и практически без формы скользило по корням. Внутри него виднелось что-то темное. Приблизившись, Скотти разглядел, что это аргонианин. Тот помахал ему, а омерзительная тварь, в которой он находился, немного сплюснулась и помчалась вперед еще быстрее.

При виде этой картины в уме Скотти начали проявляться слова Гемуллуса. “Зимняя миграция”, “дыхательное отверстие”, “тебя переваривают” — эти фразы зазвучали в его мозгу, и он лихорадочно попытался взглянуть на ситуацию с другой точки зрения. Но с другой точки зрения взглянуть не получалось. Только что он ел живую рыбу, а теперь дал съесть себя. Его проглотил червь.

Скотти потерял сознание.

Он приходил в себя постепенно. Ему снился чудный сон, в котором он находился в теплых объятиях женщины. Улыбаясь, он открыл глаза, и реальность обрушилась на него.

Червь все также слепо несея вперед, скользит по корням, но это уже не было похоже на полет по ночному небу. Теперь его окружение напоминало небо перед рассветом, оно было красным и розовым. Скотти вспомнил о словах Гемуллуса о красной глине, которая находится недалеко от Гидеона. Теперь ему нужно было найти пузыри.

Пузырей нигде не было. Хотя внутри у червя было все также тепло и удобно, Скотти показалось, будто земля давит на него. “Не паниковать!” — говорил Гемуллус, но одно дело услышать совет, а другое — последовать ему. Скотти начал извиваться, и червь стал двигаться быстрее из-за давления изнутри.

Вдруг Скотти увидел маленькую череду пузырьков, поднимающихся из подземного потока сквозь грязь и корни на поверхность. В тот момент, когда корневик проносился мимо, Скотти рванулся вверх, разрывая тонкую кожу червя. Пузыри потянули Скотти к поверхности, и, не успев моргнуть глазом, он вынырнул в красной водянистой грязи.

Два серых аргонианина стояли рядом под деревом, держа в лапах сеть. С вежливым любопытством они посмотрели на него. В их сети трепыхались несколько покрытых мехом тварей, похожих на крыс. Когда он заговорил с ними, с дерева

свалилась еще одна, и хотя Скотти раньше не слышал ни о чем подобном, он понял, что это охотники.

“Извините, — весело сказал Скотти. — Не подскажите, где находится Гидеон?”

Аргониане представились как Рисующее Пламя и Пучок Свежих Листьев и посмотрели друг на друга, размышляя, как им лучше ответить.

“А кого вы ищете?” — спросил Пучок Свежих Листьев.

“Это, кажется... — припоминал Скотти свои давно пропавшие записи о своих людях из Чернотопья в Гидеоне. — Кажется, аркейн Правая Ступня... Камень?”

“За пять золотых мы покажем дорогу. На восток. Тут плантация к востоку от Гидеона. Очень хорошая”, — ответил Рисующее Пламя.

Скотти подумал, что это лучшая сделка за последние два дня, и дал Рисующему Пламени пять септимов.

Аргониане отвели Скотти на грязную тропу, проходившую через тростники, и скоро он увидел голубые просторы Топальской бухты. Он разглядел величественные поместья, обнесенные стеной, где повсюду росли ярко-малиновые цветы, и сам удивился, подумав: “А это красиво!”

Дорога шла вдоль быстрого ручья, текущего на восток от Топальской бухты. Ему сказали, что это река Онкобра. Она уходит в самые темные места Чернотопья, вглубь провинции.

Проходя мимо ворот последних плантаций у Гидеона, Скотти увидел, что поля здесь в большинстве своем были запущены. На них лежали полеглие колосья, деревья в заброшенных фруктовых садах стояли без листьев. Рабы-аргониане, работавшие на полях, выглядели тощими и слабыми, почти полумертвыми. Они больше напоминали призраков, чем живых существ.

Спустя еще два часа ходьбы поместья выглядели все еще пристойно, по крайней мере, с большого расстояния, дорога была все еще крепкой, хоть и поросшей сорняками, но Скотти разнервничался. Его напугали работники на полях и состояние местного сельского хозяйства, а местность больше не казалась привлекательной. “Сколько еще?” — спросил он.

Пучок Свежих Листьев и Рисующее Пламя посмотрели друг на друга так, будто спрашивали и не их вовсе.

“Аркейн на востоке? — произнес Пучок Свежих Листьев. — Далеко или близко?”

Рисующее Пламя уклончиво пожал плечами и сказал: “За пять золотых покажем тебе путь. Просто на восток. Там. Плантация. Превосходная”.

“Да вы понятия об этом не имеете, так? — закричал Скотти. — Почему же вы сразу не сказали об этом, чтобы я мог спросить кого-нибудь другого?”

За поворотом впереди послышался топот копыт. Лошадь приближалась.

Скотти пошел навстречу, чтобы поприветствовать наездника и не увидел, как из когтистой лапы Рисующего Пламени сверкнула молния. Ледяное прикосновение к позвоночнику наполнило тело Скотти невероятной тяжестью. Он был парализован.

При проклятии паралича обездвиженная жертва продолжает видеть и думать, хотя тело и не повинует ей. И Скотти мысленно выругался: “Вот черт!”

Рисующее Пламя и Пучок Свежих Листьев, без сомнения, были, как и большинство простых рабочих, сведущи в магии иллюзий. И они не были друзьями имперцев.

Аргониане столкнули Декумуса Скотти на обочину дороги как раз тогда, когда лошадь с всадником показались из-за поворота. Всадник был значительной персоной, аристократом в сверкающих темно-зеленых одеждах под цвет его чешуйчатой кожи. Украшенный оборками капюшон казался частью его тела, и смотрелся на его голове, как рогатая корона.

“Приветствую, братья!” — сказал всадник.

“Приветствуем, аркейн”, — отвечали двое. Пучок Свежих Листьев добавил: “Как дела милорда этим чудесным днем?”

“Нет мне ни покоя, ни отдыха, — по-царски вздохнул аркейн. — Одна из моих работниц родила близнецов. Близнецов! К счастью, мы нашли для них хорошего покупателя, а мать не стала поднимать шума. И потом, ко мне должен приехать какой-то дурак-имперец из Строительной комиссии лорда Ванека. Мне надо встретить его в Гидеоне. Уверен, он захочет все осмотреть, прежде чем он даст мне доступ к казне. Столько суеты”.

Рисующее Пламя и Пучок Свежих Листьев посочувствовали ему и, когда аркейн Правая Ступня Камень уехал, они вернулись поглядеть на своего заложника.

К несчастью, сила тяжести действует в Чернотопье так же, как и во всем остальном Тамриэле, и их заложник Декумус Скотти катился вниз в течение всего разговора, а теперь тонул в реке Онкобре.

Книга четвертая

Декумус Скотти тонул, но, парализованный, он не мог пошевелить ни рукой, ни ногой из-за порчи, которую наслали на него аргонианские крестьяне. Однако он еще не захлебнулся. Стремительная и бурлящая река Онкобра с легкостью могла переворачивать даже большие камни, так что Скотти несясь вперед, крутась и подпрыгивая в воде.

Он понял, что вскоре умрет, но это было гораздо лучше, чем жить в Чернотопье. Он даже не запаниковал, когда почувствовал, как вода заполняет его легкие и темнота принимает его в свои объятия.

Впервые за долгое время Декумусом Скотти овладело чувство покоя. О, благословенная тьма! Но вскоре пришла боль, и он почувствовал, что кашляет, извергая воду из живота и легких.

Чей-то голос произнес: “Ого, он жив, не так ли?”

Скотти не был уверен в том, что это правда, даже когда открыл глаза и взгляделся в склоненное над ним лицо. Это был аргонианин, совсем не похожий на тех, кого ему приходилось видеть раньше. Его лицо было тощим и тонким, как накопчик копыя; ярко-красная чешуя блестела на солнце. Он подмигнул Скотти, и его веки сомкнулись, оставив вертикальные щелки.

“Думаю, нам не стоит есть тебя, а?” — существо улыбнулось. Поглядев на его зубы, Скотти заключил, что это не была пустая угроза.

“Благодарю”, — слабо произнес Скотти. Он приподнял голову, чтобы поглядеть, кто были эти “мы”, и обнаружил, что лежит на грязной косе у спокойной, мутной реки, окруженный группой аргониан с похожими узкими мордами и чешуей всех

цветов радуги: ярко-зеленой и пурпурной, голубой и оранжевой — красивой, как драгоценные камни.

“Ты можешь сказать мне, нахожусь ли я рядом с... эээ... чем-нибудь?”

Рудиновый аргонианин рассмеялся: “Нет, ты оказался в центре всего, и рядом нет ничего”.

“Ох, — произнес Скотти. Он уже понял, что расстояние в Чернотопье не имеет большого значения. — А кто вы?”

“Мы — агацеры, — ответил рудиновый аргонианин. — А мое имя — Ному”.

Скотти представился: “Я старший служащий в Строительной комиссии лорда Ванека из Имперского города. Меня направили сюда, чтобы решить проблемы торговли в этой местности, но я потерял документы и не встретился ни с кем из аркейнов Гидеона...”

“Алчные работорговцы, выродки, для которых важна только собственная выгода”, — промурлыкал с чувством агацер с лимонно-желтой чешуей.

“...А теперь я просто хочу попасть домой”, — сказал Скотти.

Ному улыбнулся во весь рот, как хозяин, который увидел, что незванный гость собирается уходить с вечеринки: “Шес проводит тебя”.

Похоже, Шесом звали маленькое существо резкого желтого цвета, и он во все не был рад такому поручению. С неожиданной силой он вздернул Скотти на ноги и на какой-то момент напомнил ему Генуллуса, который бросил его в бурлящую жижу возле Подземного экспресса, но вместо этого Шес подтолкнул Скотти к крошечному узкому плоту, толщиной с бритву, который болтался у берега.

“Вот так вы путешествуете?”

“У нас нет сломанных телег и замороженных лошадей, как у наших соплеменников снаружи. — Ответил Шес, закатив крошечные глазки. — Мы не знаем способа путешествовать лучше”.

Аргонианин уселся в заднюю часть плота, и при помощи своего хлыстоподобного хвоста привел плот в движение. Они быстро скользили между слизистыми водоворотами, которые воняли так, будто на их дне скопилась вся пададь, умершая на болоте за последнюю сотню лет, между острыми рифами, которые выглядели крепкими, но разваливались от малейшего колебания спокойной воды, проплывали под мостами, которые когда-то были сделаны из металла, но теперь были покрыты ржавчиной.

“Все в Тамриэле стекает в Чернотопье”, — заметил Шес.

Пока они плыли по реке, Шес объяснил Скотти, что агацеры — одно из многих аргонианских племен, живущих в сердце провинции. И они не видят смысла в том, чтобы поддерживать контакты с внешним миром. Скотти повезло, что именно они нашли его. Наги, жабоподобные паатру и крылатые сарпа непременно убили бы его.

Обитали здесь и другие твари, которых следовало избегать. Хотя в Чернотопье были и нормальные хищники. Пададьщики, которые жили в мусоре, скопившемся здесь, редко брезговали живым мясом. Крылобои парили над головой — точно таких же Скотти видел на западе.

Шес притих и остановил плотик, явно чего-то ожидая.

Скотти посмотрел в том же направлении, что и Шес, но не увидел ничего необычного в грязной воде. Потом он вдруг заметил, что какое-то пятно зеленой слизи прямо перед ними перемещается, притом довольно быстро, от одной отмели к другой. Оставляя за собой след из мелких косточек, оно исчезло в тростниках.

“Вориплазм, — пояснил Шес, вновь направляя вперед свое суденышко. — Жирный. Может объесть тебя до костей буквально за секунду”.

Пытаясь отвлечься от вони, окружающей его, Скотти решил, что настал момент сделать комплимент штурману за его прекрасное знание языка, тем более удивительное для представителя племени, жившего так далеко от цивилизации. Аргониане, живущие на востоке, умели разговаривать очень хорошо.

“Здесь пробовали возвести храм Мары, неподалеку, в Умфоло, двадцать лет назад, — пояснил Шес, а Скотти кивнул, припомнив, что читал об этом в записках до того, как они были утеряны. — Но все жрецы умерли от болотной лихорадки в течение первого месяца. Трагический случай. Но от них остались прекрасные книги”.

Скотти хотел выяснить подробности, как вдруг перед ним предстало что-то настолько огромное и ужасающее, что он замер на месте.

Впереди высилась гора шипов, наполовину погружившаяся в воду и опирающаяся на когти длиной в девять футов. Белые глаза твари тупо уставились вперед, и существо вдруг содрогнулось и накренилось, выбросив вперед челюсть и обнажив клыки, покрытые кровью.

“Болотный Левиафан, — присвистнул огорошенный Шес. — Очень, очень опасен”.

Скотти раскрыл рот, поражаясь спокойствию агацера, и еще более поражаясь тому, что он продолжал править все ближе и ближе к чудовищу...

“Из всех тварей в мире крысы, пожалуй, наихудшие”, — сказал Шес, и Скотти внезапно понял, что чудовище было мертво. Движение производили сотни крыс, которые копошились в нем, прогрызая ходы наружу и шмыгая под его шкурой.

“Безусловно”, — подтвердил Скотти, и мысленно обратился к папкам, похороненным в глубине Чернотопья, и описанным в них четырем десятилетиям работы имперцев в этих болотах.

Вдвоем они продолжили путь на запад, через сердце Чернотопья.

Шес показал Скотти обширный лабиринт руин, оставшихся от столиц Котринги, поля цветущих трав и папоротников, тихие протоки под навесом из голубых мхов и самое потрясающее, что Скотти видел в своей жизни — великий лес зрелых деревьев хист. Они не встретили ни одной живой души до самого Имперского торгового тракта к востоку от Топей, где проводник-редгард Майлик терпеливо ожидал Скотти.

“Я собирался ждать вас еще две минуты, — нахмурился редгард, страхиаясь объедки в кучу у своих ног. — И не более того, сэр”.

Солнце ярко светило, когда Декумус Скотти въехал в Имперский город. Утренняя роса еще не сошла, и лучи солнца сияли на каждом здании, будто город отполировали к его приезду. Скотти потрясло, насколько чистым был город, и как мало в нем нищих.

Длинное здание Строительной комиссии лорда Ванека ничуть не изменилось, но почему-то показалось Скотти странным и даже экзотическим. Оно не было покрыто грязью, а люди внутри него по большей части работали.

Даже сам лорд Ванек, хотя и был исключительно толст и косоглаз, казался безупречным — не только потому, что на нем не было ни единого пятнышка, но и потому, что был относительно честен. Скотти уставился на него, как только увидел. Ванек ответил ему таким же взглядом.

“Ну и видок у тебя, — насупился коротышка. — Что твоя лошадь волоком протащила тебя по всему Чернотопью? Я бы посоветовал тебе поехать домой и привести себя в порядок, но здесь собралось много людей, которые хотели видеть тебя. Надеюсь, ты сможешь им помочь”.

И это не было преувеличением. Около двадцати самых могущественных и богатых людей Сиродила ожидали его. Скотти выделили кабинет, который был даже больше кабинета самого лорда Ванека, и он повстречался с каждым из этих людей.

Первыми из клиентов Строительной комиссии оказались пятеро независимых торговцев, раздувшихся от важности, с кошельками, полными золота. Они желали узнать, что Скотти намеревается делать для улучшения состояния торговых путей. Скотти рассказал им о состоянии главных дорог, торговых караванов, мостов, и о других препонах между рынками и пограничными территориями. Они приказали ему все это срочно исправить, и не пожалели золота, чтобы он мог это сделать.

Через три месяца мост у Топи утонул в грязи, большой караван развалился от старости, а главная дорога к Гидеону полностью скрылась под болотной водой. Аргониане прибегли к своим старым средствам сообщения. Теперь они плавали на своих маленьких плотиках и иногда использовали Подземный экспресс, чтобы перевозить в небольших количествах зерно, которое прибывало в Сиродил в три раза быстрее, чем раньше, и не гнивало по дороге.

Архиепископ Мары также пожелал незамедлительно встретиться со Скотти. Этот добросердечный человек был напуган рассказами о том, как аргонианские матери продают своих детей в рабство, и открыто спросил Скотти, правда ли это.

“К сожалению, да”, — ответил Скотти, и архиепископ осыпал его септимами, наказав клерку привозить в провинцию больше еды, чтобы облегчить страдания аргониан, и построить школы, чтобы они могли учиться и со временем улучшить свое положение.

Через пять месяцев последняя книга исчезла из опустевшего храма Мары в Умфоло. Аркейны обанкротились, и рабы вернулись на крошечные фермы своих родителей. Аргониане поняли, что смогут сами обеспечивать себя продуктами, если у них будет достаточно трудолюбивых работников, и рабство резко сошло на нет.

Посланник Тслеикст, обеспокоенный возросшим уровнем преступности на севере Чернотопья, принес в комиссию пожертвования от других эмигрировавших аргониан, таких, как он сам. Они просили Скотти усилить имперскую охрану на границе Топей, поставить больше магических фонарей вдоль дорог, усилить патрули

и учредить побольше школ, чтобы юные аргониане могли улучшать свой моральный облик, вместо того, чтобы совершать преступления.

Через шесть месяцев на дорогах совсем не осталось наг, поскольку не осталось торговцев, которых можно было бы грабить. Бандиты вернулись в свое уютное болото, где они были счастливы, а состояние их улучшилось благодаря гнилю и разложению, которые они так любили. Тслеикст и его сотоварищи были так довольны, что наградили Декумуса Скотти дополнительной суммой денег, наказав продолжать в том же духе.

Чернотопье было, есть и будет тем местом, в котором невозможно развить масштабную товарную экономику, основанную на плантациях и больших фермерских хозяйствах. Не только аргониане, но и каждый, даже все население Тамриэля, могли бы жить в Чернотопье, ведя натуральное хозяйство и выращивая только то, что им нужно. Это казалось Скотти обнадеживающим.

Решение всех проблем у Скотти всегда было одним и тем же. Он передавал десять процентов полученного золота Строительной комиссии, а все прочее оставлял себе, ничего не сделав для удовлетворения желаний просителей.

Через год Декумус Скотти накопил достаточно, чтобы уйти в отставку и жить безбедно. Положение дел в Чернотопье было лучше, чем на протяжении последних сорока лет.

Похотливая аргонианская дева

Автор: Крассиус Курио

ТОМ 1 АКТ IV, СЦЕНА III, ПРОДОЛЖЕНИЕ

ВЕРТИХВОСТКА Разумеется, нет, добрый сэр! Я здесь только для того, чтобы убрать ваши комнаты.

КРАНТИУС КОЛТО И это все, ради чего ты пришла, малышка? Мои комнаты?

ВЕРТИХВОСТКА Я в толк не возьму, на что вы намекаете, хозяин. Я всего лишь бедная аргонианская девушка.

КРАНТИУС КОЛТО Ну конечно же, моя пышечка. И очень хорошенькая. Такие сильные ноги и красивый хвост.

ВЕРТИХВОСТКА Вы смущаете меня, сэр!

КРАНТИУС КОЛТО Не бойся. Со мной ты в безопасности.

ВЕРТИХВОСТКА Мне надо закончить уборку, сэр. Хозяйка мне голову оторвет, если я не закончу все вовремя!

КРАНТИУС КОЛТО Уборку, да? У меня есть кое-что для тебя. Вот, отполируй мое копье.

ВЕРТИХВОСТКА Но оно такое большое! Это может занять у меня всю ночь!

КРАНТИУС КОЛТО У нас с тобой полно времени, моя милая. Полно времени.

КОНЕЦ АКТА IV, СЦЕНЫ III

Том 2 АКТ VII, СЦЕНА II, ПРОДОЛЖЕНИЕ

ВЕРТИХВОСТКА О боги, ничего себе батон! Как же он влезет в мою печку?

КРАНТИУС КОЛТО Мой батон пока даже не готов к выпеканию, дорогуша. Он еще должен взойти.

ВЕРТИХВОСТКА О, как бы нам его поднять поскорее? Что мне сделать?

КРАНТИУС КОЛТО Ах, моя аргонианочка, какая же ты глупышка — используй руки.

ВЕРТИХВОСТКА Вы хотите, чтобы я его помесила? Вот так?

КРАНТИУС КОЛТО Да-да, так.

ВЕРТИХВОСТКА Но что, если хозяйка меня поймает? Этот батон должен был насытить ее.

КРАНТИУС КОЛТО Не надо страшиться, мой сладкий цветочек. Я утолю голод хозяйки чуть позже.

ВЕРТИХВОСТКА Хорошо, но, боюсь, моя печка еще не разогрелась. На это могут уйти часы!

КРАНТИУС КОЛТО У нас с тобой полно времени, моя милая. Полно времени.

КОНЕЦ АКТА VII, СЦЕНЫ II

Страстный бард-аргонианин

Автор: Элля Эрдайн

АКТ VI, СЦЕНА II, ПРОДОЛЖЕНИЕ

- ПРО-СЕБЯ-ХВОСТ Моя госпожа, я никогда не смогу выполнить ваше пожелание!
- ЭЛЛЯ ЭРДАЙН Неужели? Это слишком быстро для тебя?
- ПРО-СЕБЯ-ХВОСТ Я боюсь поломать свой инструмент.
- ЭЛЛЯ ЭРДАЙН А-а. Но, похоже, ты отлично управляешься со своим инструментом, дорогой мой.
- ПРО-СЕБЯ-ХВОСТ Вы льстите мне, моя госпожа.
- ЭЛЛЯ ЭРДАЙН Ах, какой большой, какой великолепный инструмент. Можно поддержать его?
- ПРО-СЕБЯ-ХВОСТ Боги, нет! Хозяин гостиницы не одобрит таких представлений на публике.
- ЭЛЛЯ ЭРДАЙН Тогда могу я заказать приватное представление? Возможно, вдали от шума толпы мы оба сможем насладиться твоим удивительным талантом.
- ПРО-СЕБЯ-ХВОСТ Но вы же не хотите сказать, что я должен сопровождать вас в вашу комнату?
- ЭЛЛЯ ЭРДАЙН Именно, сладкий мой. Именно.

КОНЕЦ АКТА VI, СЦЕНЫ II

КОРОЛЕВА-ВОЛЧИЦА

Автор: Вогин Джарт

Книга первая

Записано мудрецом первого столетия
Третьей эры Монтокаи:

3Э 63:

Восеннюю пору года, принц Пелагиус, сын принца Уриэля, который приходился сыном императрице Кинтире, племяннице великого императора Тайбера Септи-ма, пришел в город-государство Камлорн, что в Хай Роке, дабы посвататься к дочери короля Вульстеда. Имя ее было Квинтилла. Прелестнейшая из венценосных дочерей Тамриэля, она обладала всеми женскими добродетелями и была к тому же искусной волшебницей.

Пелагиус к тому времени был уж одиннадцать лет вдовцом и имел юного сына по имени Антиохус. Прибыв ко двору, Пелагиус узнал, что городу угрожает демон-вервольф. Вместо сватовства и ухаживаний Пелагиус и Квинтилла отправились спасать королевство. Его мечом и ее чародейским искусством чудовище было повержено. Мистическими силами Квинтилла сковала душу монстра, переселив ее в драгоценный камень. Позже Пелагиус приказал ювелиру вставить этот камень в кольцо и женился на своей возлюбленной.

Но говорят, что душа ужасного волка оставалась в заточении только до рождения их первого ребенка...

3Э 80:

“Посол из Солитьюда прибыл, ваше величество”, — прошептал камергер Бальвус.

“В обеденный час? — пробормотал император. — Скажи, чтобы подождал”.

“Нет, отец, очень важно принять его, — вставая, произнес Пелагиус. — Вы не можете заставлять его ждать, коли собираетесь сообщить печальные новости. Это против правил дипломатии”.

“В этом случае, не оставляй нас — ты ведь более сведущ в дипломатии, нежели я. Нам пригодится присутствие всех членов семьи, — добавил император Уриэль Второй, внезапно осознав, как мало людей собралось за обеденным столом на этот раз. — А где твоя мать?”

“Спит с первосвященником Кинарет”, — так должен был сказать Пелагиус. Но, как его отец верно заметил, он был очень дипломатичным, и поэтому он лишь кратко заметил: “На молитве”.

“А твои сестра и брат?”

“Амиэль в Фестхолде, встречается с архимагистром Магической гильдии. А Галана, хоть, конечно, мы и не станем сообщать об этом послу, готовится к свадьбе с герцогом Нарсиса. И поскольку посол ожидает, что она выйдет замуж за его повелителя, короля Солитьюда, мы сообщим, что она на водах, пытается излечить вне-

запно появившиеся множественные гнойные нарывы по всему телу. Думаю, если вы расскажете ему это, он не станет чересчур настаивать на женитьбе, хоть она и сулит им политические выгоды, — Пелагиус ухмыльнулся, — Вы же знаете, как норовит тошнить от болячек на теле женщины”.

“Но, разрази меня гром, я чувствую, что мне необходимо присутствие семьи, ведь иначе я буду выглядеть как старый дурень, презираемый своими дорогими и близкими, — в раздражении заворчал император, втайне подозревающий, что это действительно так. — А как насчет твоей жены? Где она и внуки?”

“Квинтилла нянчится с Сефрусом и Магнусом. Антиохус скорее всего распутничает в городе. Понятия не имею, где Потема, должно быть, на занятиях. Я думал, вы не очень любите, когда вас окружают детьми”.

“Нет, люблю, но только когда встречаюсь с послами в зале для приемов. Они придают встрече атмосферу, гм... семейности и чистоты, — вздохнул император и обратился к Бальвусу. — Ох... ну, давайте, вводите вашего проклятого посла”.

Потема скучала. В Имперской провинции царил зима — дождливое время, и улицы с садами были буквально затоплены водой. Она не могла припомнить хотя бы один недождливый день. Прошли ли дни, или недели, или даже месяцы с тех пор, как она видела солнечный свет? В мерцающем свете дворцовых факелов не существовало времени, и пока Потема шла отделанными мрамором и простым камнем залами, прислушиваясь к шуму проливного ливня, она не могла думать ни о чем, кроме своей собственной скуки.

Астеф, ее учитель, должно быть, ищет ее. Обыкновенно она не чуждалась занятий. Механическое зазубривание всегда давалось ей просто. Пока она шла по пустому бальному залу, она проверяла себя. Падение Орсиниума? 13 980. Тамриэльские хроники — автор? Хозей. Дата рождения Тайбера Септима? 23 288. Правящий король Даггерфолла? Мортин, сын Готлира. А Сильвенара? Варбарент, сын Варбарила. Главный полководец Лилмота? Непростой вопрос: это дама, зовут Цоя.

Что, если я буду вести себя как положено, не буду попадать в неприятности и мой учитель будет считать меня прекрасной ученицей? Мать и отец вряд ли сдержат обещание купить мне даэдрическую катану в личное пользование и скажут, что, во-первых, они такого обещания не помнят, а во-вторых, это слишком дорого и опасно для девушки моего возраста.

Из приемного покоя императора доносились какие-то голоса. Отец, дед, и человек со странным акцентом — похоже, северянин. Потема вынула расшатанный камень за гобеленом и прислушалась.

“Позвольте говорить откровенно, ваше императорское величество, — донесся голос северянина. — Мой повелитель, король Солитьюда, вовсе не был бы обеспокоен, даже если бы принцесса Галана выглядела как орчиха. Он хочет заключить союз с императорской фамилией, и вы согласились отдать ему Галану, иначе вы будете вынуждены вернуть те несколько миллионов золотом, что он предоставил вам на подавление каджитского восстания в Торвале. Вы поклялись честью выполнить этот договор”.

“Я не припоминаю подобного договора, — голос ее отца был тверд. — А вы, сир?”

Раздалось неразборчивое ворчливое похрахтывание, по которому Потема узнала своего деда, престарелого императора.

“Что же, наверное, придется пройти в Зал записей, коли уж моя память так подводит меня, — голос северянина был исполнен сарказма. — Я ясно помню вашу печать, нанесенную на договор прямо перед тем, как он был спрятан под замок. Но воистину, я не застрахован от ошибок”.

“Мы пошлем пажа в Зал за договором, на который вы ссылаетесь”, — ответил голос ее отца, жесткий и холодный, как всегда бывало перед нарушением обещания. О, эти интонации Потеме были прекрасно известны. Она поставила на место расшатанный камень и поспешила в бальный зал. Она знала, как медленно передвигаются пажи, исполняющие приказы немощного императора. Она могла добраться до Зала записей за минуту.

Конечно же, массивная дверь черного дерева была заперта, но она знала, что делать. Год назад она застала одну из горничных своей матери за кражей драгоценностей и, в обмен на молчание, принудила босмерку научить ее вскрывать замки. Потема вытащила из броши с красным бриллиантом две булавки и вставила первую в один из замков, стараясь удержать кисть от дрожи. Одновременно она лихорадочно припоминала расположение прорезей и тумблеров внутри механизма замка.

У каждого замка есть свое строение.

Замок в кухонной кладовой: шесть свободных тумблеров, седьмой не проворачивается, и еще есть контрвинт. Она открыла его просто ради развлечения, но если бы она хотела кого-нибудь отравить, (при этой мысли она всегда внутренне улыбалась), все домашние уже отправилась бы на кладбище.

Замок в тайнике ее брата Антиохуса, содержащем коллекцию каджитской порнографической живописи: два свободных тумблера и жалкая отравленная игла, обезвреживаемая легким нажатием на противовес. Но это была хорошая добыча. Странно, но Антиохус, признанный бесстыдник, оказался чувствителен к шантажу. Однако ей было всего лишь двенадцать, и извращения кошколюдей и сиродильцев казались чем-то академически отстраненным. Антиохус был вынужден подарить ей бриллиантовую брошь, которую она припрятала.

Ее никогда не могли поймать. Даже когда она вторглась в покои архимага и украла его самую старинную книгу заклинаний. Даже когда она вторглась в гостиные покои, отведенные королем Гиланы, и стащила его корону, как раз в утро перед официальной церемонией Приветствия. Так легко оказалось досажать своей семье этими мелкими гадостями. Но в этом случае речь шла о документе, который хотелось видеть императору, такая важная встреча. Она обязана была получить его первой.

Однако именно этот замок оказался сложнейшим из тех, что она когда-либо открывала. Снова и снова она пыталась поддеть тумблеры, осторожно отстраняя двухконечную скобку, мешавшую протолкнуть булавки поглубже, постукивая по противовесу. У нее ушло почти полминуты, чтобы взломать замок в Зал записей, где хранились древние свитки.

Документы были разложены и маркированы в строгом порядке, с учетом года, провинции и королевства, и Потема быстро отыскала “Договор о помолвке” между Уриэлем Септимом II, благословением Богов императором Сиродильской Империи Тамриэля, и его дочерью принцессой Галаной, с одной стороны, и его величеством королем Солитьюда Мантиарко. Она схватила добычу и выскочила из Зала, наивно заперев дверь еще до того, как показался паж.

В бальном зале она вновь вынула неверный камень и прислушалась к разговору внутри. Несколько минут трое мужчин — северянин, император и ее отец — просто болтали о погоде и каких-то скучнейших дипломатических тонкостях. Затем послышались шаги и молодой голос — голос пажа.

“Ваше императорское величество, я осмотрел Зал записей, и не смог отыскать документ, который вы приказали принести”.

“Вот, вы же видите, — донесся голос отца Потемы. — Я говорил вам, что его не существует”.

“Но я видел его лично! — голос норда дрожал от ярости. — Я был там, когда вы и мой повелитель подписывали его! Я там был!”

“Я надеюсь, что вы не подвергаете сомнению слова моего отца и полновластного владыки Тамриэля, тем более теперь, когда имеются доказательства того, что вы... ошиблись”, — низкий голос Пелагиуса тоже не предвещал доброго.

“Нет, конечно же, — внезапно одумавшись, заметил северянин. — Однако что же мне сказать королю? Он не войдет в родство с императорской семьей, золота он тоже не получит, и договора... не существует, хоть мы и были уверены в обратном?”

“Мы не хотим создавать напряженности между королем Солитьюда и нами, — донесся голос императора, все еще слабый, но достаточно ясный. — Что если мы предложим королю Мантиарко нашу внучку?”

Потема вдруг ясно ощутила холод, исходящий от стены.

“Принцесса Потема? Не слишком ли молода она?” — осведомился северянин.

“Она уже достигла тринадцати, — заметил ее отец. — Выходят замуж и раньше, чем она”.

“Полагаю, она будет идеальной парой для вашего короля, — сказал император. — Общеизвестно, да и я так сам думаю, что она невинна и застенчива, но я уверен, она быстро познает все тонкости двора — в конце концов, она принадлежит к роду Септимов. Из нее выйдет прекрасная королева Солитьюда. Не сногсшибательная красавица, но высокородна”.

“Степень родства у внучки менее значительна, чем у дочери, — убитым голосом заметил норд. — Но у нас нет путей и возможностей отклонить ваше предложение. Я пошлю моему королю донесение”.

“Мы позволяем вам покинуть нас”, — сказал император. Потема услышала, что северянин вышел из комнаты.

Из глаз Потемы струились слезы. Она знала, кто правит Солитьюдом — из своих учебников. Мантиарко. Толстяк шестидесяти двух лет. И еще она знала, где находится Солитьюд, как холодно там, в этом сердце северных ветров. Ее отец и дед были готовы сослать ее на Север, к варварам. Из комнаты продолжали доноситься голоса.

“Молодец, мальчик. Теперь ты должен спалить дотла этот документ”, — сказал ее отец.

“Мой принц?” — произнес дрожащий голос пажа.

“Дубина, конечно же я говорю о договоре между императором и королем Солитьюда. Мы же не хотим, чтобы стало известно о его существовании?”

“Мой принц, я сказал правду. В Зале записей я не смог найти документ. Похоже, он потерян”.

“Во имя Лорхана! — зарычал отец. — Почему в этом месте все всегда теряется? Иди в Зал и ищи эту бумажку, пока не разыщешь!”

Потема посмотрела на документ. Миллионы золотом обещаны королю Солитьюда в том случае, если он не женится на тетушке Галане. Она могла отнести этот документ отцу, и в награду он отменит ее помолвку с Мантиарко. Или нет? Можно шантажировать отца или императора и получить некоторую сумму денег. Или, быть может, пустить его в дело, когда она станет королевой Солитьюда и тогда можно будет получить при его помощи многое... больше, чем при помощи даэдрической катаны.

Потема вдруг поняла, что у нее много возможностей. И еще — что скука отступает.

Книга вторая

Записано мудрецом первого столетия Третьей эры Монтокаи:

ЗЭ 82:

Через год после свадьбы своей четырнадцатилетней внучки принцессы Потемы и короля Мантиарко из королевства Солитьюд, император Уриэль Септим II скончался. Его сын, Пелагиус Септим II, стал императором. Он обнаружил, что казна порядком опустошена, увы, его отец очень неумело вел дела.

Новая королева Солитьюда, Потема, встретила оппозицию в лице старинных аристократических фамилий — для нордов она была чужестранкой. Мантиарко был вдовцом, его покойная жена пользовалась всеобщей любовью. От нее у короля остался сын, принц Баторг, который был на два года старше своей мачехи, он возненавидел Потему. Но король очень любил свою молодую жену, мечтал иметь от нее ребенка и вместе с ней переживал ее неудачные беременности. В 29 лет она родила ему сына.

ЗЭ 97:

“Ты должен сделать что-нибудь, чтобы унять боль!” — закричала Потема, ее лицо исказилось оскалом боли. Лекарь Келмет сразу же представил себе волчицу-роженницу, но приказал себе не думать об этом. Недруги часто называли Потему Королевой-Волчицей, но не из-за внешнего сходства с хищником.

“Ваше величество, у вас нет повреждений, которые я бы мог залечить. Та боль, что вы чувствуете, естественна при родах...” — он хотел было добавить еще несколько слов утешения, но ему пришлось уворачиваться от зеркала, которое она в него бросила.

“Я тебе не какая-то крестьянка! — прорычала Потема. — Я королева Солитьюда, дочь императора! Сделай что-нибудь! Призови даэдра! Я продам душу любого своего подданного, только чтобы унять боль!”

“Миледи, — нервно сказал лекарь, задерживая занавески, не давая утреннему солнцу заглянуть в комнату. — Никогда нельзя так говорить, даже в шутку. Глаза Обливиона всегда следят за нами”.

“Что ты знаешь об Обливоне, лекарь? — крикнула она, но затем успокоилась. Боль отступила немного. — Не передашь ли ты мне то зеркало, которое я в тебя кинула?”

“Вы снова хотите бросить его, ваше величество?” — спросил лекарь с грустной улыбкой, выполняя приказ.

“Очень может быть, — ответила она, глядя на свое отражение. — И на этот раз не промахнусь. Как же я ужасно выгляжу. Лорд Воккен все еще ждет меня в холле?”

“Да, ваше величество”.

“Скажи ему, что я только поправлю прическу и приму его. И оставь нас. Я позову тебя, когда мне вновь станет больно”.

“Да, ваше величество”.

Через несколько минут лорд Воккен вошел в комнату. Он был абсолютно лысым, и друзья, и враги называли его Гора Воккен. Голос его был похож на раскаты грома. Королева была одной из немногих людей, которые не боялись его. Он улыбнулся ей.

“Моя королева, как вы себя чувствуете?” — спросил он.

“Черт подери. Судя по твоему хорошему настроению, тебя сделали главнокомандующим”.

“Всего лишь временно, пока ваш муж пытается выяснить, верны ли слухи о предательстве моего предшественника, лорда Тоуна”.

“Если ты все сделал так, как я говорила, он обнаружит предательство, — улыбнулась Потема. — “Скажи мне, принц Баторг все еще в городе?”

“Что за вопрос, ваше величество, — рассмеялся Гора Воккен. — Сегодня же Турнир выносливости, принц никогда его не пропускает. Он разрабатывает новые приемы самозащиты каждый год, чтобы применить их на этих играх. Помните, как в прошлом году он без доспехов вышел на поединок и двадцать минут сражался с шестью мечниками, после чего ушел без единой царапины? Он посвятил тот бой своей покойной матери, королеве Амодете”.

“Да, я помню”.

“Он не друг ни мне, ни вам, но вам не следует недооценивать его. Он быстр, как молния. Глядя на него, можно подумать обратное, и он всегда использует свою кажущуюся медлительность, чтобы обмануть противника. Говорят, он обучился этому у орков на юге. Также говорят, что у них он научился предугадывать направление атаки противника при помощи каких-то сверхъестественных сил”.

“Ничего сверхъестественного в этом нет, — тихо сказала королева. — Он получил этот дар от отца”.

“Мантиарко никогда так не двигается”, — рассмеялся Воккен.

“Я говорю не об этом, — сказала Потема. Она закрыла глаза и сжала зубы. — Боль возвращается. Ты должен позвать лекаря, но сначала мне надо кое-что спросить у тебя. Начались ли работы в летнем дворце?”

“Думаю, да, ваше величество”.

“Не думай! — крикнула она, кусая губы с такой силой, что на грудь упало несколько капель крови. — Делай! Сделай так, чтобы строительство немедленно началось, сегодня же! От этого зависит твое будущее, мое будущее и будущее этого ребенка! Иди!”

Четыре часа спустя король Мантиарко вошел в комнату, чтобы посмотреть на сына. Королева слабо улыбнулась, когда он поцеловал ее в лоб. Когда она показала ему ребенка, король не удержался. Слезы потекли по его лицу.

“Мой лорд, — сказала она нежно. — Я знала, что ты сентиментален, но чтобы настолько!”

“Дело не только в ребенке, хоть он и прекрасен, во всем походя на свою мать, — Мантиарко повернулся к своей жене. Он будто постарел в одночасье, настолько горе исказило его черты. — Моя дорогая, во дворце беда. Если бы не рождение сына, этот день был бы самым ужасным днем моего правления”.

“В чем дело? Что-то случилось на турнире? — Потема приподнялась в кровати. — Что-то с Баторгом?”

“Нет, турнир тут ни при чем. Но это касается Баторга. Я бы не хотел тебя сейчас волновать. Тебе нужно отдохнуть”.

“Муж мой, расскажи мне все!”

“Я хотел преподнести тебе подарок к рождению нашего сына, поэтому решил сделать ремонт в летнем дворце. Такое замечательное место. Я думал, оно тебе понравится. Это была идея лорда Воккена, по правде говоря. Амодета очень любила летний дворец, — печаль закралась в голос короля. — Теперь я понял почему”.

“Что ты узнал?” — тихо спросила Потема.

“Амодета изменяла мне там с моим верным военачальником, лордом Тоуном. Они переписывались, их письма совершенно ужасны. И это еще не самое худшее”.

“А что же?”

“Даты на письмах соответствуют времени рождения Баторга. Мальчик, которого я воспитал как сына, — голос Мантиарко дрогнул. — Это сын Тоуна, это не мой сын”.

“Дорогой”, — сказала Потема, почти жалея старика. Он обнял его, а он разрыдался, прильнув к груди своей жены.

“С этого момента, — тихо сказал он, — Баторг мне больше не наследник. Он будет изгнан из королевства. Этот мальчик, которого ты родила сегодня, будет править Солитьюдом”.

“Может быть, не только, — сказала Потема. — Он ведь внук императора”.

“Мы назовем его Мантиарко Второй”.

“Дорогой, я бы с радостью, — сказала Потема, целуя своего мужа. — Но, может быть, стоит назвать его Уриэлем, в честь его деда-императора, благодаря которому и состоялся наш брак?”

Король Мантиарко улыбнулся и кивнул. В дверь постучали.

“Мой господин, — сказал Воккен, — его высочество принц Баторг победил в турнире. Он ждет, чтобы вы вручили ему награду. Он сумел противостоять атакам девяти лучников и гигантского скорпиона, которого мы привезли из Хаммерфелла. Толпа скандирует его имя. Они называют его Непобедимым”.

“Я выйду к нему”, — сказал король Мантиарко и покинул комнату.

“О, победить-то его можно, — устало сказала Потема. — Только надо очень постараться”.

Книга третья

Записано мудрецом первого столетия
Третьей эры Монтокаи:

ЗЭ 98:

Император Пелагиус Септим II умер за несколько недель до конца года, 15 -го Вечерней звезды, во время праздника Молитвы северным ветрам, что было сочтено плохим предзнаменованием для Империи. Он правил на протяжении семнадцати трудных лет. Чтобы пополнить опустевшую казну, Пелагиус распустил Совет Старейшин, заставив их выкупать свои посты. В результате высший орган государства лишился некоторого числа умных и честных, но не столь богатых членов. Многие говорят, что император умер от яда, который ему подсыпал один из бывших членов Совета.

Дети Пелагиуса прибыли на похороны отца и коронацию следующего императора. Его младший сын, принц Магнус, 19-ти лет от роду, приехал из Альмалексии, где он был советником при королевском дворе. 21-летний принц Сефорус приехал из Гилейна вместе со своей невестой-редгардом, королевой Бьянки. Принц Антиохус, 43-х лет от роду, старший сын и наследник престола, жил в Имперском городе, с отцом. Последней приехала единственная дочь покойного императора, Потема, Королева-Волчица Солитьюда. Тридцати лет и невероятной красоты. Она прибыла с огромной свитой в сопровождении своего мужа, старого короля Мантиарко, и годовалого сына, Уриэля.

Все считали, что Антиохус должен взойти на трон, но никто не знал, чего можно ожидать от Королевы-Волчицы.

ЗЭ 99:

"Лорд Воккен каждую ночь на этой неделе приводил в комнату вашей сестры каких-то людей, — поведал шпион. — Если рассказать ее мужу..."

"Моя сестра поклоняется богам завоеваний Реману и Талосу, а не богине любви Дибелле. Она что-то замышляет с этими людьми, а не устраивает с ними оргии. Держу пари, я спал в своей жизни с большим количеством мужчин, чем она, — рассмеялся Антиохус, но затем посерьезнел. — Совет медлит с моей коронацией, уверен, эта задержка — ее рук дело. Я знаю это. Уже шесть недель прошло. Они говорят, что им необходимо разобраться в бумагах и подготовиться к церемонии. Я — император! Обливион пожри все эти формальности!"

"Конечно, ваша сестра вам не друг, ваше величество, но здесь имеют значение другие факты. Не забывайте то, как ваш отец обращался с Советом. Их надо образумить и действовать нужно решительно", — шпион глубокомысленно посмотрел на свой кинжал.

"Так и делай, но следи за проклятой Королевой-Волчицей. Ты знаешь, где меня найти".

"В каком борделе, ваше величество?" — поинтересовался шпион.

"Сегодня и пофредасам я буду в "Кошке и гоблине".

Шпион доложил, что в эту ночь к королеве Потеме никто не приходил, потому что она ужинала в Синем дворце вместе со своей матерью, вдовствующей императрицей Квинтилла. Ночь была прохладной и на удивление безоблачной, хотя днем была гроза. Земля больше не могла впитывать влагу, и, казалось, что сады формального классического стиля разбиты на водной глади. Женщины взяли по бокалу вина и перешли на балкон, чтобы посмотреть на сад.

“Кажется, ты пытаешься воспрепятствовать коронации своего единокровного брата”, — сказала Квинтилла, не глядя на свою дочь. Потема видела, что годы не добавили морщин лицу ее матери, они скорее высушили ее.

“Это не так, — сказала Потема. — Да и разве это беспокоило бы тебя, будь оно правдой?”

“Антиохус не мой сын. Ему было уже одиннадцать, когда я вышла замуж за твоего отца. Мы никогда не были особенно близки. В его возрасте уже пора иметь семью и детей, а он все не может покончить с пьянством и блудом. Он будет не очень хорошим императором, — Квинтилла вздохнула, а затем повернулась к Потеме. — Очень плохо, когда в семье разлад. Очень легко можно расколоться на кланы и группы, а вот вновь объединиться очень трудно. Я боюсь за будущее Империи”.

“Странные слова... Ты что, умирать собралась, мама?”

“Я распознала знамения, — сказала Квинтилла, и слабая улыбка пробежала по ее лицу. — Не забывай — я была известной чародейкой в Камлорне. Я умру через несколько месяцев, а потом, не позже, чем через год, умрет твой муж. Я сожалею, что не увижу, как твой сын Уриэль взойдет на трон Солитьюда”.

“А не открылось ли тебе...” — Потема остановилась, все-таки она не хотела открываться даже умирающей женщине.

“Станет ли он императором? Да, и на этот вопрос я знаю ответ, дочь моя. Не бойся: этот вопрос разрешится при твоей жизни, так или иначе. У меня есть для него подарок, — императрица сняла с шеи ожерелье с большим желтым камнем. — Это камень душ, в нем находится дух великого оборотня, которого твой отец и я победили тридцать шесть лет назад. Я наложила на него заклинания школы иллюзий. Его владелец может очаровать любого человека. Очень важное умение для короля”.

“И императора, — сказала Потема, задирая ожерелье. — Спасибо, мама”.

Через час, направляясь к себе, Потема заметила, как темная фигура исчезла в темноте при ее приближении. Она еще раньше замечала, что за ней следят: такова уж жизнь при императорском дворе. Но этот человек находился слишком близко к ее комнатам. Она надела ожерелье.

“Выходи, чтобы я могла тебя видеть”, — приказала она.

Человек появился из тени. Небольшого роста, средних лет, в темном плаще. Он зачарованно смотрел в одну точку, находясь под действием ее заклинания.

“На кого ты работаешь?”

“Принц Антиохус мой хозяин, — ответил он мертвым голосом. — Я его шпион”.

У нее появился план: “Принц у себя?”

“Нет, миледи”.

“Но у тебя есть доступ в его покои?”

“Да, миледи”.

Потема широко улыбнулась. Он попался. "веди".

На следующее утро гроза возобновилась с новой силой. Стук капель по крыше эхом отдавался в голове Антиохуса. Он стал осознавать, что начинает терять способность пить всю ночь напролет, как в молодости. Он толкнул девушку-аргонианку, которая лежала с ним в кровати.

"Сделай хоть что-то полезное, закрой окно", — простонал он.

Как только окно было закрыто, в дверь раздался стук. Это был шпион. Он улыбнулся принцу и протянул ему лист бумаги.

"Что это? — спросил Антиохус, щурясь. — Наверное, я еще не протрезвел. Похоже на орочий".

"Я думаю, вас это заинтересует, ваше величество. Вас хочет видеть ваша сестра".

Антиохус подумал, стоит ли одеться или выслать подружку, но потом передумал: "Пусти ее. Пусть смотрит".

Если Потема и была шокирована, то она этого не показала. В одеждах из оранжевого и серебряного шелка, она вошла в комнату с победной улыбкой на лице. За ней следовал человек-гора лорд Воккен.

"Дорогой брат, ночью я разговаривала с моей матерью, и она дала мне очень ценный совет. Она сказала, что мне не стоит враждовать с тобой. Ради нашей семьи и всей Империи. Поэтому, — сказала она, достав из складок одежды лист бумаги, — я предлагаю тебе выбор".

"Выбор? — в ответ улыбнулся Антиохус. — Звучит не слишком дружелюбно".

"Откажись от трона добровольно, и тогда мне не придется демонстрировать Совету вот это, — Потема протянула брату письмо. — Это письмо с твоей печатью, в котором ты признаешься в том, что знаешь, что твоим отцом является не император Пелагиус Септим II, а королевский слуга Фондукт. Прежде чем ты начнешь отрицать, что писал это письмо, я скажу, что слухов избежать будет очень трудно, да и Совет с радостью поверит в то, что твой отец был рогоносцем. Правда это или нет, писал ли ты это письмо или нет — не важно. Скандал будет большой, и ты лишишься шансов попасть на трон".

Антиохус поделел от гнева.

"Не бойся, брат, — сказала Потема, забирая письмо из его трясущихся рук. — Я прослежу за тем, чтобы в своей жизни ты ни в чем не нуждался. Любые девушки, которых пожелает твое сердце или какой другой орган".

Внезапно Антиохус рассмеялся. Он посмотрел на шпиона и подмигнул ему: "Я помню, как ты залезла в мой стол, нашла там непристойные каджитские картинки и потом шантажировала меня. Это было почти двадцать лет назад. Замки с тех пор стали совершеннее, ты должна была заметить. Сама ты бы не смогла проникнуть ко мне — ты бы погибла".

Потема улыбнулась. Это было не важно. Он был у нее в руках.

"Должно быть, ты зачаровала моего слугу, чтобы он провел тебя в кабинет, где ты могла воспользоваться моей печатью, — ухмыльнулся Антиохус. — Возможно, заклинание от твоей мамочки-ведьмы?"

Потема продолжала улыбаться. Ее брат был умнее, чем она думала.

"А знаешь ли ты, что даже самые мощные заклинания очарование действуют очень недолго? Конечно же, ты не знала. Ты же никогда не занималась магией. По-

верь мне, лучше хорошо заплатить человеку — это будет гораздо надежнее любых заклинаний, сестра, — Антиохус достал свой листок бумаги. — Теперь у меня есть к тебе предложение”.

“Что это?” — спросила Потема. Улыбка исчезла с ее лица.

“Да так, пустяки, но если подумать, то очень серьезная улика. Это листок, на котором ты тренировалась, пытаясь подделать мой почерк. У тебя такой дар! Интересно, а раньше ты уже подобным занималась? Слышал, нашли письмо покойной жены своего мужа, в котором она признавалась в измене и в том, что их сын был незаконнорожденным. Не ты ли его написала? Что будет, если я покажу эту записку, свидетельствующую о твоём удивительном даре, твоему мужу? Поверит ли он мне? В будущем, дорогая Королева-Волчица, не повторяйся”.

Потема покачала головой, не в силах вымолвить ни слова.

“Давай сюда свою подделку и иди прогуляйся под дождем. И забудь о попытках не допустить меня к трону, — Антиохус пристально посмотрел на Потему. — Я буду императором, Королева-Волчица. Теперь ступай”.

Потема протянула письмо брату и вышла из комнаты. Некоторое время она молчала. Она смотрела, как дождевые капли стекают по мраморным плитам.

“Да, брат, будешь, — сказала она. — Но недолго”.

Книга четвертая

Записано мудрецом первого столетия Третьей эры Монтокаи:

ЗЭ 109:

Через десять лет после коронации и провозглашения его императором Тамриэля, Антиохус Септим удивил свое окружение своей неумной страстью к плотским утехам. В 104-м году его вторая жена Гизилла подарила ему дочь. Он назвал ребенка Кинтирой в честь своей двоюродной пра-пра-пра-бабушки, императрицы. Невероятно толстый, переболевший всеми известными и неизвестными целителям венерическими заболеваниями, Антиохус очень мало времени посвящал политике. Его братья и сестры, как ни странно, очень преуспели на этом поприще. Магнус женился на Хеленне, родом из Сиродила, королеве Лилмота — аргонианский король-священник был казнен — и очень успешно представлял интересы Империи в Чернотопье. Сефोरус и его жена Бьянки правили хаммерфелльским королевством Гилейн и плодили здоровых детишек. Но самой активной из них была Потема, Королева-Волчица скайримского королевства Солитьюд.

Через девять лет после смерти своего мужа, короля Мантиарко, Потема все еще правила в качестве регентши при своем юном сыне Уриэле. Ее двор стал очень популярен, особенно среди правителей, которые были недовольны императором. Все короли Скайрима регулярно посещали Солитьюд, часто заезжали посланники дворов Морровинда и Хай Рока, бывали гости и из более отдаленных краев.

ЗЭ 110:

Потема стояла на пирсе и смотрела, как причаливает корабль из Пиандонеи. Ей уже приходилось видеть так много кораблей из разных провинций Тамриэля на фоне серых волн Скайрима, что и этот не показался необычным. Судно обликком напоминало насекомое: перепончатые паруса и хитиновый корпус, но подобные, если не идентичные, уже прибывали из Морровинда. Нет, если бы не флаг, который был определенно чужим, она не отличила бы этот корабль от пары десятков других, стоящих в гавани. Когда до ее лица долетели соленые брызги, она подняла руку, чтобы поприветствовать посетителей из другой островной империи.

Люди на борту были не просто бледными, они были абсолютно бесцветными, как будто бы их плоть была сделана из какой-то белой прозрачной желеподобной субстанции, но ее уже предупредили об этом. Когда появился король и его переводчик, она посмотрела им прямо в глаза и протянула руку. Король издал какие-то звуки.

“Его величество, король Оргнум, — сбивчиво затараторил переводчик, — выражает свое восхищение вашей красотой. Он благодарит вас за то, что вы предоставили ему убежище в этих опасных морях”.

“Вы очень хорошо говорите на сиродильском”, — сказала Потема.

“Я знаю языки четырех континентов, — отвечал переводчик. — Я могу говорить с жителями моей родной страны, Пиандонеи, а также на языках Атморы, Акавира и Тамриэля. На самом деле, ваш язык самый простой. Я очень ждал этого путешествия”.

“Пожалуйста, скажите его величеству, что мы очень рады видеть его у нас и что я полностью в его распоряжении, — улыбнулась Потема. Затем она добавила. — Вы понимаете контекст? Это всего лишь обычная вежливость?”

“Конечно”, — сказал переводчик и издал какие-то звуки, обращаясь к своему королю, в ответ на них король улыбнулся. Пока они говорили Потема посмотрела на док и увидела, что люди в ставших знакомыми серых плащах наблюдают за ней, параллельно общаясь с Левлетом, доверенным лицом Антиохуса. Орден псиджиков с Саммерсета. Это плохо.

“Мой представитель, лорд Воккен покажет вам ваши комнаты, — сказала Потема. — К сожалению, здесь появились еще гости, которые тоже требуют моего внимания. Я надеюсь, его величество поймет меня”.

Его величество король Оргнум понял, и Потема назначила пиандонейцам встречу за ужином. Встреча с орденом псиджиков требовала полной концентрации. Она надела свое самое простое платье, черное с золотом, и прошла в тронный зал. Ее сын Уриэль сидел на троне и играл со своим питомцем, джугатом.

“Доброе утро, мама”.

“Доброе утро, дорогой, — сказала Потема, с трудом поднимая сына в воздух. — Талос, какой же ты тяжелый. Не думаю, что мне когда-нибудь доводилось поднимать такого тяжелого десятилетнего мальчика”.

“Может быть, это потому что мне одиннадцать лет, — сказал Уриэль, прекрасно выучивший все материнские уловки. — И сейчас ты скажешь, что если мне уже одиннадцать лет, я должен учиться”.

“В твои годы я обожала учиться”, — сказала Потема.

“Я король”, — капризно заявил Уриэль.

“Но не стоит останавливаться на этом, — сказала Потема. — По праву тебе бы уже полагалось быть императором, ты ведь понимаешь это?”

Уриэль закивал. Потема в очередной раз поразилась его сходством с портретами Тайбера Септима. Те же густые брови и волевой подбородок. Когда он станет постарше и с него сойдет детский жирок, он будет копией своего двоюродного пра-пра-пра-пра-дедушки. Она услышала, как у нее за спиной открывается дверь, церемониймейстер проводил в зал нескольких человек в серых плащах. Она нахмурилась, и Уриэль, сразу поняв, что к чему, спрыгнул с трона и вышел из зала, остановившись, чтобы поприветствовать самого важного из псиджиков.

“Доброе утро, мастер Яхезис, — сказал он, четко проговаривая каждый слог с легким царственным акцентом, от которого у Потемы polegчало на душе. — Надеюсь, что вас разместили с удобствами”.

“Так и есть, король Уриэль, спасибо”, — сказал Яхезис, польщенный и довольный.

Яхезис и другие псиджики вошли в зал, дверь за ними закрылась. Потема еще на мгновение задержалась на троне, а потом встала, чтобы поприветствовать своих гостей.

“Я прошу прощения, что заставила вас ждать, — сказала Потема. — Подумать только, вы приплыли сюда с островов Саммерсет”.

“Не такое это и долгое путешествие, — сердито заметил один из серых плащей. — Это ж не из Пиандонеи приплыть”.

“Значит, вы уже видели моих гостей, короля Оргнума и его свиту, — легко сказала Потема. — Смеею предположить, вам показалось необычным, что принимаю их у себя, ибо всем нам известно, что пиандонейцы намереваются захватить Тамриэль. Вы, как я понимаю, сохраняете нейтралитет в этом вопросе, как и во всех прочих политических делах?”

“Конечно, — гордо ответил Яхезис. — Мы ничего не приобретем и не потеряем от этого вторжения. Орден псиджиков существовал задолго до того, как Тамриэлем стала править династия Септимов, так что мы выживем при любом политическом режиме”.

“Как блохи, которые цепляются к любой пробегающей мимо дворняге, да? — сказала Потема, прищурившись. — Не преувеличивайте вашу значимость, Яхезис. Дитя вашего ордена, Гильдия Магов, ныне раза в два влиятельнее вас, а они полностью на моей стороне. Мы планируем заключить соглашение с королем Оргнумом. Когда пиандонейцы захватят материк, а я займу свое законное место императрицы этого континента, тогда вы узнаете, каково ваше настоящее место в этом мире”.

Царственной походкой Потема покинула тронный зал, серым плащам осталось только переглядываться.

“Мы должны поговорить с лордом Левлетом”, — сказал один из серых плащей.

“Да, — отвечал Яхезис. — Возможно”.

Левлет нашелся на своем обычном месте — в таверне “Луна и морская болезнь”. Когда три фигуры в серых плащах под предводительством Яхезиса появились на пороге, дым и шум таверны, казалось, куда-то исчезли. Исчезли даже запахи табака и флина. Левлет поднялся со своего места и проследовал вместе с ними в маленькую комнату наверху.

“Вы пересмотрели свое решение”, — сказал Левлет, широко улыбаясь.

“Ваш император, — сказал Яхезис и тут же поправился. — Наш император попросил нашей поддержки в обороне западного побережья Тамриэля от пиандонейского флота в обмен на двенадцать миллионов золотых. Мы запросили пятьдесят. Мы подумали о последствиях вторжения пиандонейцев и решили принять предложение императора”.

“Гильдия магов любезно...”

“Десять миллионов золотых”, — быстро сказал Яхезис.

Во время ужина Потема пообещала королю Оргнуму через переводчика, что она окажет ему посильную помощь в борьбе против своего брата. Она с удовольствием отметила, что ее умение лгать прекрасно работает вне зависимости от культурной принадлежности собеседника. Той же ночью Потема разделила ложе с королем Оргнумом, ей это показалось вежливым дипломатическим жестом. Он оказался одним из лучших ее любовников. Сначала он дал ей какие-то травы, и она почувствовала себя так, как будто она парит на поверхности времени, приходя в себя только для любви. Она чувствовала себя прохладным туманом, который охлаждает пламя его желаний снова и снова. На следующее утро, когда он поцеловал ее в щеку и показал своими белыми глазами, что он покидает ее, она почувствовала сожаление.

В то утро их корабль вышел из гавани и отправился к островам Саммерсет. Она еще нахала рукой вслед кораблю, когда услышала шаги у себя за спиной. Это был Левлет.

“Они сделают это за восемь миллионов, ваше величество”, — сказал он.

“Слава Маре, — сказала Потема. — Для начала восстания мне потребуется время. Заплатите им из моей казны, затем отправляйтесь в Имперский город и возьмите у Антиохуса двенадцать миллионов. Мы должны получить хорошую прибыль от этой игры, и вы, разумеется, получите свою долю”.

Три месяца спустя Потема услышала, что флот пиандонейцев был потоплен штормом, который внезапно возник у острова Артейум, вотчины ордена псиджиков. Король Оргнум и все его корабли были уничтожены.

“Иногда, чтобы получить прибыль, — сказала она, прижимая к себе сына Уриэля, — нужно заставить людей тебя ненавидеть”.

Книга пятая

Записано Инзоликусом, мудрецом второго века,
учеником Монтокаи:

3Э 119:

Двадцать один год император Антиохус Септим правил Тамриэлем и доказал, что он настоящий повелитель, несмотря на свои моральные качества. Его величайшей победой стала война Островов, когда в 110-м году императорский флот совместно с королевским флотом острова Саммерсет при поддержке ордена псиджиков сокрушили наступающую пиандонейскую армию. Его единокровные братья и сестра, король Магнус Лилмотский, король Сефорус Гилейнский и Потема, Королева-Волчица Солитьюда, управляли своими уделами хорошо, и отношения между Империей и королевствами Тамриэля значительно улучшились. Однако столетия взаимной терпимости не зарастили всех шрамов, которые существовали между Империей и королевствами Хай Рока и Скайрима.

Во время одного из редких визитов своей сестры и ее сына Уриэля, Антиохус, постоянно недомагавший все последние годы, впал в кому. Несколько месяцев он балансировал между жизнью и смертью, пока Совет Старейшин готовился к восшествию на престол его пятнадцатилетней дочери Кинтиры.

3Э 120:

“Мама, я не могу жениться на Кинтире, — сказал Уриэль, более удивленный предложением, чем раздосадованный. — Она же моя кузина. И к тому же, она помолвлена с одним из лордов Совета, Моделлусом”.

“Ты такой щепетильный. Для излишней разборчивости есть свое место и свое время, — заметила Потема. — Однако ты прав насчет Моделлуса, и нам не стоит оскорблять Совет в сложившихся обстоятельствах. Как тебе нравится принцесса Ракма? Ты провел в ее компании довольно много времени, когда мы были в Фарруне”.

“Да, она ничего, — замялся Уриэль. — Только не говори мне, что ты желаешь знать все детали”.

“О, пожалуйста, избавь меня от анатомических подробностей, — Потема скривилась. — Ты женишься на ней?”

“Можно”.

“Отлично. Тогда я все подготовлю, — Потема что-то записала перед тем, как продолжить разговор. — Короля Ллеромо нелегко удерживать в числе наших союзников, а политический брак укрепит нашу связь с Фарруном. Они нам понадобятся. Когда похороны?”

“Что за похороны? — спросил Уриэль. — Ты имеешь в виду дядю Антиохуса?”

“Ну конечно, — вздохнула Потема. — А что, еще кто-то умер?”

“Там какие-то редгардские детишки бегали по коридору — полагаю, Сефोरус уже приехал. Магнус прибыл ко двору вчера, так что церемония может состояться в любой день”.

“Стало быть, пора обратиться к Совету”, — заметила Потема с улыбкой.

Она оделась в черное, довольно непривычный для нее цвет. Было важно сыграть роль скорбящей сестры. Глядя на свое изображение в зеркале, она поняла, что выглядит на все свои пятьдесят три. Серебряные пряди появились в каштановых волосах. Длинные, холодные и сухие зимы северного Скайрима пробороздили морщинки по всему лицу, похожие на паутину. Но она знала, что улыбкой все еще может завоевывать сердца, а ее сдвинутые брови способны внушать страх. Для ее целей этого было вполне достаточно.

Обращение Потемы к Совету Старейшин возможно окажется полезным примером для молодых ораторов.

Она начала с лести и самоуничижения: “Мои величественные и мудрые друзья, члены Совета Старейшин! Я всего лишь провинциальная королева и могу только делать догадки о решениях, которые вы, должно быть, уже приняли”.

Она продолжала, восхваляя последнего императора, который был популярен, несмотря на свои пороки: “Он был истинным Септимом и великим воителем, разбившим почти неуязвимую армию Пиандонеи, следуя вашим советам”.

Далее она, не теряя времени, перешла к главному: “Императрица Гизилла, к сожалению, не сделала ничего, чтобы обуздать похотливый нрав моего брата. На деле, ни одна шлюха города не подбывала в большем количестве постелей, чем она. Если бы она была честнее, выполняя свои обязанности в императорской почивальне, мы бы имели настоящего наследника императорского трона, а не тех полоумных и бесхарактерных ублюдков, что называют себя императорскими детьми. Всем известно, что девочка, названная Кинтирой, является дочерью Гизиллы и капитана караула. Также может быть, что она дочь Гизиллы и мальчишки, что моет посуду. Мы никогда не узнаем этого наверняка. Но никто не сможет усомниться в происхождении моего сына Уриэля. Он старший из истинных наследников династии Септимов. Милорды, никто из принцев Империи не потерпит ублюдка на троне, я вас уверяю”.

Она закончила речь тихо, но с завуалированным призывом к действиям: “Потомки рассудят вас. Вы знаете, что должно быть сделано”.

В этот вечер Потема развлекала своих братьев и их жен в Зале карт, ее любимом зале для трапез во всем дворце. Стены в нем были раскрашены яркими, хоть и несколько потускневшими изображениями Империи и заморских стран — Атморы, Йокуды, Акавира, Пиандонеи, Траса. Потолком служил огромный стеклянный купол, влажный от дождя, искажающий звездный свет. Молнии сверкали одна за одной, отбрасывая странные призрачные тени на стену.

“Когда вы поговорите с Советом?” — спросила Потема, когда стол был накрыт.

“Я не знаю, стану ли я... — сказал Магнус. — Не думаю, что мне есть, что сказать”.

“Я буду говорить с ними только после того, как они провозгласят коронацию Кинтиры, — сказал Сефोरус. — Просто небольшая формальность, чтобы обозначить мою поддержку и поддержку Хаммерфелла”.

“Ты говоришь за весь Хаммерфелл? — спросила Потема с дразнящей улыбкой. — Редгарды, должно быть, очень любят тебя”.

“У нас в Хаммерфелле с Империей особенные отношения, — сказала жена Сефоруза, Бьянки. — С тех пор, как был подписан пакт в Строс М'кай, ясно, что мы часть Империи, но не ее подчиненные”.

“Я так понимаю, что вы уже поговорили с Советом”, — многозначительно сказала жена Магнуса, Хеллена. От природы она была дипломатична, но поскольку была имперкой, правящей аргонианским королевством, то знала, как распознать и противостоять напряженности.

“Да, именно, — произнесла Потема, делая паузу, чтобы попробовать тушеную дичь. — Я произнесла небольшую речь о грядущей коронации”.

“Наша сестра — прекрасный оратор”, — заметил Сефोरус.

“Вы слишком добры ко мне, — сказала Потема со смешком. — Мне много что удастся получше, чем публичные выступления”.

“Например?” — спросила улыбающаяся Бьянки.

“Могу я спросить, что ты сказала им?” — спросил с подозрением Магнус.

Внезапно кто-то постучал в дверь. Главный дворецкий прошептал что-то Потеме, она улыбнулась ему и встала из-за стола.

“Я сказала Совету, что если они будут поступать мудро, я полностью поддержу коронацию. Что в этом можно найти плохого? — сказала Потема, прихватывая с собой бокал вина и идя к двери. — Простите меня, моя племянница Кинтира хочет переговорить со мной”.

Кинтира стояла в холле с имперским гвардейцем. Она была едва не ребенком, но, подумав хорошенько, Потема припомнила, что в том же возрасте она уже два года как была замужем за Мантиарко. Совершенно определенно между ними было сходство. Потема вполне могла представить себе Кинтиру в качестве молодой королевы, с ее темными глазами и бледной кожей, гладкой как мрамор. Как только Кинтира увидела тетушку, в ее глазах на мгновение заискрилась ярость, но она немедленно утормила эмоции, оставив лишь спокойную важность, присущую членам императорской фамилии.

“Королева Потема, — начала она невозмутимо. — Меня поставили в известность, что коронация состоится через два дня. Ваше присутствие на церемонии нежелательно. Я уже отдала приказ вашим слугам паковать вещи, и эскорт будет сопровождать вас до пределов вашего королевства. Вы покидаете нас этой ночью. Это все. Прощайте, тетя”.

Потема хотела ответить, но Кинтира и стражник повернулись и пошли вниз по коридору. Королева-Волчица немного посмотрела им вслед и вернулась в Зал карт.

“Сестра, — произнесла с плохо сдерживаемой яростью Потема, адресуя слова Бьянки, — ты спросила, что мне удастся лучше, чем речи? Ответчу: война”.

Книга шестая

Записано Инзоликусом, мудрецом второго века:

ЗЭ 120:

Пятнадцатилетняя королева Кинтира Септим II, дочь Антиохуса, была коронована на третий день Первого зерна. Ее дядья Магнус, король Лимота, и Сесфорус, король Гилейна, присутствовали при том, но ее тетушка Потема, Королева-Волчица Солитьюда, была удалена от двора. Вернувшись в свое королевство, Потема начала плести заговор, приведший к восстанию, названному в хрониках войной Красного Алмаза. Все союзники, которых она собрала за годы правления, недовольные короли и знатные лорды, соединили с ней свои силы в борьбе против новой молодой императрицы.

Первые удары, нанесенные по Империи, были успешны. Имперская армия была атакована в Скайриме и северной части Хай Рока. Потема и ее единомышленники распространяли восстание как чуму по всему Тамриэлю, везде поднимая бунты и учиняя беспорядки. Осенью того же года, верный законной власти герцог Гленпойнта, что на побережье Хай Рока, попросил срочной помощи у Имперской армии, и Кинтира, желая поддержать дух своих поданных в борьбе против Королевы-Волчицы, сама повела войско.

ЗЭ 121:

“Мы не знаем, где они, — сказал герцог в глубоком недоумении. — Я разослал во круг разведчиков. Можно только предположить, что они отступили на север, узнав о прибытии вашей армии”.

“Мне неприятно говорить об этом, но я надеялась на битву, — заметила Кинтира. — Я хочу насадить голову моей тетушки на пик и шествовать с ней по всей Империи. Ее сынок Уриэль и его армия находятся прямо на границах Имперской провинции, насмехаясь надо мной. И как им удастся так успешно вести бои? Они действительно так хорошо обучены, или мои подданные попросту меня ненавидят?”

Она очень устала от бесконечного путешествия по раскисшим дорогам Империи этой осенью и зимой. При переходе через горы Драгонтейл ее армия напоролась на засаду. Страшная пурга в тихом Двиннене, славном своим мягким климатом, оказалась настолько неожиданной и жестокой, что не оставалось сомнений — ее наслал один из магов, союзных Потеме. Куда не посмотри, везде было заметно ее влияние. А теперь шанс схватиться с ней лицом к лицу неожиданно исчез. Императрица теряла самообладание.

“Это всего лишь страх, простой и незамутненный, — сказал герцог. — Ее главное оружие”.

“Я хочу задать вопрос, — произнесла Кинтира, надеясь, что переход на другую тему позволит ей скрыть тот самый страх, о котором помянул герцог. — Вы видели ее армию. Правда ли, что она включила в состав войска нежить?”

“Нет, вот это как раз неправда, но она старательно распространяет подобные слухи. Она любит атаковать ночью, частично по стратегическим соображениям, а частично, для того чтобы усилить атмосферу страха. У нее нет, насколько мне известно, никакой сверхъестественной поддержки, кроме обычных для современной армии клинков ночи и боевых магов”.

“Ночью, всегда ночью... — задумчиво проговорила Кинтира. — Быть может, она делает это еще и для того, чтобы ввести противника в заблуждение относительно истинной численности ее армии”.

“И, конечно, чтобы выйти на заданные позиции до того, как ее армию заметят, — добавил герцог. — Она мастерица по части скрытной подготовки к нападению. Когда вы слышите топот ног на востоке, можете быть уверены, что она занимает стратегическую позицию к югу. Но, моя императрица, мы можем обсудить это все и завтра утром. Я приготовил лучшие комнаты замка для вас и вашей свиты”.

Кинтира проследовала в свою башню. При свете луны и одинокой сальной свечки она начала писать письмо своему будущему мужу, лорду Моделлусу, который находился в столице. Она надеялась, что венчание состоится этим летом, в Синем дворце, который так любила ее бабушка Квинтилла, но война могла расстроить все планы. Изредка, отрывая глаза от письма, она смотрела во двор, на деревья — зимние, холодные, лишенные листьев. Двое ее охранников стояли у входа на парапете, всего в нескольких шагах друг от друга. “Прямо как Моделлус и я...” — подумала она и поспешила занести эту метафору на бумагу.

Стук в дверь прервал ее поэтические экзерсисы.

“Ваше величество, письмо от лорда Моделлуса”, — сказал курьер, передавая ей бумагу.

Записка была короткая, и она прочитала ее быстро, еще до того, как курьер ушел: “Странно. Когда это было написано?”

“Неделю назад, — сообщил курьер. — Он сказал, что это срочно, и должно быть доставлено, пока он мобилизует армию. Думаю, они уже покинули столицу”.

Кинтира отпустила гонца. Моделлус упоминал письмо от нее с требованием срочной мобилизации армии и прибытия к Гленпойнту для участия в битве. Но битвы при Гленпойнте не намечалось, да и прибыла она только что. Кто же написал письмо, подделав ее почерк, и кому могла понадобиться вторая армия в Хай Роке?

Из окна потянуло холодом, и Кинтира подошла, чтобы прикрыть его. Охранников на парапете уже не было. Услышав неясные звуки борьбы у одного из мертвых деревьев, она перегнулась через подоконник и не слышала, как открылась дверь за спиной.

Когда она повернулась, у входа уже стояли Потема и Ментин, герцог Гленпойнта, с солдатами.

“Вы тихо ходите, тетушка, — сказала она после паузы. Она повернулась к герцогу. — Что заставило вас презреть свою верность Империи? Страх?”

“И еще деньги”, — просто ответил герцог.

“Что случилось с моей армией? — спросила Кинтира, стараясь смотреть Потеме прямо в лицо. — Неужели битва уже кончена?”

“Ваши люди мертвы, — заулыбалась Потема. — Но в битве не было необходимости. Их просто тихо перерезали поодиночке. Еще будут битвы — против Моделлуса в горах Драгонтейл и взятие Имперского города. Я буду сообщать вам о ходе войны”.

“И я буду вашей заложницей? — спросила Кинтира, внезапно похолодев от мысли о твердом камне высокой башни. — Проклятье, я ведь ваша императрица!”

“Но посмотри, моя девочка — я делаю тебя из третьесортной правительницы первосортной мученицей, — похлопав ресницами, сказала Потема. — Насколько я понимаю, благодарности ждать не приходится”.

Книга седьмая

Записано Инзоликусом, мудрецом второго века,
учеником Монтокаи:

ЗЭ 125:

Точная дата казни Кинтиры Септим II в башне замка Гленпойнт — вопрос дискутируемый. Некоторые говорят, что она был убита вскоре после ее пленения в 121-м году, другие утверждают, что ее долго держали в качестве пленницы, примерно до того момента, когда ее дядя Сефорус, король Гилейна, отвоевал Западный Хай Рок летом 125-го года. Извештие о кончине Кинтиры сплотило многих против королевы Потемы и ее сына, который короновался как император Уриэль III за четыре года до того, захватив плохо охраняемую столицу.

Сефорус сконцентрировал свои войска в Хай Роке, пока его брат Магнус, король Лилмотский, провел свои аргонианские отряды через верный короне Морровинд в Скайрим, чтобы атаковать собственную провинцию Потемы. Отряды рептилий отлочно провели летнюю кампанию, но зимой они были вынуждены отступить для

перегруппировки и подготовки к новой атаке в теплое время года. В последние два года противостояние так и не сдвинулось с мертвой точки.

В 125-ом жена Магнуса, Хеллена, родила своего первенца, мальчика, которого назвали Пелагиус, в честь императора, отца Магнуса, а также отца Сефоруца, наследника престола, а впоследствии и императора, Антиохуса, и ужасной Потемы, Королевы-Волчицы Солитьюда.

3Э 127:

Потема восседала на мягких подушечках, разбросанных по теплой траве перед своим тентом, и наблюдала за тем, как солнце восходит над темным лесом, по ту сторону лугов. Это было полное жизни утро, как обычно бывает летом в Скай-рине. Стрекот насекомых наполнял воздух вокруг, и небо было пестро от тысяч парящих птиц, которые то слетались вместе, то разлетались, создавая причудливый узор. Природа ничего не знала о войне, приближающейся к Фальконстару.

“Ваше величество, депеша из войск в Хаммерфелле”, — сказала одна из ее фрейлин, подводя к ней курьера. Он тяжело дышал и был весь покрыт дорожной пылью. Свидетельство путешествия длиною в много миль.

“Моя королева, — сказал курьер, уставившись в землю. — Я принес страшную новость о вашем сыне, императоре. Он встретил войско вашего брата, короля Сефору, в Хаммерфелле, в местечке под названием Ичидаг. Вы должны гордиться им, он дрался отважно, но Имперская армия нанесла поражение его войску, и ваш сын, наш император, был захвачен в плен. Король Сефорус увозит его в Гилейн”.

Потема выслушала новости, нахмурившись. “Неуклюжий болван”, — произнесла она, наконец.

Затем Потема встала и пошла через лагерь, где ее солдаты вооружались, готовясь к битве. Уже давно они поняли то, что их владычица не в восторге от церемоний и предпочитает видеть своих солдат действующими, а не салютующими. Она шла к лорду Воккену — тот переговаривался с командиром боевых магов, обсуждая последние стратегические детали.

“Моя королева, — спросил курьер, следовавший за ней, — что вы собираетесь делать?”

“Я собираюсь выиграть эту битву против Магнуса, несмотря на то, что он занимает выгодную позицию в руинах замка Когментист, — сказала Потема. — И после этого, когда я узнаю, что Сефорус намерен делать с императором, я буду действовать соответственно. Если нужно будет уплатить выкуп, я выплачу его. Если нужно будет произвести обмен заложниками, пусть так и будет. А теперь иди, вымойся и отдохни, и не становись на пути войны”.

“Это не идеальный сценарий, — произнес лорд Воккен, когда Потема вошла в палатку командира. — Если мы атакуем замок с запада, мы попадем как раз под огонь их лучников и магов. Если же мы подойдем с востока, то нам придется драться в болотах, а аргониане лучше сражаются на заболоченных территориях, чем мы. Гораздо лучше”.

“Но как насчет севера и юга — там же просто холмы, правильно?”

“Да, но очень крутые холмы, ваше величество, — сказал командир. — Мы можем выставить там лучников, но будет неразумно подставлять таким образом наши основные силы”.

“Итак, болото, — заключила Потема, и добавила, — если, конечно, мы не хотим подождать, чтобы они вышли драться”.

“Если мы промедлим, Сефорус подведет армию из Хай Рока и нам придется иметь дело с ними обоими, — сказал лорд Воккен. — Не слишком приятный расклад”.

“Я поговорю с воинами, — сказал командир. — Попытаюсь подготовить их к действиям в болотах”.

“Нет, — возразила Потема, — я сама обращаюсь к ним”.

Облаченные в доспехи, воины собрались на плацу в центре лагеря. Это было пестрое сборище из мужчин и женщин: имперцев, нордов, дретонцев и данмеров, новичков и ветеранов, дочерей и сыновей аристократов, домовладельцев, слуг, священников, проституток, фермеров, ученых и искателей приключений. Все они сражались под знаменем Красного Алмаза, символа династии императоров Тамриэля.

“Дети мои! — обратилась к ним Потема, и ее голос зазвенел от напряжения, повисая в неподвижном утреннем тумане. — Мы прошли много битв вместе, по берегам морей и вершинам гор, через леса и пустыни. Я видела, как вы совершали до-

блестные деяния, и они заставляли мое сердце трепетать от гордости за вас. Я также видела грязные приемы, удары в спину, примеры жесточайших зверств и насилия, и они также были мне по душе. Ведь вы все — воины”.

Разогревая людей, Потема шла от одного к другому, глядя им в глаза: “Война течет в ваших венах, война въелась в ваши мозги и мускулы, она есть во всем, что вы делаете, и о чем вы думаете. Когда завершится эта война, когда рассеется по ветру прах тех, кто желает отнять трон у законного императора, Уриэля Септима Третьего, вы можете отказаться быть воинами. Вы можете вернуться к своей нормальной, довоенной жизни, в свои города и села, вы будете показывать шрамы и рассказывать об этом дне своим изумленным соседям. Но сегодня, запомните, вы — воины и больше никто! Вы — война”.

Она видела, как ее слова воодушевляют их. Глаза слушателей наливались красным и уже видели предстоящий бой, пальцы сжимались на рукоятках оружия. Она продолжала, возвысив голос до предела: “И вы пройдете через болота, подобно черной неуязвимой силе, пришедшей из темнейшего закутка Обливиона, вы сдерете шкуры со всех ящериц, сидящих в замке Когментист. Вы воины, и вы должны не только сражаться. Вы должны победить. Вы должны победить!”

Солдаты взревели в ответ, распугав всех птиц в округе лагеря.

С высокой позиции на южном холме Потеме и лорду Воккену открывался прекрасный вид на начинающуюся битву. Это было похоже на два разноцветных роя насекомых, перекатывавшихся взад и вперед через кучку грязи, которая на самом деле была руинами замка. Внезапно вспышка огня или облако капелек кислоты, брошенное каким-нибудь магом, привлекали внимание, но час за часом длился хаос битвы.

“Прибыл всадник”, — сказал лорд Воккен, нарушая молчание.

Молодая женщина из редгардов была в цветах Гилейна, но при белом флаге. Как и курьер, прибывший утром, она была изрядно потрепана долгой дорогой.

“Ваше величество, — сказала она, переводя дыхание. — Меня послал ваш брат, король Сефोरус, чтобы принести вам ужасные известия. Ваш сын, Уриэль, был захвачен на поле боя при Ичидаге, и отправлен в Гилейн”.

“Это я знаю, — произнесла Потема пренебрежительно. — Услугами курьеров пользуюсь и мы. Можете передать вашему хозяину, что как только я одержу победу в этой битве, я заплачу любой выкуп, или обменяю...”

“Ваше величество, эскорт с захваченным принцем встретился с толпой разъяренной черни на пути в Гилейн, — перебила ее наездница. — Ваш сын мертв. Его сожгли прямо в карете. Он умер”.

Потема отвернулась от молодой женщины и посмотрела на поле боя. Ее солдаты одерживал победу. Армия Магнуса сдавала позиции.

“И еще новость, ваше величество, — промолвила женщина. — Король Сефोरус был провозглашен императором”.

Потема не смотрела на вестницу. Ее армия праздновала победу.

Книга восьмая

Записано Инзоликусом, мудрецом второго века:

ЗЭ 127:

После битвы при Чидаге император Уриэль Септим III был схвачен и, прежде чем его удалось доставить в замок его дяди в хаммерфеллском королевстве Гилейн, казнен разгневанной толпой. Этот его дядя, Сефорус, был провозглашен императором, после чего переехал в Имперский город. Войска, ранее служившие императору Уриэлю и его матери, Королеве-Волчице Потеме, принесли присягу новому императору. За свою поддержку власти Скайрима, Хай Рока, Хаммерфелла, острова Саммерсет, Валенвуда, Чернотопья и Морровинда запросили новый уровень автономии и независимости и получили его. Война Красного Алмаза подходила к концу.

Потема продолжала сопротивляться и проигрывать сражения, ее сфера влияния все уменьшалась и уменьшалась, и в результате только королевство Солитьюд осталось у нее в подчинении. Она призвала на свою сторону даэдра, при помощи некромантии воскресила своих павших врагов, сделав из них неживых воинов, и предпринимала атаку за атакой на своих братьев, императора Сефоруса Септима I и короля Магнуса Лилмотского. Союзники отворачивались от нее, видя ее безумие, ее единственными подчиненными остались зомби и скелеты, которых она создавала на протяжении многих лет. Королевство Солитьюд стало королевством смерти. Истории о древней Королеве-Волчице, которая командует армиями нечисти, стали ужасом для ее подданных.

ЗЭ 137:

Магнус открыл небольшое окно в своей комнате. Впервые за многие недели он слышал звуки оживленного города: скрип повозок, цоканье лошадей по мостовой, смех детей. Улыбка не сходила с его лица, пока он умывался и одевался. Раздался настойчивый стук в дверь.

“Входи, Пел”, — сказал он.

Пелагиус ворвался в комнату. Было очевидно, что он встал уже давно. Магнус всегда поражался его энергии. Интересно, сколько бы продолжались битвы, если бы в них принимали участие только двенадцатилетние мальчишки.

“Ты выглядывал на улицу? — спросил Пелагиус. — Все горожане вернулись! Там торговые лавки, Гильдия магов, а на пристани я видел множество торговцев из разных стран!”

“Им больше нечего бояться. Мы разобрались со всеми зомби и скелетами. Горожане знают, что они теперь в безопасности”.

“А дядя Сефорус станет зомби, когда умрет?” — спросил Пелагиус.

“Я сомневаюсь в этом, — рассмеялся Магнус. — А почему ты спрашиваешь?”

“Я слышал, люди говорят, что он стар и болен”, — сказал Пелагиус.

“Не так уж он и стар, — сказал Магнус. — Ему шестьдесят. Он всего на два года старше меня”.

“А сколько лет тете Потеме?” — спросил Пелагиус.

“Семьдесят, — сказал Магнус. — А вот это уже много. Остальные вопросы пусть подождут. Сейчас у меня встреча с командующим, но мы сможем поговорить за ужином. Ты сможешь себя занять, но не влипнуть в какие-нибудь неприятности?”

“Да, сэр”, — сказал Пелагиус. Он понимал, что его отец должен продолжать осаду замка тети Потемы. После того, как тетя будет схвачена, они займут крепость. Пелагиус не очень-то хотел этого. Во всем городе стоял странный сладковатый запах мертвечины, но его выворачивало наизнанку, когда он только приближался к крепостному рву. Ему казалось, что даже если вывалить миллион цветов на это место, запах все равно останется.

Он часами бродил по городу, покупая подарки для своих сестры и матери, которые остались в Лилмоте. Он попытался вспомнить, кому же еще надо купить подарки, и был поражен. Все его братья и сестры, дети дяди Сефоруца, дяди Антиохуса и тети Потемы, умерли во время войны. Кто-то в бою, кто-то от голода, так как большая часть урожая была уничтожена во время пожаров. Тетя Бьянки умерла в прошлом году. Остались только он сам, его мать, сестра, отец, да дядя император. Ну и еще тетя Потема. Но она не считается.

Сегодня утром он подошел к Гильдии магов, но решил не входить. Такие места всегда пугали его своим странным запахом, разными кристаллами и старыми книгами. В этот раз Пелагиус подумал, что он мог бы купить подарок дяде Сефоруцу. Сувенир из Гильдии магов Солитьюда.

Какая-то старушка никак не могла открыть дверь, поэтому Пелагиус помог ей.

“Спасибо”, — сказала она.

Никого старше нее он, похоже, еще не видел в своей жизни. Ее лицо напоминало старое сморщенное яблоко. Волосы были совершенно белыми. Он инстинктивно уклонился, когда она попыталась погладить его по голове своими когтями. Но вот драгоценный камень у нее на шее сразу же привлек его внимание. Камень был ярко-желтым, и казалось, что внутри у него что-то заключено. Когда свет от свечей упал на камень, то оказалось, что в нем скрыт какой-то зверь на четырех ногах.

“Это камень душ, — сказала старуха. — В него заключен дух великого демона — оборотня. Его создали очень-очень давно, чтобы очаровывать людей, но я собиралась поместить в него другое заклинание. Может быть, что-нибудь из школы изменения, например, замок или щит”. Она замолчала и посмотрела на мальчика своими желтыми, слезящимися глазами: “Кажется, я тебя знаю, мальчик. Как тебя зовут?”

“Пелагиус”, — ответил он. Вообще-то, он привык отвечать “принц Пелагиус”, но ему приказали не афишировать это в городе.

“Я знала одного Пелагиуса, — сказала старуха и улыбнулась. — Ты здесь один, Пелагиус?”

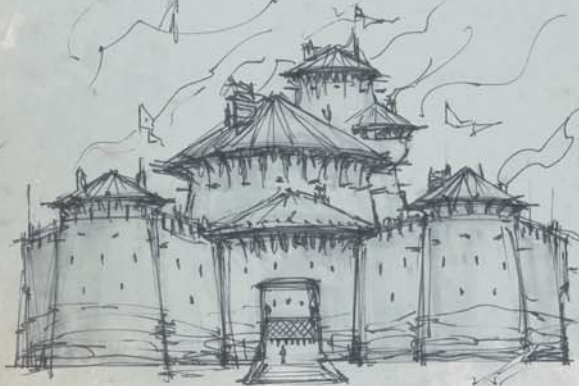
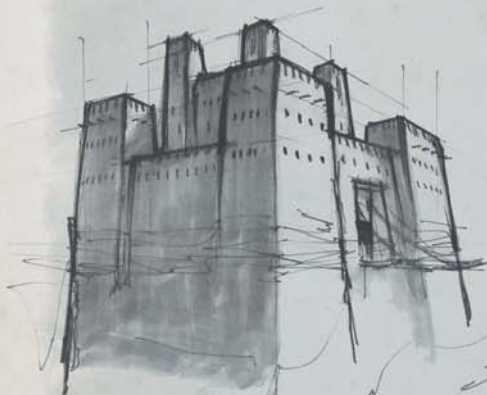
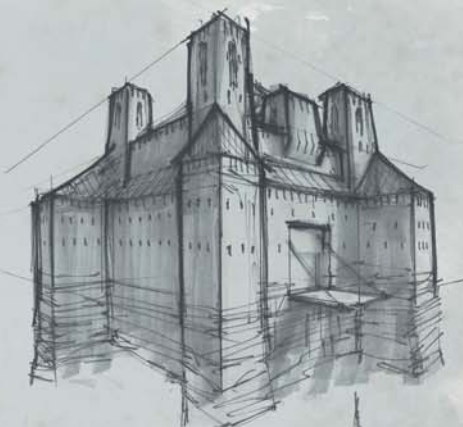
“Мой отец... в армии, он штурмует крепость. Но он вернется, когда замок будет захвачен”.

“Осмелюсь сказать, это случится очень скоро, — вздохнула старуха. — Ничто, как бы хорошо не было построено, не стоит вечно. Ты хочешь что-то купить в Гильдии магов?”

“Я хотел купить подарок своему дяде, — сказал Пелагиус. — Но я не знаю, хватит ли у меня денег”.

Старуха оставила мальчика разглядывать различные товары, а сама направилась к работнику Гильдии. Это был молодой норд, недавно прибывший в королевство Солитьюд. Потребовалось довольно много усердия и золота, чтобы убедить его снять заклинание очарования с камня души и поместить в него мощное проклятие, которое постепенно, год за годом, высасывает разум из владельца камня. Также старуха купила дешевое кольцо, защищающее владельца от огня.

“За то, что ты помог старой женщине, я купила тебе вот это, — сказала она, давая мальчику ожерелье и кольцо. — Ты можешь подарить это кольцо своему дяде и сказать ему, что в него заключено заклинание левитации. Так что если

ему когда-нибудь потребуется откуда-нибудь прыгнуть, оно ему поможет. А камень душ для тебя”.

“Спасибо, — сказал мальчик. — Вы так добры”.

“Доброта здесь ни при чем, — ответила она честно. — Видишь ли, я пару раз была в Зале записей в Имперском дворце. Я прочитала, что сказано о тебе в предсказаниях Древних свитков. Однажды, мой мальчик, ты станешь императором, Пелагиусом Септимом III, и этот камень направит тебя. Потомки будут вечно помнить тебя и твои дела”.

Сказав это, старуха растворилась в толпе, снующей вокруг Гильдии магов. Пелагиус пытался отыскать ее, но не решился пройти дальше большой кучи камней. А если бы он сделал это, то наверняка наткнулся бы на подземный туннель, ведущий в самое сердце замка Солитьюда. Если бы он решился войти туда, то, пройдя по развалинам некогда великолепного дворца, ныне кишящего толпами нежити, он бы попал в спальню королевы.

А в этой спальне он бы нашел Королеву-Волчицу Солитьюда, прислушивающуюся к тому, как уничтожается ее замок. И он бы увидел беззубую ухмылку на лице королевы, когда она испустила последний вздох.

Записано Инзоликусом, мудрецом второго века:

ЗЭ 137:

Потема Септим умерла через месяц после начала осады ее замка. При жизни она была Королевой-Волчицей Солитьюда, дочерью императора Пелагиуса II, женой короля Мантиарко, тетей императрицы Кинтиры II, матерью императора Уриэля III и сестрой императоров Антиохуса и Сефоруca. После ее смерти Магнус с согласия королевского совета провозгласил своего сына, Пелагиуса правителем Солитьюда.

ЗЭ 140:

Император Сефоруc Септим погиб, упав со своего коня. Его брат был провозглашен императором Магнусом Септимом.

ЗЭ 141:

Пелагиуса, короля Солитьюда, в императорских хрониках называют “эксцентричным”. Он женился на Катариш, герцогине Вварденфелла.

ЗЭ 145:

Император Магнус Септим умер. Его сын, которого будут называть Пелагиус Безумный, вззошел на трон.

Великая война между Империей и Альдмерским Доминионом. Краткий очерк

Автор: Легат Юстиниан Квинтий

От автора: В основу данной книги легли разрозненные документы противника, захваченные в ходе войны, показания военнопленных и свидетельства очевидцев из числа выживших солдат и Имперских офицеров. Я сам командовал Десятым легионом в Ханмерфелле и Сиродиле, пока не получил ранение в 175-м при штурме Имперского города. Впрочем, всю правду о некоторых событиях мы, возможно, не узнаем никогда. Эти пробелы я постарался восполнить продуманными догадками, основываясь на своем опыте и знании противника, добытом собственными кровью и потом.

Возвышение Талмора

Мало кто знает, что остров Санмерсет не меньше Сиродила пострадал в ходе Кризиса Обливиона. Эльфы противостояли обливионским захватчикам и порой даже пересекали границы миров, чтобы закрыть Врата Обливиона. Борьба в этой стране проходила с большим успехом, чем в Сиродиле, однако при непрекращающемся потоке полчищ даэдра исход был предрешен.

Талморцы всегда обладали влиянием на острове Санмерсет, хотя при этом представляли голос меньшинства. Во время кризиса Кристаллическая Башня оказалась вынуждена предоставить Талмору еще больше власти и полномочий. В незначительной степени именно их усилия и спасли остров Санмерсет от опустошения. Воспользовавшись своим успехом, в 4Э 22 они захватили всю полноту власти. Своей стране они дали новое имя, уходящее корнями в века до прихода людского владычества, — Алино́р. Но большая часть живущих за пределами Альдмерского Доминиона по-прежнему называет ее островом Санмерсет — кто из упрямства, а кто из невежества.

В 4Э 29 правительство Валенвуда было свергнуто талморскими коллаборационистами, после чего было провозглашено воссоединение с Алино́ром. Судя по всему, агенты Талмора установили тесные связи с определенными политическими силами босмеров еще до Кризиса Обливиона. Империя и ее босмерские сторонники, застигнутые врасплох, вскоре были разбиты куда более подготовленными силами альдмеров, которые вторглись в Валенвуд сразу вслед за переворотом. Так возродился Альдмерский Доминион.

Вскоре после этого Альдмерский Доминион оборвал все связи с Империей. Семьдесят лет они хранили молчание. Большинство ученых полагает, что в Алино́ре

происходило некое внутреннее противостояние, однако мало что известно о борьбе политических фракций доминиона в ходе объединения Саммерсета и Валенвуда под властью Талмора.

В 4Э 98 исчезли обе луны, Массер и Секунда. Это вызвало волну трепета и страха по всей Империи, но особенно в Эльсвейре, так как луны оказывают огромное влияние на жизнь каджитов. После двух лет Пустых Ночей луны вернулись. Талморцы объявили, что это они возвратили луны при помощи ранее неизвестной Магии Рассвета. Однако невозможно сказать наверняка, действительно ли они их вернули или лишь воспользовались тем, что заранее знали об их возвращении.

Как бы то ни было, каджиты сочли талморцев своими спасителями. В течение пятнадцати лет влияние Империи в Эльсвейре осладело настолько, что она уже никак не смогла повлиять на произошедший в 4Э 115 переворот, который привел к распаду Эльсвейрской конфедерации и восстановлению древних королевств Анеквина и Пеллитайн в качестве государств-сателлитов Альдмерского Доминиона. И здесь Империя оказалась не в силах помешать расширению талморского влияния.

Когда Тит Мид II взомел на трон в 4Э 168, он унаследовал ослабленную империю. Славные дни династии Септимов остались в далеком прошлом. Валенвуд и Эльсвейр достались Талмору. Чернотопье вышло из-под власти Империи, едва завершился Кризис Обливиона. Морровинд так до конца и не оправился после извержения горы Вварденфелл. Хаммерфелл раздирали распри между Венценосцами и Предшественниками. Только в Хай Роке, Сиродиле и Скайрине еще сохранялись мир и благополучие.

У Императора Тита Мида было лишь несколько лет на упрочение собственной власти, прежде чем его правление подверглось критическому испытанию.

Война начинается

30-го дня месяца Начала морозов, 4Э 171, Альдмерский Доминион направил в Имперский город посла с дарами в закрытой повозке и ультиматумом для нового Императора. Длинный список требований включал непомерную дань, роспуск Клинков, запрет почитания Талоса и значительные территориальные уступки доминиону в Хаммерфелле. Несмотря на то, что генералы предупреждали его о низком военном потенциале Империи, император Тит Мид II отверг ультиматум. Посол Талмора опрокинул повозку, и на пол выкатились головы всех агентов Клинков в Саммерсете и Валенвуде до единого, больше сотни. Так началась Великая война, охватившая Империю и Альдмерский Доминион на следующие пять лет.

За считанные дни альдмерские войска одновременно вторглись в Хаммерфелл и Сиродил. Значительные силы под предводительством талморского генерала лорда Наарифина атаквали Сиродил с юга, выступив из скрытых лагерей в северном Эльсвейре и обойдя с фланга укрепления Империи вдоль границы с Валенвудом. Лейавин вскоре достался захватчикам, а Бравил оказался отрезан и осажден.

В то же самое время альдмерское войско под началом леди Араннелии пересекло валенвудо-сиродильскую границу, обошло Анвил и Кватч и вступило в Хаммерфелл. Одновременно отряды альдмеров высадились вдоль южного побережья Хаммерфелла. Встретив со стороны разрозненных сил редгардов лишь символическое

сопротивление, они вскоре захватили большую часть южного побережья. Значительно уступавшим противнику в численности имперским легионам пришлось совершить отступление через пустыню Алик'р, ныне известное как Марш жажды.

4Э 172-173: Продвижение альдмеров вглубь Сиродила

Сейчас можно заключить, что первоначальной целью альдмеров было покорение Хаммерфелла, а вторжение в Сиродил планировалось лишь как отвлекающий маневр, призванный задержать имперские легионы до полного захвата Хаммерфелла. Однако неожиданный успех, сопровождавший вторжение лорда Наарифина, привел талморцев к заключению, что они переоценили силы Империи. На следующие два года их основной задачей стали захват самого Имперского города и полный разгром Империи. Как нам известно, Талмор был в шаге от достижения этой цели. Только благодаря уверенному руководству нашего Императора удалось избежать катастрофы в эту мрачную для Империи пору.

В продолжение 4Э 172 альдмеры в своем наступлении углублялись в Сиродил. Бравил и Анвил пали под натиском противника. К концу года лорд Наарифин продвинулся к самым стенам Имперского города. В ожесточенных морских сражениях на озере Румаре и вдоль Нибена имперские силы пытались удержать восточный берег.

В Хаммерфелле Талмор довольствовался закреплением своих завоеваний, захватив контроль над всем южным побережьем — именно это и указывалось его целью в переданном Императору ультиматуме. Из всех южных городов держался еще только Хегат. Оставшиеся в живых после Марша жажды перегруппировались на севере Хаммерфелла и объединились с прибывшим из Хай Рока подкреплением.

В 4Э 173 имперское сопротивление в Сиродиле усилилось, хотя и не смогло остановить неумолимый натиск альдмеров. Свежие легионы из Скайрима укрепили основную императорскую армию в Имперском городе, однако альдмеры форсировали Нибен и начали широкомасштабное наступление с восточного берега. К концу года Имперский город оказался окруженным с трех сторон — лишь северный маршрут снабжения из Брумы оставался открытым.

В Хаммерфелле положение Империи пошло на поправку. В начале 4Э 173 войско Предшественников из Сентинеля сняло осаду Хегата (города Венценосцев), что привело к примирению этих двух сторон. Несмотря на это, главному войску леди Араннелии удалось преодолеть пустыню Алик'р. Имперские легионы под началом генерала Дециана столкнулись с противником при Скавене в кровавой битве, не определившей победителя. Дециан отступил и оставил Скавен в руках Араннелии, однако альдмеры оказались слишком ослаблены для дальнейшего наступления.

4Э 174: Разграбление Имперского города

В 4Э 174 талморское руководство бросило все доступные войска на кампанию в Сиродиле, ставя на полный и окончательный разгром противника. Весной альдмерские подкрепления собрались на юге Сиродила, и в 12-й день месяца Второго зерна развернули масштабное наступление непосредственно на Имперский город. Одна из армий двинулась на юг, чтобы сомкнуть кольцо окружения, в то время как

основные войска лорда Наарифина штурмовали стены с юга, востока и запада. Решение Императора пробыть с боем из города, а не оставаться и стоять до последнего, иначе как смелым назвать нельзя. Ни один генерал не осмелился советовать ему покинуть столицу, но в итоге Тит II оказался прав в своем решении.

В то время как Восьмой легион вел отчаянную (и обреченную) битву на стенах города, Тит II с основными силами вырвался из города на север, снял на своем пути альдмерские войска окружения и объединился с подкреплениями под командованием генерала Джонны, двигавшимися на юг из Скайрима. Тем временем, однако, столица пала перед захватчиками и последовало печально известное Разграбление Имперского города. Мстительные эльфы сожгли Императорский дворец, разграбили башню Белого Золота и учинили всевозможные зверства над невинными жителями.

В Хаммерфелле генерал Дециан готовился выдвинуть альдмеров из Скавена, но тут последовал указ направить войска в Сиродил. Не желая полностью оставлять Хаммерфелл, он позволил значительному числу "инвалидов" уволиться со службы в легионах перед походом на восток. Эти ветераны составили костяк армии, которая в итоге заставила войска леди Аранеллии в конце 174-го отступить через Алик'р, терпя на пути значительный урон от изматывающих нападений воинов пустыни.

4Э 175: Битва Красного Кольца

Зимой 4Э 174-175 талморцы, похоже, считали войну в Сиродиле практически завершенной. Несколько раз они пытались вести переговоры с Титом II. Император подерживал в них веру в свою скорую капитуляцию, собирая тем временем войска, чтобы отвоевать Имперский город.

В сражении, ставшем впоследствии известным как Битва Красного Кольца и служащем примером для грядущих поколений имперских стратегов, Тит II разделил свои силы на три части. Одна армия, куда входили легионы из Хаммерфелла под началом генерала Дециана, укрылась на Коловианском нагорье близ Коррола. Альдмеры не догадывались, что генерал покинул Хаммерфелл — вероятно, вследствие того, что в боях с оставленными Децианом имперскими ветеранами леди Аранеллия принимала их за саму имперскую армию. Вторая армия, которую составляли преимущественно скайримские легионы под началом генерала Джонны, заняла позицию близ Чейдинхола. Император встал во главе основного войска, которому предстояло пойти в генеральную атаку на Имперский город с севера.

В 30-й день месяца Руки дождя началась кровавая битва Красного Кольца. Генерал Дециан устремился на город с запада, а легионеры генерала Джонны направились к югу по Красной кольцевой дороге. В ходе двухдневного наступления армия Джонны пересекла Нибен и двинулась на запад, стремясь объединиться с легионами Дециана и таким образом окружить Имперский город. Наступление Дециана застало лорда Наарифина врасплох, однако войска Джонны встретили сильное сопротивление со стороны контратакующих из Бравила и Скинграда альдмеров. Тем не менее героические нордские легионеры твердо отбивали спорадические атаки эльфов. К пятому дню битвы войска альдмеров в Имперском городе оказались окружены.

ИСТОРИЯ

Тит II возглавил атаку с севера и лично захватил в плен лорда Наарифина. По слухам, Император был вооружен знаменитым Золотым мечом, однако имперское правительство не дало тому официального подтверждения. Пытавшиеся пробиться из города к югу альдмеры столкнулись с непробиваемой преградой в лице потрепанных в бою легионов генерала Джонны.

В итоге основная альдмерская армия в Сиродиле была полностью уничтожена. Решение Императора отступить из Имперского города в 4Э 174 было оправдано — он отомстил кровью за кровь.

В течение тридцати трех дней лорда Наарифина оставляли в живых, подвешенным на башне Белого Золота. О том, где было захоронено его тело, если оно вообще было захоронено, данных нет. В одном из источников утверждается, что на тридцать четвертый день его унес крылатый даэдра.

Конкордат Белого Золота и окончание войны

Одержав победу, имперские войска были все же не в состоянии продолжать войну. Все оставшиеся имперские силы были собраны в Сиродиле, изнуренные и значительно потерявшие в численности. Ни в одном легионе не осталось и половины боеспособных солдат. Два легиона были практически уничтожены, не считая восьмого легиона, потерянного при отступлении из Имперского города в прошлом году. Тит II знал, что лучшего времени для мирных переговоров не будет, и в конце 4Э 175 Империя и Альдмерский Доминион заключили Конкордат Белого Золота, положивший конец Великой войне.

Условия были суровыми, но Тит II был убежден, что Империя нуждается в мире и времени на восстановление сил. Наибольшие разногласия вызывали два условия Конкордата: запрет почитания Талоса и передача значительной части южного Хаммерфелла (в основном той, что уже была оккупирована альдмерскими войсками). Критики отмечали, что Конкордат был практически идентичен ультиматуму, который Император отверг пятью годами ранее. Однако существенная разница состояла в том, что эти условия были приняты не под одной лишь угрозой оружия, а после долгой и разрушительной войны. Ни в одной части Империи в 4Э 171 не смирились бы с принятием таких условий. Тита II ждала бы гражданская война. К 4Э 175 большая часть Империи была рада обрести мир едва ли не любой ценой.

Эпилог: Хаммерфелл продолжает борьбу в одиночку

Хаммерфелл, однако, отказался поддержать Конкордат Белого Золота, не желая признавать поражение и уступать столь значительную часть своих территорий. Тит II был вынужден объявить, что Хаммерфелл более не входит в число имперских провинций, чтобы сохранить с трудом добытое перемирие. Неудивительно, что редгарды восприняли это как предательство. В этом, безусловно, Талмор достиг одной из своих долгосрочных целей, спровоцировав раскол между Хаммерфеллом и Империей.

В конце концов героическое сопротивление редгардов заставило Альдмерский Доминион прекратить боевые действия, хотя война заняла еще пять лет и опустошила весь юг Хаммерфелла. По мнению редгардов, это доказывает, что Конкордат Белого Золота не был так уж необходим, и, если бы Тит II остался непоколебим, можно было бы окончательно победить альдмеров объединенными силами Хаммерфелла и остальной Империи. Справедливо ли это утверждение, мы уже никогда не узнаем. Однако редгардам не следует забывать великую жертву, принесенную имперской кровью — бретонской, нордской, сиродильской — в битве Красного Кольца, которая ослабила Доминион до такой степени, что позднее удалось заставить его заключить Второе соглашение на Строс М'кае в 4Э 180, по которому альдмерские силы покинули Хаммерфелл.

Не приходится сомневаться, что нынешний мир не продлится вечно. Талморцы имеют далеко идущие цели, как показали события, приведшие к Великой войне. Всем, кто ценит свободу, остается лишь надеяться, что, пока не поздно, Хаммерфелл и Империя примирятся меж собой и встанут плечом к плечу перед талморской угрозой. В ином случае всякая надежда преградить путь владычеству Талмора над Тамриэлем гаснет.

Биография королевы Барензии

Записана Стерном Гамбоджем,
Императорским писцом

Том первый

В конце Второй эры у четы правителей королевства Морнхолд, что на территории нынешней имперской провинции Морровинд, родилась дочь Барензия. Ее растили в роскоши и неге, подобающих положению ребенка темных эльфов королевских кровей, пока ей не исполнилось пять лет. В это время его величество Тайбер Септим I, первый император Тамриэля, потребовал, чтобы правители Морровинда покорились ему и законам Империи. Понадеявшись на свою хваленую магию, темные эльфы имели дерзость противиться. Армия Тайбера Септима подошла к границе с Морровиндом. Данмеры спешно подписали договор о перемирии, однако успели проиграть несколько битв, одна из которых опустошила Морнхолд, ныне называемый Альмалексией.

В развалинах была найдена маленькая принцесса Барензия вместе с ее кормилицей. Генерал Империи Симмах, сам темный эльф, сказал Тайберу Септиму, что когда-нибудь этот ребенок сможет принести пользу стране, потому-то Барензию отдали на воспитание преданному слуге, который недавно уволился из рядов армии.

Свену Адвенсену по уходу в отставку был пожалован титул графа; он владел небольшим городком Даркмур, что в центральном Скайриме. Граф Свен и его жена воспитали принцессу как собственную дочь, позаботились о том, чтобы она получила соответствующее образование — и, что более важно, о том, чтобы ей не были чужды такие добродетели, как покорность, благоразумие, преданность и благочестие. Спустя короткое время девочка была хорошо подготовлена к тому, чтобы занять свое место среди правителей нового Морровинда.

Барензия росла красивой, грациозной и умной девушкой. У нее был чудесный характер, что доставляло большую радость ее приемным родителям и пятерым их младшим сыновьям, которые любили и почитали ее как старшую сестру. Она ничем не отличалась от прочих молодых девушек ее круга, если не считать того, что любила побродить по лесам и полям и порой ускользала от домашних дел на природу.

Барензия была счастлива и довольна, но, когда ей пошел шестнадцатый год, злонаправный мальчик-сирота, конюх, с которым она из жалости дружила, сказал ей, что подслушал разговор между графом Свенем и каким-то редгардом. Якобы они договорились продать ее наложницей в Рихад, поскольку ни норды, ни бретонцы не женятся на ней из-за ее темной кожи, а темным эльфам она тоже не нужна, потому что была выращена чужаками.

“Что же мне делать?” — спросила несчастная девушка, дрожа и рыдая, потому что была невинна и привыкла доверять людям, ей не приходило в голову, что ее приятель из конюшни может солгать ей.

Злой мальчишка, которого звали Стру, сказал, что, если она не хочет потерять свою добродетель, ей надо бежать, но он поедет вместе с ней и будет ее защитником. С тяжелым сердцем Барензия согласилась на этот план; в ту же ночь она переделалась мальчиком, и парочка сбежала в ближайший городок Вайтран. Через несколько дней им удалось получить работу охранников в купеческом караване. Караван направлялся на восток и шел по проселочным дорогам, чтобы не платить пошлин за проезд по имперским трактам. Парочка также не желала встреч со слугителями закона, они оставались с караваном, пока не добрались до города Рифтен, где они временно остановились. В Рифтене они чувствовали себя в безопасности, поскольку он был достаточно близко к границе Морровинда, чтобы вид темного эльфа никого не удивлял.

Том второй

В первом томе этой серии было рассказано о детстве Барензии, которая была наследницей трона Морнхолда, пока ее отец не восстал против его императорского величества Тайбера Септима I, что принесло горе и разрушения в Морровинд. Родители Барензии погибли, но сама она, благодаря милосердию императора, была отдана на воспитание графу Свену Адвенсену, преданному слуге его величества. Она росла добродетельным и красивым ребенком и во всем доверяла своим приемным родителям. Однако это доверие удалось подорвать зловравному сироте из поместья графа Свена, который ложью заставил ее покинуть поместье и бежать с ним из Даркмура, когда ей исполнилось шестнадцать. Испытав по дороге множество приключений, они поселились в Рифтене, скайримском городе у границ Морровинда.

Конюшенный мальчишка Стру был не до конца испорчен. Он на свой лад любил Барензию и не мог выдумать ничего, кроме обмана, что дало бы ему возможность обладать ею. Она, разумеется, питала к нему только лишь дружеские чувства, но он надеялся, что со временем это может перемениться. Он хотел купить маленькую ферму и сочетаться с принцессой законным браком, но на тот момент денег у него хватало только на еду.

Вскоре после прибытия в Рифтен, Стру познакомился с самым что ни на есть отпетым вором, каджитом по имени Террис, который предложил ему ограбить дом имперского коменданта в центральной части города. Террис сказал, что у него есть клиент, предатель Империи, который хорошо заплатит за любую информацию, добытую в том доме. Барензия случайно услышала об этом плане и пришла в ужас. Она тайком ушла из дома и в отчаянии бродила по улицам Рифтена, разрываясь между преданностью Империи и любовью к друзьям.

В конце концов любовь к Империи победила, и она появилась в доме коменданта, рассказала, кто она такая, и предупредила о плане своих друзей. Комендант выслушал ее рассказ, похвалил за смелость и пообещал, что ей не будет причинено никакого вреда. Это был никто иной, как генерал Симмах, который как раз разыскивал ее и прибыл в Рифтен по ее следам. Он объяснил, что

никто не собирался ее продавать, а совсем наоборот, она будет объявлена королевой Морнхолда, как только ей исполнится восемнадцать. До того времени она будет жить в семье Септима в недавно отстроенном Имперском городе, где ее научат основам науки управления и представят к императорскому двору.

В Имперском городе Барензия подружилась с императором Тайбером Септимом, чье правление как раз подошло к середине. Дети Тайбера, в особенности его старший сын Пелагиус, полюбили ее, как родную сестру. В балладах тех дней прославляется ее красота, чистота и образованность. В восемнадцатый день ее рождения весь Имперский город следил за процессией, провожавшей принцессу на ее родину. Все печалились из-за ее отъезда, но знали, что она готова к своему великому предназначению и будет достойно править Морнхолдом.

Том третий

Во втором томе этой серии было рассказано о том, как Барензию радушно приняли у себя в гостях в только что отстроенной столице император Тайдер Септим и его семья, относившиеся к ней, как к дочери. После нескольких счастливых месяцев, в течение которых ее знакомили с обязанностями будущей королевы части Империи, генерал Симмах сопровождал ее в Морнхолд, где, под его мудрым руководством, она приступила к выполнению своего долга перед народом. Постепенно королева и генерал полюбили друг друга, поженились и были коронованы во время роскошной церемонии, которую почтил своим присутствием сам император.

После нескольких сотен лет счастливого брака у королевской четы родился сын Хелсет, и это радостное событие сопровождалось общим ликованием и благодарственными молитвами. В то время еще никому не было известно, что незадолго перед счастливым событием умный и хитрый бард, называвший себя Соловьем, похитил из шахт Морнхолда Посох Хаоса.

Через восемь лет после рождения Хелсета, Барензия родила дочь, Моргию, получившую свое имя в честь матери Симмаха. Казалось, ничто не может омрачить счастье королевской четы. Однако вскоре после этого отношения с Империей загадочным образом ухудшились, что привело к началу беспорядков в Морнхолде. После долгого бесплодного расследования и попыток восстановить мир, Барензия в отчаянии взяла своих малолетних детей и сама отправилась в Имперский город, ища внимания тогдашнего императора, Уриэля Септима VII. Симмах остался в Морровинде, чтобы сдерживать недовольство крестьян и раздражение аристократии, пытаясь предотвратить возможное восстание.

Во время аудиенции у императора Барензия, благодаря искусству магии, которым она владела, к своему ужасу обнаружила, что так называемый император на самом деле самозванец, тот самый бард Соловей, укравший Посох Хаоса. Поскольку она прекрасно владела собой, ей удалось утаить от него свое открытие. В этот вечер пришло сообщение о том, что Симмах пал в битве с восставшими крестьянами Морнхолда и королевство захвачено повстанцами. В тот момент Барензия представления не имела, где и у кого просить помощи.

Однако в ту ночь боги, несомненно, были милостивы к ней, возможно, из уважения к ее утрате. Ее навестил король Эдвир из Хай Рока, старый друг Уриэля Септима и Симмаха. Он успокоил ее, заверил в своих дружеских чувствах и, более того, подтвердил ее подозрения относительно императора, сказав, что это обманщик Джагар Тарн, имперский боевой маг, одна из бесчисленных личин Соловья. Тарн в тот момент удалился от публики, оставив вместо себя свою помощницу, Риа Сильмейн. Злополучная помощница вскоре погибла при загадочных обстоятельствах. Скорее всего, она разгадала план своего хозяина и была немедленно уничтожена. Как бы то ни было, ее дух явился Эдвиру во сне и поведал, что истинный император был похищен Тарном и сейчас томится в другом измерении. Тарн использовал Посох Хаоса, чтобы убить ее, когда она попыталась предупредить Совет Старейшин об этом коварном заговоре.

Вместе Эдвир и Барензия решили войти в доверие к фальшивому императору. В то же самое время, другой друг Риа, известный лишь как Вонтель, обладавший

большими, хотя и нераскрывшимися еще способностями, находился в заключении в тюрьме Империи. Однако Руа проникла в его сны и велела ему ждать, пока она не разработает для него план бегства. Тогда он сможет выполнить великую миссию и разоблачить самозванца.

Барензия продолжала играть избранную роль и окончательно подружилась с поддельным императором. Прочитав его тайный дневник, она узнала, что он разломил Посох Хаоса на восемь частей и спрятал отдельные части по всему Тамриэлю. Ей удалось добыть копию ключа от камеры друга Руа и подкупить стражу. Воитель, чье имя было неизвестно даже Барензии и Эдвиру, бежал через ворота, которые Руа открывала для него в забытом уголке Имперской тюрьмы, используя свои почти угасшие силы. Воитель, наконец, был свободен, и немедленно приступил к поискам Посоха.

Барензии понадобилось несколько месяцев, чтобы, подслушивая тайные разговоры Тарна и украдкой заглядывая в его дневник, узнать, где находятся восемь частей Посоха Хаоса. Получив эту информацию, Барензия передала ее Руа, а та, в свою очередь, Воителю. Не теряя времени, Барензия с Эдвиром бежали в Вэйрест, королевство его предков в провинции Хай Рок. Последовали безуспешные попытки прихвостней Тарна заманить их вновь в столицу или даже убить. Словья, что бы о нем не говорили, никто не мог одурачить — кроме, разве что, Барензии — и он сосредоточил все свои усилия на том, чтобы выследить и уничтожить Воителя.

Как знают ныне все, храбрый и неутомимый безымянный Воитель сумел объединить восемь разрозненных частей Посоха Хаоса. С этим Посохом он уничтожил Тарна и спас истинного императора Уриэля Септима VII. После этого последовал период, который сейчас называют Реставрацией. Одним из первых мероприятий было проведение в Имперском городе торжественной церемонии в честь Симмаха, человека, который так долго и верно служил династии Септимов.

Барензия и добрый король Эдвир очень полюбили друг друга за время своих совместных приключений и поженились вскоре после своего отъезда из Имперского Города. Двое ее детей от первого брака с Симмахом оставались с ней, а для управления Морнхолдом в ее отсутствие был назначен регент.

До настоящего момента королева Барензия остается в Вэйресте вместе с принцем Хелсетом и принцессой Моргией. Она собирается вернуться в Морнхолд после смерти Эдвира. Поскольку он был гораздо старше ее, когда они поженились, она знает, что это событие, увы, не заставит себя долго ждать по меркам эльфов. А до той поры она будет править Вэйрестом вместе со своим мужем, вполне довольная своей тихой и счастливой жизнью.

Бунт в Фестхолде

Автор: Мавейс Сай

“Ты сказал мне, что если бы ее брат победил, она стала бы сестрой короля Вэйреста, и тогда Реман пожелал бы удержать ее для заключения брака. Но ее брат Хелсет проиграл и бежал со своей матерью в Морровинд, а Реман по-прежнему держит ее при себе и не женится на мне, — леди Джуалин неторопливо затанулась кальяном, а затем извергла драконье дыхание, распространив по своим золоченым покоям аромат цветов. — Из тебя скверный советчик, Кэль. Я могла бы провести жизнь в утехах с королем Клаудреста или Алинора, а не с этим жалким мужем королевы Моргии”.

Кэль знал свою госпожу достаточно хорошо, чтобы уязвить ее тщеславие предположением, будто король Фестхолда мог влюбиться в свою данмерскую королеву. Вместо этого он помолчал несколько минут, взирая с ее балкона на высокие шпили дворцов древней столицы. Лунный свет отражался в сапфировых водах Абесинского Моря как в хрустале. Здесь всегда царила весна, и он хорошо понимал, почему она предпочла трон этой земли Клаудресту или Алинору.

Наконец, он заговорил: “Люди с вами, моя госпожа. Им не по вкусу мысль, что власть в королевстве после смерти Ремана наследует темный эльф”.

“Интересно, — спокойно сказала она. — Интересно, если король не расстанется с королевой из стремления к альянсу, то не уйдет ли сама королева просто из страха перед народом Фестхолда, что в большинстве своем не одобряет влияния данмеров на двор?”

“Вопрос с подвохом, моя госпожа? — уточнил Кэль. — Да, конечно, есть треббитские монахи. Их девизом всегда было сохранение чистых альтмерских кровей на Санмерсете, а в королевских семьях — тем паче. Но, госпожа моя, союзники из них очень слабые”.

“Я знаю, — сказала Джуалин, снова вдумчиво затанувшись кальяном, и улыбка расплылась по ее лицу. — Моргия убедилась, что у них нет никакого могущества. Она бы истребила их всех, если бы Реман не остановил ее ради всего добра, что они приносят народу. Но если бы у них обнаружилась весьма могущественная покровительница? Такая, что знает сокровенные тайны двора Фестхолда, старшая наложница короля, да еще имеющая достаточно золота, чтобы купить все оружие, какое только может собрать ее отец, король Скайвотча?”

“Что ж, при хорошем вооружении и поддержке простого люда они будут внушительной силой, — кивнул Кэль. — Но как ваш советник я должен вас предупредить: если вы сами займете активную враждебную позицию по отношению к королеве Моргии, у вас не будет иного выбора, как победить. Она унаследовала значительную часть ума и мстительности своей матери, королевы Барензии”.

“Она не узнает, что я ее враг, пока не будет слишком поздно, — Джуалин пожала плечами. — Отправляйся в Треббитский монастырь и приведи ко мне брата Лайлима. Мы должны составить план восстания”.

На протяжении двух недель Реману докладывали о растущем недовольстве в сельской местности, о том, что крестьяне величают Моргию "Черной Королевой". Но подобное он и раньше слышал. Его внимание было поглощено пиратами на маленьком островке под названием Каллиус Лар у побережья. В последнее время они обнаглели до крайности, совершая организованные рейды и нападая на королевские баржи. Чтобы нанести сокрушительный удар, он распорядился подготовить вторжение на остров силами большей части ополчения и сам взялся возглавить экспедицию.

Через несколько дней после того, как Реман покинул столицу, вспыхнуло восстание тредбитских монахов. Атаки были внезапны и хорошо скоординированы. Начальник стражи, не теряя времени на этикет, ворвался прямо в спальню Моргии, распугав слуганок.

"Моя королева, — сказал он. — Это революция!"

Джиалин же, напротив, не спала, когда Кэль явился с новостями. Она сидела у окна, курила кальян и смотрела на зарево вдали над холмами.

"Моргия держит совет, — объяснил он. — Я уверен, ей сказали, что за мятежом стоят тредбитские монахи и что к утру восстание докатится до ворот города".

"Насколько велика повстанческая армия по сравнению с оставшимся королевским ополчением?" — спросила Джиалин.

"У нас хорошее превосходство, — ответил Кэль. — Хотя, возможно, и не такое, на какое мы рассчитывали. Сельский люд, похоже, любит пожаловаться на королеву, но восставать не спешит. Наша армия состоит главным образом из самих монахов и наемников, купленных на золото вашего отца. С определенной точки зрения оно и лучше: такая армия профессиональнее и лучше организована, чем всякий сброд. В самом деле, это настоящая армия, даже с духовым оркестром".

"Если уж и это не напугает Черную Королеву вплоть до отречения, то тогда ничто не напугает, — Джиалин улыбнулась, вставая со стула. — Бедняжка, должно быть, вне себя от тревоги. Я должна проявить верность и утешить ее".

Когда Джиалин увидела Моргию, выходящую из зала Совета, то была разочарована. Если учесть, что королева была разбужена посреди ночи криками о революции и провела несколько часов кряду, консультируясь с командующими своих скудных сил, то она выглядела прекрасно. Ее яркие красные глаза сверкали искорками гордого вызова.

"Моя королева! — воскликнула Джиалин, изливая настоящие слезы. — Я пришла сразу, как только услышала! Нас всех убьют?"

"Не исключено", — просто ответила Моргия. Джиалин силилась понять ее настрой, но выражение лица женщины, особенно чужой расы, распознать куда сложнее, чем альтернативных мужчин.

"Я презираю себя за одну только подобную мысль, — снова заговорила Джиалин. — Но, поскольку причина ярости в вас, то, возможно, если вы откажетесь от трона, они рассеются? Пожалуйста, поймите, моя королева, я думаю исключительно о благе королевства и наших жизнях".

"Я понимаю твои подбуждения, — Моргия улыбнулась. — И непременно приму совет к сведению. Поверь мне, я тоже думала об этом. Но я не считаю, что до этого дойдет".

“А у вас есть план, как защитить нас?” — спросила Джуалин, придавая чертам лица выражение девичьей надежды.

“Король оставил нам несколько дюжин своих боевых магов, — ответила Моргия. — Полагаю, чернь думает, будто у нас нет ничего, кроме дворцовой стражи да нескольких солдат. Когда же они подойдут к воротам и их поприветствуют волной огненных шаров, то, весьма вероятно, они растеряются и разбегутся”.

“А они не могут противопоставить такой атаке какую-нибудь защиту?” — спросила Джуалин лучшим из своих взволнованных голосов.

“Если бы знали об этом, то, естественно, смогли бы. Но едва ли у черни есть маги, владеющие искусством восстановления, при помощи которого можно обезопасить себя от чар, или же мистицизма, что позволит отражать заклинания на моих боевых магов. Это было бы худшим из вариантов, но даже если они достаточно хорошо организованы и имеют в своих рядах мистиков — и притом достаточно, чтобы отразить поток заклинаний — у них ничего не выйдет. Никакой командир не прибегнет к такой защите во время штурма, если только точно не будет знать, с кем столкнется. А там, когда ловушка захлопнется, — Моргия подмигнула, — будет слишком поздно для защитных заклинаний”.

“Поистине коварное решение, ваше высочество”, — похвалила Джуалин, даже не лукавая.

Моргия извинилась, сказав, что ей нужно встретиться со своими боевыми магами, и Джуалин обняла ее на прощание. Кэль ожидал свою госпожу в дворцовом саду.

“Среди наемников есть мистики?” — быстро спросила она.

“Есть несколько, — ответил Кэль, несколько огорошенный ее вопросом. — Главным образом изгой из ордена псиджиков, но знают достаточно для применения обычных заклинаний их школы”.

“Ты должен прокрасться через городские ворота и сказать брату Лайлиму, чтобы перед штурмом творили отражающие чары по всей линии фронта”, — приказала Джуалин.

“Какая странная стратегия”, — нахмурился Кэль.

“Я знаю, болван, — на это-то Моргия и рассчитывает. У нее припасена шайка боевых магов, которые затаились на стенах и готовы встретить нашу армию шквалом огненных шаров”.

“Боевые маги? Я бы скорее решил, что король Реман всех их увел на бой с пиратами”.

“Да, именно так ты бы и решил, — засмеялась Джуалин. — И тогда бы нас разбили. А теперь ступай!”

Брат Лайлим согласился с Кэлем в том, что это самый чудной, неслыханный способ начала боя — бросать отражающие заклинания на все свои войска. Это противоречило традиции, а, будучи треббитским монахом, он ценил традицию превыше всех добродетелей. Однако, с учетом данных разведки, другого выбора не было. У него в армии было слишком мало целителей, и их энергию нельзя было тратить на чары сопротивления.

На рассвете армия мятежников показалась пред сверкающими шпильями Фестхолда. Брат Лайлим собрал вместе всех солдат, кто обладал хоть зачаточными познаниями в мистицизме, кто умел плести самые простые узоры и сети из магической энергии. Хотя немногие из них были мастерами своего дела, их общая сила являла собой внушительное зрелище. Огромный вал волшебной мощи окатил все

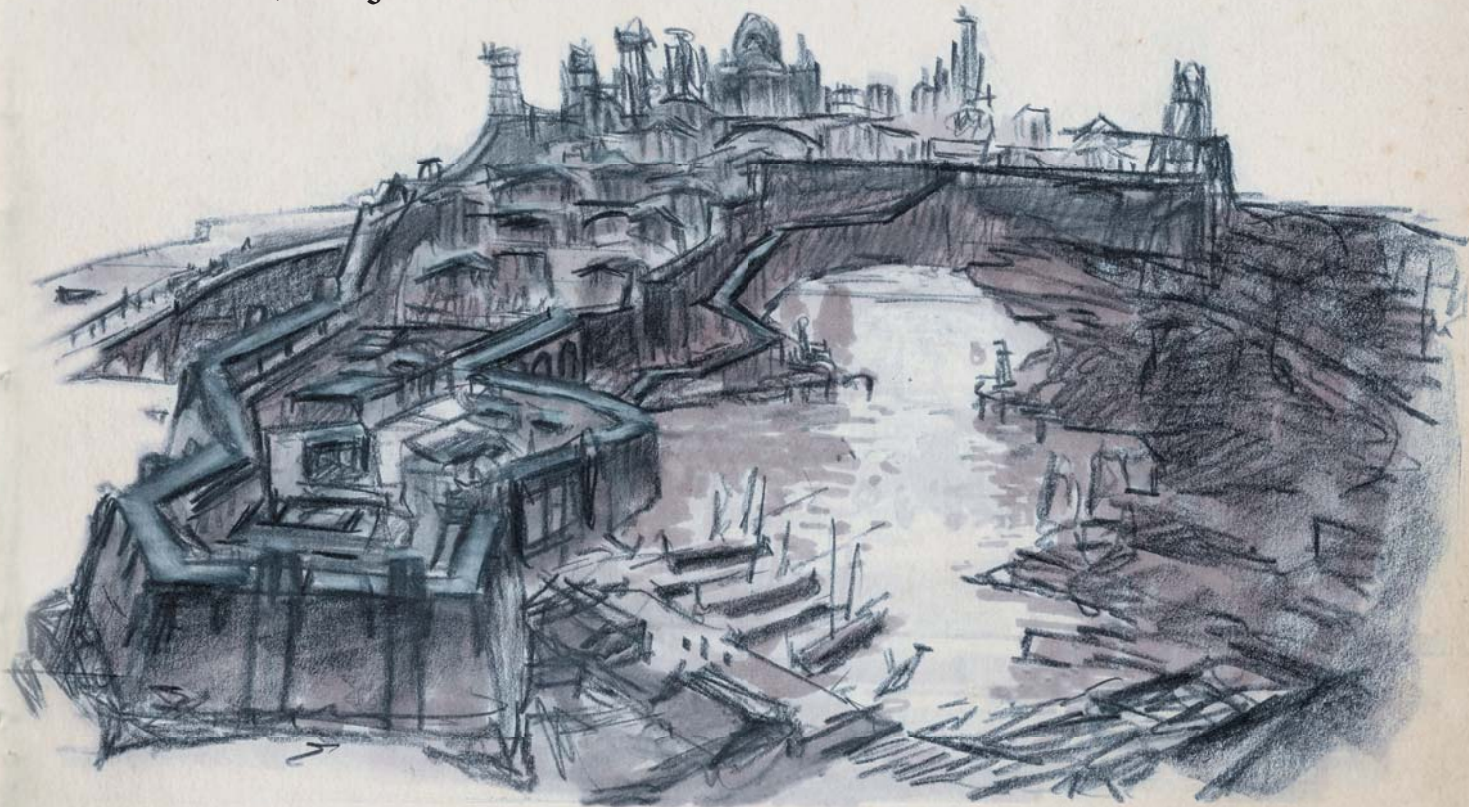
воинство, шипя, потрескивая разрядами и пропитывая все и вся своей призрачной силой. Когда они подошли к воротам, каждый солдат, даже самый несообразительный, знал, что никакие чары ему не страшны.

Брат Лайлим наблюдал, как его воинство ломится в ворота, с великим удовлетворением полководца, предвосхитившего невообразимую атаку сокрушительной защитой. Но улыбка быстро сползла с его лица.

На стенах их встретили не маги, а обычные лучники дворцовой стражи. Когда на головы штурмующих посыпались красным дождем горящие стрелы, целители поспешили на помощь раненым. Но их врачующие чары отражались от умирающих, не принося пользы. Среди атакующих воцарился хаос, когда они вдруг ощутили себя беззащитными, и началось паническое, стихийное отступление. Брат Лайлим некоторое время пытался его сдержать, но затем и сам обратился в бегство.

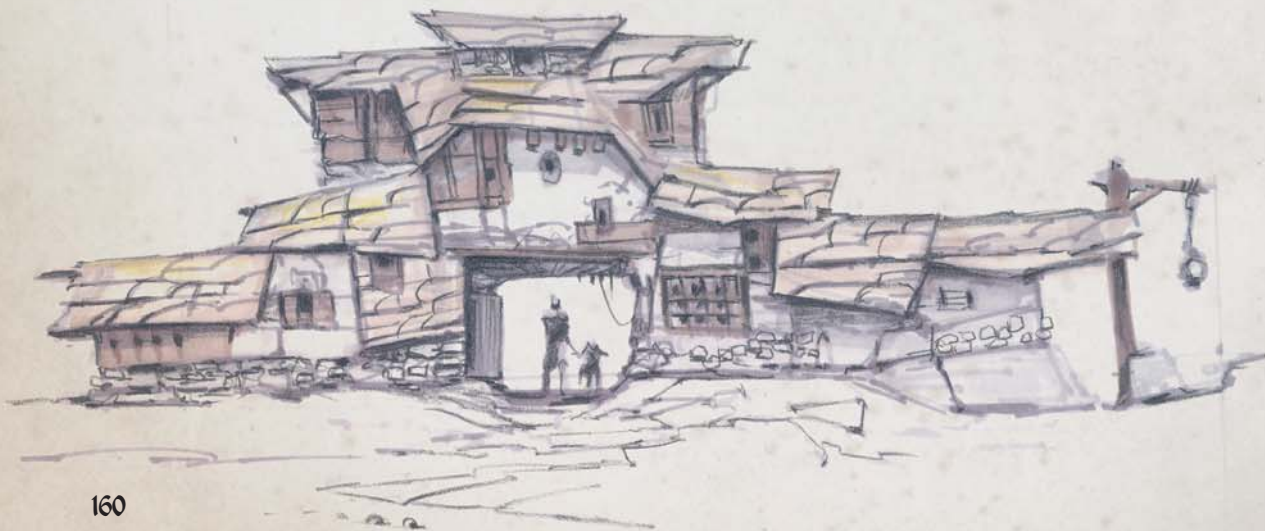
Впоследствии он слал яростные письма леди Джиапин и Кэлю, но все они вернулись без ответа. Даже его лучшие тайные соглядатаи во дворце не смогли узнать, куда пропала эта парочка.

Оказалось, что никто из них не обладал стойкостью к пыткам, и вскоре оба покались в своем предательстве, к удовлетворению короля. Кэль был казнен, а Джиапин под охраной выслала обратно в Скайвотч, ко двору ее отца. Она по-прежнему пребывает в поисках мужа. Реман же, напротив, решил не брать новой наложницы. Народная молва в Фестхолде относит это нарушение дворцового этикета на счет чужеродного влияния Черной Королевы, каковым недовольством и делится со всеми, кто слушает.

СКАЙРИМ

Путеводитель по Скайриму для исследователей

Автор: Марций Карвейн,
Виконт Брумы

К сожалению, многие высокородные гости из Сиродила удостоивают Скайрим лишь взглядом из окна своей кареты. Разумеется, эта варварская и неотесанная провинция не отличается гостеприимством, но при этом сей край наделен дикой и жестокой красотой — здесь вас ждут величественные виды и вдохновляющие чудеса природы, необходимо лишь иметь достаточно воли, чтобы отыскать их, и достаточно вкуса, чтобы оценить их по достоинству. Если вы склонны осмотреть Скайрим самостоятельно, я бы порекомендовал вам начать с того же, что и я — с поиска Камней Судьбы.

Это название наверняка вас смутило. Среди провинциалов и жителей деревень бытует множество мрачных историй об этих памятниках древности. Тут рассказы и о некромантических ритуалах и свирепых духах, и о великом и ужасном могуществе, что достанется всякому, кто осмелится к ним прикоснуться.

Все эти рассказы, как однажды сказал мне ярл Изроф, “просто куча мамонтова дерьма”. Сказано грубовато, но верно.

Конечно, всегда следует быть начеку — бандиты и дикие звери представляют большую опасность. Но в отношении самих камней страхи совершенно беспочвенны. Как раз напротив — близость к городам и дорогам делает их идеальными объектами для начинающих исследователей, и к тому же зачастую они награждают захватывающим видом, оправдывающим все усилия.

Дабы разогреть ваш аппетит, расскажу о четырех таковых местах:

Большая часть путешественников попадает в Скайрим через Хелген, это поселение часто называют “воротами на север”. Если вас занесет в это захолустное местечко, не упустите возможность прокатиться вечером на север вдоль по дороге, изгибами спускающейся промеж скал к восточному берегу озера Илиналта. Прямо у дороги, на небольшом утесе, разместились три Камня-хранителя — самое крупное скопление менгиров во всем Скайрине. На закате отсюда открывается невероятно красивый вид на озеро.

Путь прибывающих со стороны Чейдинхола лежит через Рифтен, известный со времен Тайбера Септима как город интриг и воровства. Если вы ищете приключений в Рифте, выходите из города через южные ворота и обратите свой взгляд на утес, возвышающийся на юге. На его вершине стоит Камень Тени — вполне удачный символ для города воров.

Вайтран является сердцем Скайрима, а возвышающийся над городом дворец мог бы составить конкуренцию великим замкам Сиродила. Впрочем, если вам прискучит хлебосольство ярла, в нескольких часах езды по дороге на восток от города, которая проходит над ущельем Белой реки, вас ждет еще одно приключение. Камень Ритуала, установленный в древнем памятнике, находится на вершине одинокого холма, что возвышается с северной стороны от дороги. Не спешите и насладитесь неповторимым видом на Вайтран, тундру и ущелье.

Более опытных исследователей может заинтересовать поездка в Маркарт, древний каменный город далеко на западе. Из-за недавнего восстания Изгоев путешествия по Пределу стали опасны, но если приключений вам хочется любой ценой, вы найдете еще один камень к востоку от города — он возвышается на горе над шахтой Колскегг. Взобраться туда сложно, однако для любого исследователя покорение этой вершины стало бы достижением, достойным гордости.

В Скайрине можно обнаружить и иные Камни Судьбы — я лично замечал еще несколько, что возвышались на самых удаленных горных вершинах или стояли, окутанные туманом, посреди северных топей. Однако истинное удовольствие исследования в возможности открывать новое, и потому я оставляю это вам. Да направят восьмеро ваши стопы.

Песни Скайрима

Пересмотренное и исправленное издание

Автор-составитель: Жиро Жиман

Историк Коллегии бардов

Солитьюд

“Рагнар Рыжий” — вайтранская народная песня. Несмотря на мрачный финал, песню обычно считают легкой и задорной и уже давно полюбили на всех постоянных дворах Скайрима.

Рагнар Рыжий

Жил да был Рагнар Рыжий — героем он слыл, как-то раз он
в Вайтран ненадолго прибыл.
Он куражился, пыжился, бряцал мечом, похваляясь,
что враг ему всяк нипочем!
Но вдруг Рагнар Рыжий как лютик поник,
он слышал Матильды насмешливый крик...
“Что блажишь ты, что врешь, что ты мед здесь наш пьешь?!”
С нас довольно, готовься — сейчас ты умрешь!”
Лязг стали о сталь беспрестанно звенел,
и Матильды воинственный дух пламенел!
И унял с тех пор Рагнар хвастливую ре-е-е-е-ечь...
как слетела башка его рыжая с плеч!

Песня “Придет Довакин” передавалась бардами из поколения в поколение. В нордской культуре Довакин — прообраз настоящего норда. Этой песней поднимали боевой дух солдат и вдохновляли их надеждой.

Придет Довакин

Герой он бесстрашный, он непобедим,
Лишь кинешь ты клич — и придет Довакин.
Изгонит он зло и врагов победит,
И доблесть его небеса озарит.
Так слушайте, норды, о славе его,
Коль вера сильна, а честь прежде всего,
То сквозь адское пекло пройдет невредим
Наш герой, наш защитник, о, Довакин!

“Век притеснений” и “Век произвола” — это два варианта одной песни. Известно, какой из них написали раньше, но сама мелодия с соответствующими словами весьма популярна по обе стороны войны.

Век притеснений

За юность мы пьем, прошлым дням наш почет.
Скоро век притеснений совсем истечет.
Изгоним имперцев, землю нашу вернем.
Защищать край родной будем мы день за днем.
Честь тебе, Ульффрик! По праву трон твой!
Здесь в твою славу у нас пир горой.
Мы Скайримские дети, битва нам словно мать.
Нас ждет светлый Совнгард, каждый рад жизнь отдать.
Но прежде очистим мы отчизну свою.
Не уступим мы наших надежд воронью.

Век произвола

За юность мы пьем, прошлым дням наш почет.
Скоро век произвола совсем истечет.
Подъем братьев бури, землю нашу вернем.
Защищать край родной будем мы день за днем.
Сдохни, Ульффрик, изменник лихой!
Как ты сгинешь, так будет у нас пир горой.
Мы Скайримские дети, битва нам словно мать.
Нас ждет светлый Совнгард, каждый рад жизнь отдать.
Но прежде очистим мы отчизну свою.
Не уступим мы наших надежд воронью.

Далее следует древняя песнь, которую нам лишь недавно удалось перевести. Как песня она уже до нас не дошла, поскольку не известны ни ее мелодия, ни точное произношение. Она включена в этот сборник, чтобы показать, насколько глубока история песни в Скайрине.

Оригинальный вариант...

Довакин, Довакин, наль ок зин лос варин,
уа деин вокуль мафаерак аст валь!
Арк фин норок паль гран фрод нуст хон зиндро зан,
Довакин, фа хин коган му драль!
Хузра ну, куль до од, уа ан бок лингра вод,
Арк фин тей, бозик фун, до фин геин!
Уо лост фрон уа ней дов, арк фин рейлик до йуль,
вот ан сулейк уа ронит фаль креин!
Арк фин зуль, рок дрей код, нау тол морокеи фрод,
руль лот Тазокан мотад вот кеин!

СКАЙРИМ

Сарот ту'ум, мед ан туз, вей зейм хокорон па,
ол фин Довакин комейт ок реин!
Арк фин Кел лост прода, до вед винг ко фин гра,
тол фррд зейма уин кеин мейз фундеин!
Алдуин, фрейн до йун, крузик вокун стаднау,
вот ан балок уа дивон фин леин!
Нуз ан суль, френт алок, фод фин вуль дова нок,
френ кос налот нафаерак арк руз!
Паз Кейзаль френ кос стин нол беин Алдуин йот,
Довакин кос фин савик до муз!

И перевод...

Довакин, Довакин, козни зла пресеки,
ты вовек дал в том клятву свою!
И враги много бед слышат в кличе побед,
Довакин, поддержи нас в бою!
О вы, дети снегов, сказ далеких веков
вы услышите о витязе том!
Кто и змию, и расам людей был родней, силы в ком,
как в светиле златом!
Гласом вооружен, к полю славы шел он в час,
когда Тамриэль жгла война!
Мощь ту'ума врагов, как мечом, всех секла,
Довакина так сила звучна!
В Свитках сказано так — когда брат брату враг,
взмоют в стуже два мрачных крыла!
Алдуин, бич Монархов, тень давних веков,
жадность чья бы весь мир пожрала!
Но наступит пора, и дракона игра
станет прахом навек, и тогда!
Скайрим гнет Алдуина утробы страхнет,
Довакина прославят уста!

“Сказ о Языках” — сравнительно новая песня. Она стала популярной после того, как Довакин одолел Алдуина. По сути, в ней описаны события первого сражения с драконами.

Сказ о Языках

Крыльев размах, что полнеба накрыл.
Бойся и прячься — идет Алдуин!
И пасть его — бездна, как сажа черна.
Немало селений спалил он дотла.
Где же герой, что спасет нас от бед?
Ужель во всем свете рыцаря нет?
И радости песнь захлебнется в крови?
Приди же герой, бейся или умри.
Но вот в час беды к нам пришли Языки.
К бою готовы и духом крепки.
Их песнь Алдуину пророчила смерть,
Ту'ум, что колышет небесную твердь.
Погиб Алдуин, хвала Языкам!
Им славу и честь воспоем сквозь века.
И правнуки наши услышат сквозь сон,
как великий дракон был побежден.

Власть Скайрима глазами чужеземца

Автор: Абдул-Муджиб Абабне

В ходе своих странствий, а странствовал я немало, мне довелось столкнуться со многими странными народами и культурами в различных провинциях Тамриэля. В каждой из них я обнаружил вид правления и обычаи руководства, какие не встретить ни в одной другой провинции.

Например, в Чернотопье король аргониан посредством Темных ящеров, своего рода ассасинов, устраняет угрозы скрытно, держа свой народ в неведении. В Сиродиле, Имперской провинции, хоть император и правит напрямую, но и Совет Старейшин обладает властью, которую не следует недооценивать.

В ходе своей недавней поездки в Скайрим, этот суровый и промозглый край нордов, я впервые смог лично ознакомиться с неповторимой системой правления, сложившейся у этого сильного и гордого народа.

Можно заключить, что вся провинция Скайрим разделена на территории, именуемые "владениями", и центр власти в каждом владении сосредоточен в одном из больших древних городов. В каждом из этих городов правит король владения, именуемый ярлом.

В целом ярлы Скайрима производят довольно внушительное впечатление. Восседавая на своих тронах, они готовы вершить правосудие или отправить свои войска на подавление какой-либо местной угрозы, будь то стая диких волков или устрашающий великан, забредший слишком близко к поселению.

Понаблюдав за этими ярлами, я нашел, что каждый из них, разумеется, обладает самобытным характером и стилем управления. Но что, пожалуй, стало для меня неожиданностью — особенно принимая во внимание незаслуженно приписываемую правителям нордов репутацию варваров или нецивилизованных вождей — так это формальная структура двора каждого ярла. Ибо, хоть правитель владения и сидит на троне, но помимо него есть ряд чиновников, каждый из которых играет довольно специфичную и значительную роль.

Придворный маг консультирует ярла по всем магическим вопросам и нередко предоставляет посетителям замка услуги и заклинания за плату. Управитель — главный советник ярла, он в основном заведует хозяйственной стороной содержания замка, управления городом или даже владением, в зависимости от конкретного случая. И горе тем дуракам, кто решится бросить вызов хускарлу — личному телохранителю, редко покидающему ярла и принесшему клятву пожертвовать своей жизнью ради спасения жизни благородного вождя, если только будет в том нужда.

Но сколько бы ни было могущества и влияния у каждого из ярлов по отдельности, настоящая мощь Скайрима заключена в силе его верховного короля. Власть верховного короля простирается над всеми, а становится им всегда один из ярлов по выбору так называемого Собрания — совета всех ярлов, которые съезжаются с целью выбрать верховного короля Скайрима. По крайней мере так предполагается.

На деле же, однако, верховный король присягает на верность императору, и так как Солитьюд среди всех городов наиболее подвержен влиянию имперской культуры и политики, ярлы Солитьюда на протяжении поколений исполняли роль верховных королей. Собрание, таким образом, является преимущественно формальностью и церемониальным действием.

Однако, готовясь покинуть Скайрим, я чувствовал дух изменения в воздухе, ощущал волнение среди некоторых добрых нордов. Многих, по-видимому, не устраивало затянувшееся присутствие Империи на их земле. И запрет поклонения Талосу в качестве Девятого Божества — положение Конкордата Белого Золота, мирного соглашения между Империей и Альдмерским Доминионом — лишь усугубил этот разлад.

И хотя ярлы Скайрима еще контролируют свои владения, а над этими ярлами главенствует санкционированный империей верховный король, придет ли день, когда созовут Собрание для выбора нового верховного короля — иного, нежели, как выражаются многие, "солитьюдская марионетка" императора?

Если придет такой день, я буду рад в тот момент быть вдалеке от Скайрима, в родном Ханмерфелле. Ибо такое решение грозило бы гражданской войной, и, боюсь, подобная распря разодрала бы суровый и прекрасный нордский народ на части.

Владения Скайрима

Справочник старшего офицера

Для офицерского состава Имперского Легиона

Офицер Империи, добро пожаловать. Этот справочник вручен тебе, дабы помочь тебе и твоим подчиненным лучше разбираться в географии Скайрима. Поскольку в Скайриме вам предстоит долгая служба, подобную информацию сложно недооценить.

Скайрим разделен на девять владений. Владение — это крупная территориальная единица, приблизительно соответствующая графству в Сиродиле. Каждым владением управляет ярл, который держит свой двор в столице владения.

Из этих владений четыре довольно малы и малонаселенны. Их столицы, соответственно, мало чем отличаются от рядовых городов. Пять крупнейших городов Скайрима являются столицами более крупных владений.

Далее представлен подробный обзор каждого из владений.

ИСТМАРК

Истмарк расположен у восточных границ Скайрима и соседствует с Морровиндом. Ярл Ульффрик Буревестник правит из древнего города Виндхельм. Он со своими сторонниками представляет главную вашу угрозу.

В Истмарке следует все время быть начеку, поскольку в этих землях братья бури наиболее сильны и организованны. Имперский солдат вряд ли найдет здесь друзей.

ХААФИНГАР

Солитьюд, город верховных королей Скайрима и столица владения Хаафингар, всегда встречал Империю с неизменным радушием. Немало торговых путей сходится сюда по рекам, и вряд ли в Скайриме найдется более гостеприимный народ, чем в этом владении.

Выдвигаясь в поход, надлежит предварительно обеспечить надежный путь снабжения из Солитьюда. Империя хранит значительные запасы в Мрачном замке, откуда генерал Туллий командует всеми размещенными в Скайриме легионами.

ХЬЯЛМАРК

Владение делится поровну на открытую всем ветрам тундру с разбросанными по ней фермами и большой зловонный солончак. Здесь мало интересного, разве что столица владения — Морфал.

Пока что ярл Ингрод Черная содействовала Империи, но если создастся сложная ситуация, то она будет исходить лишь из собственных интересов.

Хотя для Империи это владение представляет минимальную стратегическую ценность, братьям бури оно послужило бы идеальной опорной точкой для осады Солитьюда, поэтому надлежит охранять его от посягательств противника.

БЕЛЫЙ БЕРЕГ

Белый берег — это пустынная местность, занятая обширными ледяными и снежными пространствами. Ее пределы простираются от центра Скайрима вплоть до северного побережья. Там, в столичном городе Данстар, расположен один из самых оживленных портов провинции.

Обладая доступом к прибрежным морским путям Скайрима, Данстар может иметь критическое значение для военных действий. Если братья бури решат атаковать Солитьюд со стороны реки, данный порт ввиду своего близкого расположения станет для них желанной добычей.

ПРЕДЕЛ

Занимающий западные границы Скайрима Предел почти весь покрыт крутыми скалистыми горами. Мало что произрастает в этом недружелюбном краю, однако его столица, Маркарт, являет собой практически неприступную каменную крепость, которая в ходе войны могла бы стать идеальной оборонительной позицией для любой из сторон.

Следует помнить, что в этом опасном регионе Скайрима живут Изгои, мятежные коренные жители Предела. Они хорошо знают местность, могут напасть без предупреждения и считают Империю своим врагом. Если они нападут, убивайте их без раздумий, потому что от них вы пощады не дождетесь.

РИФТ

Это владение расположено на юго-восточной окраине Скайрима, и, как и в Пределе на западе, здесь господствуют высокие горные вершины. Климат в Рифте мягче, чем в северных владениях, и растительности здесь больше, поэтому фермерское хозяйство процветает.

Предупреждаем насчет Рифтена — столицы владения. Наши агенты подозревают, что в городе располагается Гильдия воров, хотя ныне она уже не столь сильна, как в прежние времена.

Тем не менее пусть твои люди присматривают за своими кошельками, если им случится провести в городе какое-то время.

ВАЙТРАН

Центральное владение отличается обширными зелеными лугами, на которых расположены многочисленные фермы. Через Вайтран проходит немало дорог, соединяющих между собой удаленные владения.

Столица владения, которая также называется Вайтран, стоит на скалистом холме посреди широкой и плоской полосы кустарниковых зарослей. Вайтран — один из самых богатых городов Скайрима и, как правило, дружелюбно встречает солдат Императора.

ВИНТЕРХОЛД

Это промозглое, занесенное снегами владение на северо-восточной окраине Скайрима совершенно не приспособлено для жизни. Не исключено, что маги Коллегии Винтерхолда избрали для себя это место, рассчитывая на относительное уединение.

Как и в Вайтране, в Винтерхолде владение и его столица называются одинаково, хотя "городом" Винтерхолд назвать сложно. Столицей владения служит жалкая деревушка при коллегии магов.

Помимо нее, в этой ледяной пустоши мало достойных упоминания поселений, и вряд ли ей суждено сыграть сколько-нибудь значимую роль во время войны.

Вайтран: путеводитель для джентльменов

Автор: Бард Микаэль

Милостивый государь, приветствую вас на страницах этого незаменимого путеводителя, где я, ваш скромный автор и проводник, опишу вам великий город Вайтран, Сокровище Севера.

Вайтран предлагает немало увеселений для мужчин, ищущих приключений, возможности разбогатеть или приятной компании, будь то на одну ночь или на всю жизнь. Город располагает не одной, а двумя знатными тавернами, где вдосталь девиц и служанок.

Этот город расположен почти в самом центре Скайрима, что хорошо, ведь до него можно довольно быстро добраться из любого места. Раскинувшийся на скалистом холме Вайтран возвышается над окружающими его зелеными лугами. Высокие деревянные стены охраняют его жителей от волков, мамонтов и прочих опасностей извне.

Пройдя через главные ворота города, вы окажетесь в Равнинном районе, названном так потому, что из трех городских округов он расположен ниже всех.

Ах, ведь тут находится “Гарцующая кобыла” — на мой вкус, одна из лучших таверн Скайрима. Внутри вы найдете, чем усладить свой взор, коль скоро вам приятен прекрасный пол.

У стойки хлопочет крепкая девица по имени Хульда. Не стоит обманываться ее холодным видом, ведь внутри нее пылает тот самый огонь страсти, который так упорно скрывают все нордские женщины. Тут же работает Садия — экзотическая красотка-редгард. В ней есть нечто загадочное, и ваш скромный автор намерен познать ее тайны.

Возле “Гарцующей кобылы” имеется небольшой рынок, и здесь я повстречал настоящую любовь. Хотя я никогда не стал бы удерживать охотников вроде меня от лакомой добычи — ибо я пишу этот труд с целью направить подобных мне к компании наиболее приятной — я бы хотел в данном случае просить о подлажке.

Ее зовут Карлотта Валентия, она чудо как хороша и живет на скромный достаток, в дневные часы торгуя хлебом и овощами. Боги свидетели, эта красотка с рынка когда-нибудь станет моей!

Конечно же, это далеко не все, что есть в Равнинном районе. В “Товарах Белетора” искатель приключений найдет для себя разнообразную экипировку, а в “Ко-

телке Аркадии" вас ждет традиционный для аптекарской лавки ассортимент укрепляющих средств и лечебных трав.

Сама Аркадия довольно мила. Я нередко захожу к ней побеседовать, ведь она тоже уроженка Империи на чужбине, как и я. На мой вкус она, впрочем, старовата. Мужчина в годах мог бы счесть ее достойной партией.

Если вам понадобится заточить клинок или починить доспехи, вы можете воспользоваться услугами кузнеца в "Доме Воительницы", что почти у самих главных ворот. Здесь кузнецом работает хорошенькая Адрианна Авениччи, норд, но в супругах у нее огромный неповоротливый верзила по имени Ульфберт Разъяренный Медведь.

Адрианна очень даже недурна, однако повстречаться с острием боевого топора ее мужа мне бы не хотелось. Если вам по вкусу замужние дамы — то вперед, но не говорите потом, что вас не предупреждали!

Возле кузницы располагается "Пьяный охотник". Здесь собираются господа побогаче, чтобы пропустить стаканчик и поделиться новостями со всего света. Если вы предпочитаете потягивать доброе вино в более изысканной компании, здесь вам самое место.

О Ветряном районе я мало что могу сказать. Средний ярус города в основном занят жилыми домами, но помимо них здесь также расположен храм Кинарет и Цорр-васкр — праздничный зал Соратников.

В пиршественном зале имеются весьма привлекательные дамы, если вам по душе сильные и бесстрашные девы-воительницы. В храме, однако, особо нечем поживиться. Жрицу Данику Свет Весны мало что волнует, кроме вопросов веры.

И вот мы подходим к Заоблачному району, занятому замком ярла. Мне не раз случалось неплохо поразвлечься в каменных стенах Драконьего Предела, скажу я вам. Служанки легко западают на обходительных имперцев. Все-таки ночами в Скайриме бывает довольно холодно, если вы понимаете, о чем я.

Не стану отрицать и то, что раз или два мне случалось оказаться в городской тюрьме, что находится в глубине замковых подземелий.

Что касается ярла и его придворных, то их следует избегать любой ценой. Я нашел их начисто лишены чувства юмора, как и уважения к имперской культуре. Кроме того, все эти господа богаты, что делает их самыми серьезными вашими соперниками. Норды, как ни крути, довольно простой народ, и их легко впечатлить красивой одеждой и кошель, набитым септимами.

На этом я заканчиваю сей труд и желаю вам огромных успехов в стажательстве женской благосклонности и распитии вина. Вспоминайте в своих похождениях обо мне, вашем скромном авторе, и тех опасностях, которым я себя подверг, чтобы представить вам этот подробнейший обзор всего того, что заслуживает внимания искушенных господ в славном городе Вайтране.

Ах, не стану врать, что это было мне так уж и в тягость. Кому же захочется спать одному в таком холодном и суровом краю? Уж точно не мне!

Пешкой по миру

Том XI: Солитьюд

Автор: Спатиор Муний

Дорогие друзья! В нашем нынешнем выпуске мы расскажем вам о Солитьюде. Автор был крайне рад оказаться в средоточии имперской власти в Скайрине. В ходе нашего обзора вы увидите, что богатство Солитьюда состоит как в его жителях, так и в его истории и архитектуре, неотъемлемых от самого города.

Как всегда, мы начнем наш путь за стенами города, в этот раз — у подножия холма, что ведет к массивным воротам Солитьюда.

Окрестности Солитьюда

Прежде чем взбираться на холм и заходить в город, непременно полюбуемся здешними видами. Пройдитесь по тропе, ведущей к докам, и остановитесь полюбоваться одним из лучших видов на Великую арку.

Изначально служившая в качестве ориентира и ветровой преграды порта Солитьюда, удобная для обороны великая арка также стала древним нордам идеальным местом для возведения города.

Понемногу город разросся по всей длине арки. Этот рост увенчался постройкой Синего дворца — резиденции верховных королей и королев Скайрима. Позже мы посетим этот дворец.

Ворота Солитьюда

При входе в Солитьюд вам предстоит пройти двое ворот и три башни. Первая из этих башен находится на перекрестке — это Небесная башня. Она служит преимущественно для наблюдения, хотя в военное время проходящую рядом дорогу перегораживают баррикадами и используют в качестве первой линии обороны.

Вторую башню вместе с первыми, малыми воротами называют Шквальными воротами. Здесь возможные войска нападающих столкнутся с первым серьезным сопротивлением. Последними идут, бесспорно, самые впечатляющие — Грозовые ворота.

В то время как Мрачный замок, расположенный прямо за главными воротами города, всегда отличался массивными стенами, внешние стены и ворота Солитьюда появились лишь после коронации верховного короля Эрлинга.

Если посмотреть вверх и налево от главных ворот, можно увидеть небольшое свидетельство бытовавшего у Эрлинга вкуса к более закругленному стилю в архитектуре, который мы впоследствии наблюдаем в пристройках Мрачного замка, а также внутренней арке и ветряной мельнице.

Теперь мы пройдем через ворота и окажемся в главном торговом районе Солитьюда.

Колодезный район

Когда вы пройдете через ворота Солитьюда, перед вами впервые откроется вид самого города. Высоко и горделиво перед вами возвышается увенчанная стягами Императорская башня. Она служила пристанищем королям Хаафингара еще

до объединения Скайрима и возведения Синего дворца. Теперь же она используется исключительно в качестве гостевых покоев для императоров, когда те посещают город.

Справа и слева вас окружают лавки и постоялые дворы Солитьюда. Здесь вы найдете одни из лучших импортных товаров в Скайрime. Как-никак, Солитьюд — процветающий город с прямым доступом к основным морским путям Тамриэля.

Продолжив наш путь, мы подойдем к склону, ведущему наверх, к Мрачному замку. Здесь особенно сильно ощущается тяжесть нависающей громады каменного бастиона. В крайней слева башне, увенчанной остроконечной крышей (пристройкой Эрлинга), в свое время размещался гарнизон замка и тюрьма. В наши дни в этой башне сосредоточена военная мощь Солитьюда.

Сразу за возвышающейся Императорской башней можно разглядеть каменный мост Солитьюда, изящной дугой простирающийся к ветряной мельнице. Поговаривали, что этот построенный при верховном короле Эрлинге мост использовала Уитта, известный капитан каперского судна, чтобы без лишних свидетелей посещать Мрачный замок. Ряд историков утверждает, что они с верховным королем просто старались не афишировать свои деловые отношения. Другие же полагают, что между Уиттой и Эрлингом имелось нечто большее.

На другом конце моста стоит ветряная мельница. Башня и ветряная мельница являются самыми узнаваемыми достопримечательностями Солитьюда. Когда-то силой Ветряной мельницы открывались ворота нынешнего склада Восточной имперской компании, но в наши дни эта задача ложится на крепкие спины рабочих дока.

Под сенью ветряной мельницы вы найдете уличный рынок и колодец. Здесь можно купить ряд местных деликатесов, в том числе знаменитое праное вино, производимое только в Солитьюде.

Отсюда мы поднимемся вверх по склону и войдем во двор Мрачного замка.

Мрачный замок

При входе во двор Мрачного замка вас встречает знамя Солитьюда, висящее над дверьми в сам замок.

В дальнем конце двора стоит впечатляющий Храм Богов. Основатели Солитьюда были глубоко набожными людьми, и он является единственным городом Скайрима, где в одном храме воздают почести сразу всем божествам. Все три здания здесь достойны посещения, но для осмотра открыты только Храм и военное крыло Мрачного замка.

Если зайдете в храм, обратите особое внимание на ниши спереди. Вы увидите пустую нишу, которая когда-то была отведена под святилище Талоса, пока поклонение ему не было объявлено вне закона.

Со двора отправляйтесь в проход между Мрачным замком и Храмом, и вашим глазам впервые предстанет Синий дворец. По пути обязательно остановитесь у Коллегии бардов, большого здания по левую сторону, которое легко заметить по горящему рядом со ступенями Огню Калиссоса.

Говорят, что пока горит этот огонь, названный в честь известного барда, коллегия будет стоять.

Коллегия бардов

Если посмотреть вверх со ступеней Коллегии бардов, можно заметить, что коллегия возвышается даже над самим Синим дворцом. Обучающиеся здесь барды исполняют по всему Скайриму свои песни, сплетенные из событий вековой истории. Если повезет, обязательно посетите Сожжение короля Олафа, древний праздник, во время которого сжигают чучело Олафа.

Продолжайте идти по дороге от коллегии, и вы придете во двор Синего дворца, на котором и закончится наша прогулка.

Синий дворец

В Синем дворце живут ярлы Солитьюда, которые на протяжении веков также являлись верховными королями и королевами Скайрима. В верхней части северо-восточного крыла, по левую от вас сторону, располагаются жилые покои ярла и ее придворных, а под ними — помещения для прислуги.

Юго-западное крыло, известное как Крыло Пелагия, в наши дни пришло в упадок. Это крыло назвали в честь знаменитого верховного короля Пелагия Безумного, чей призрак, по слухам, скитается там до сих пор. Крыло было закрыто вскоре после смерти Пелагия, и теперь туда никого не пускают.

Непременно загляните в сам Синий дворец. Большой атриум и приемные покои — это зрелище, достойное внимания.

Иные достопримечательности

Автор показал вам Солитьюд во всем его великолепии, но есть еще несколько мест, которые стоит увидеть. Поднимитесь на стены города, доступ на которые свободен, и прекрасный вид с них вознаградит ваши усилия. Не лишним будет посетить и доки Солитьюда, самые большие в Скайриме.

На этом XI том собрания "Пешком по миру" заканчивается. Автор пока не знает, куда он отправится дальше, но будьте уверены — куда бы он ни забрел, вы получите от него детальный рассказ о самом интересном, что там можно повидать.

Город Камня: путеводитель по Маркарту для наемников

Автор: Аманда Аллейя, наемница

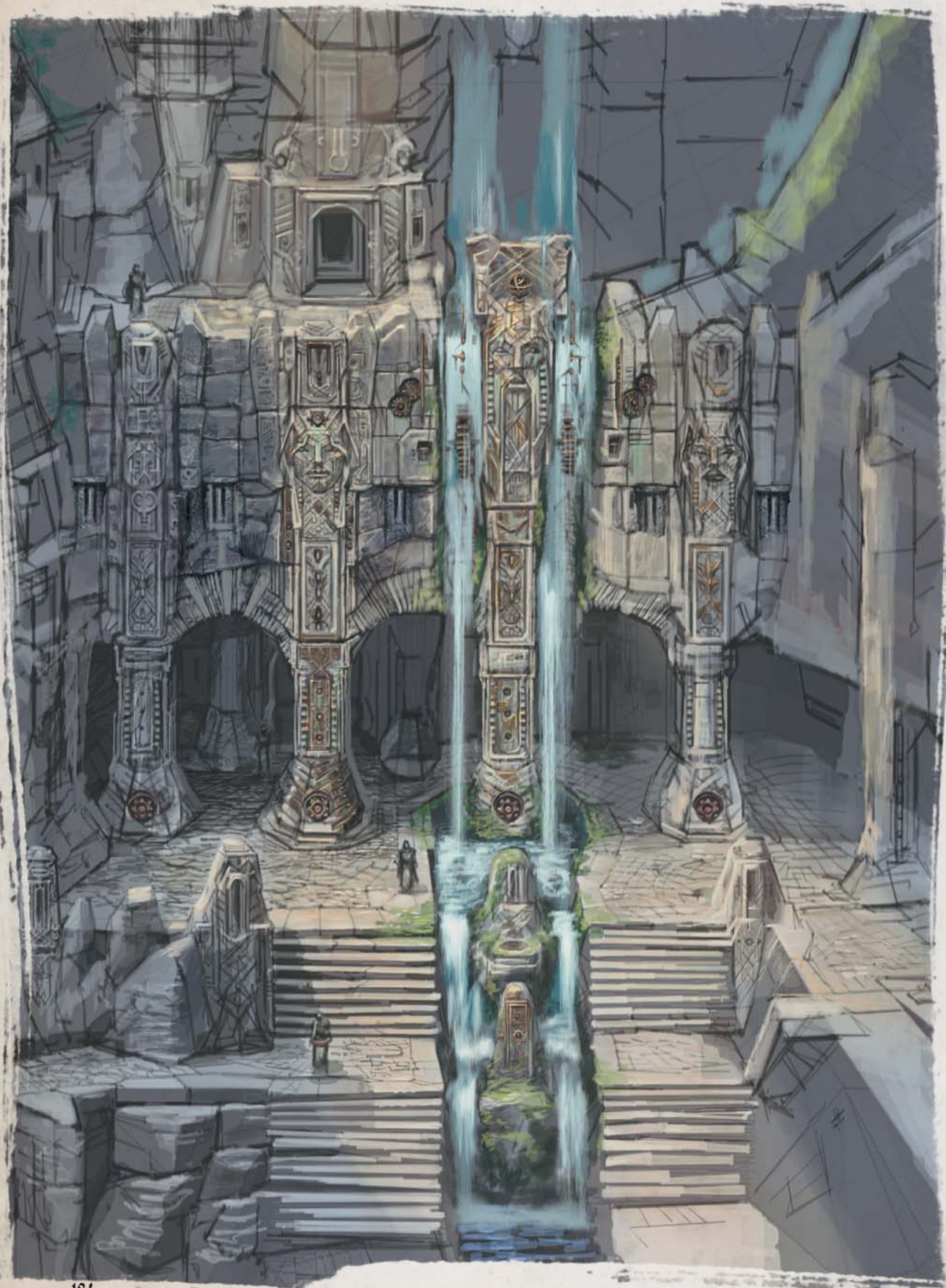
Если вы планируете набить карманы золотом в Скайрime, вам стоит навести свои клинки в сторону Маркарта, столицы Предела. В каменном городе всегда проблем выше крыши, а это значит, что для вас там найдется масса способов заработать себе на ужин. Используйте чутье наемника, чтоб отыскать наиболее богатых нанимателей с самыми толстыми кошельками, но не теряйте бдительности в часы отдыха.

Маркарт вам не какой-нибудь Вайтран, где благодаря Соратникам профессия наемников в почете. Нет, в Маркарте свои правила — правила, которые местные не расскажут вам просто так. Но вам повезло — старая госпожа Аллейя прольет свет на ваши крепкие головы.

Первое, что вы заметите в каменном городе — это... камень. Говорят, что гномы выточили город в горе, и, судя по его виду, так оно и есть. Но главное в том, что все тут расположено по вертикали, и, по сути, улицы — это утесы. Короче говоря, налившись меда, смотрите под ноги.

Войдя в город, вы тут же окажетесь посреди рынка. На улицах обычно торгуют едой и ювелирными украшениями. Есть здесь предпочитают мясо, так как из скалистых утесов пахотная земля никакая, а большинство продаваемых тут колец и ожерелий делают из серебра, благо в городе имеется большая серебряная шахта (об этом чуть позже).

Делайте что угодно, только ни о чем не спрашивайте городскую стражу Маркарта. Помощи от них — как от разъяренного морозного паука тому, кто попал в его паутину. А если вы только заикнетесь об Изгоях, готовьтесь получить плевок в глаз. К слову об Изгоях — эти дикари и дикарки будут вашим основным источником дохода в Маркарте. Ярл регулярно назначает награду за голову одного из вожakov Изгоев, так что если вы не против схватиться с каким-нибудь голодранцем без септима за душой, работка у вас будет.

Сразу после рынка отправляйтесь к таверне “Серебряная Кровь”. Выпивка тут, как водится, раздвлена (и судя по металлическому привкусу — речной водой из окрестностей плавильни). Здесь вам стоит найти жилье. В Маркарте не приходится надеяться на добрых людей, которые пустили бы вас переночевать по дешевке. Местные не доверяют чужакам, так что не тратьте попусту время и раскошесьтесь на нормальную комнату в таверне.

После того как вы отдохнете денек после путешествия, вылезайте наружу и увидите, что Маркарт делит надвое большой утес. Та часть, где протекает широкая река, называется Речной стороной, а другая — Сухой стороной. На Речной стороне живут местные трудяги и работает плавильня, так что вам там делать нечего. Отправляйтесь лучше напрямик на Сухую сторону, поговорите с местной нордской знатью, узнайте, какие проблемы вы могли бы для них решить (отхватив при этом гонорар побольше).

Два основных места, которые тут стоит посетить, это храм Дибеллы и шахта Сидна. Храм стоит на вершине утеса в центре. Сюда будет недурно зайти тем, кто в хороших отношениях с божествами, но имейте в виду, жрицы Дибеллы не допу-

скают мужчин во внутренние святилища, так что не стоит туда ломиться, если вам не нравится, когда вас спускают с лестницы.

Шахта Сидна — это место, где добывают серебро, о котором я говорила выше. Но это еще и тюрьма. В Маркарте заключенных заставляют добывать руду, которой тут полно, — так что не попадайтесь на чем-нибудь противозаконном, не то вас швырнут сюда и заставят копать. Судя по всему, шахта принадлежит клану Серебряная Кровь, одному из видных семейств города (заметили, что таверна называется так же? Наемник всегда должен держать ухо востро на подобные вещи). Я попробовала обратиться к главе семьи Серебряная Кровь за работой, но роль охранника в их шахтах — не тот адреналин, ради которого я стала наемником. Имейте в виду, если собираетесь остаться здесь на несколько месяцев.

Последнее, о чем я хочу здесь рассказать, — это Подкаменная крепость, где живет ярл Маркарта. В целом это совершенно обычный вычурный дворец (за исключением того, что построен он под землей), однако о чем стоит знать вам, так это о городе под крепостью. Да-да, под Маркартом находится еще один город. Точнее, заброшенные гномьи руины. Иногда в руины снаряжают экспедиции, и у вас есть шанс подзаработать, охраняя ученых и изредка помогая поднять какие-нибудь камни там и сям. Если повезет, то можете наткнуться на какую-нибудь старую гномью машину и выломать из нее себе что-нибудь в качестве сувенира.

Так, у госпожи Аллейи устала рука, а значит и путеводителю конец. И последний совет: постарайтесь не заварить кашу в Маркарте. Не начинайте драк. Не разнимайте драки. Не лезьте в заварушку, если вам за это не платят, потому что, уж поверьте мне, никто в Маркарте не будет вам рад. Зарабатывайте свое золото, пейте свой мед, смотрите что есть посмотреть и отправляйтесь дальше. В каменном городе ничего не меняется, и это не так уж и плохо.

О Скрещенных Кинжалах: история Рифтена

Автор: Двеннон Винделл

Расположенный у восточных берегов озера Хонрик Рифтен напоминает нам об ушедшей эпохе. Величественные в свое время улицы и здания канули в небытие, и на смену им пришло скопление деревянных построек и грубых каменных сооружений, неизменно окутанных похожей на туман дымкой. Чтобы понять, как от столь крупного города осталась лишь прославленная крепость, не нужно далеко ходить за ответами — достаточно лишь обратиться к историческим книгам.

Рифтен являлся крупным центром деятельности на пути торговых караванов и путешественников, направлявшихся в Морровинд и обратно. Озеро дни напролет было усеяно рыбацкими лодками, а оживленный город не затихал и ночью. Городская стража внушала трепет и зорко следила за населением, охраняя его безопасность. Рынок Рифтена, где на многочисленных прилавках можно было найти товары со всего Тамриэля, также привлекал немало народу.

В 4Э 98, среди воцарившегося из-за Пустых ночей замешательства, Хосгунн Скрещенные Кинжалы стал новым ярлом после того, как его предшественника убили. Несмотря на то что многие считали Хосгунна напрямую причастным к убийству и улицы Рифтена сотрясали крики протеста, ярл занял трон и немедленно занялся укреплением своего положения. С помощью городской стражи он расчистил улицы от протестующих и ввел комендантский час. Любого, кто нарушал комендантский час, немедленно отправляли в тюрьму без всякого следствия, а в случае рецидива казнили.

Свыше 40 лет Хосгунн правил Рифтеном железной рукой и черной волей. Он обложил неслыханными налогами своих подданных и торговцев, желающих продавать свой товар в стенах города. Большую часть собранного золота Хосгунн оставлял себе и использовал на постройку массивного деревянного замка с неоправданно роскошной внутренней отделкой. На постройку замка ушло семь лет, и в итоге он стал наглядным напоминанием о притеснении народа, заслужив прозвище Каприз Хосгунна. К концу его правления улицы Рифтена тонули в отбросах, а жители страдали от болезней и голода.

И вот в 4Э 129 терпению народа пришел конец. Своей численностью они смогли отбросить городскую стражу на время, необходимое для того, чтобы поджечь Каприз Хосгунна заодно с жадным ярлом. Затем бои возобновились, а огонь тем временем свободно распространялся по городу. К утру победа оказалась за народом, но цена ее была велика. Большая часть города лежала в развалинах, многие погибли.

Прошло пять лет, прежде чем Рифтен смог отстроить в виде города поменьше, который мы сейчас и видим. И хотя с тех пор прошло свыше пятидесяти лет, до конца ему пока что не удалось оправиться. Некоторые полагают, что того процветания, какое он испытывал в начале Четвертой эры, городу уже не достичь, но есть еще немногие, кого не покидает надежда на то, что Рифтен восстанет из пепла и вновь станет центром торговли.

Язва Квартала серых

Автор: Фрилгет Объездчик

Трагедия, постигшая Морровинд, способна пробудить жалость даже в самом жестокосердом из нордов. Темные эльфы достойны нашего сочувствия, однако своим поведением они не заслуживают от нас никаких побряжек. Существуют разные подходы к решению неизбежной проблемы Морровинда, и здесь я представлю два варианта, наблюдаемые на практике в Скайрине. Один следует считать примером для подражания, другой — предостерегающей историей.

Рассмотрим Рифтен, граничащий с пострадавшей провинцией. Несколько темных эльфов нашли здесь себе приют, однако на жизнь им приходится зарабатывать так же, как и любым другим жителям великого города. Они занимаются торговлей, трудятся при храме и служат в замке. Похвален честный труд этой расы, недавние бедствия которой привели нас к этой дискуссии. У города еще остается ряд проблем, но их наличие никак нельзя соотносить с притоком чужеземцев. В общем, темные эльфы должным образом влились в скайримский образ жизни, чего и следовало бы ожидать от всех, кто поселяется в этом краю.

Что касается иного подхода, достаточно лишь взглянуть на некогда величественный город Виндхельм, и мы увидим, что происходит, когда наше хлебосоль-

ство оказывается незаслуженным. Любой норд счел бы постыдной саму мысль о том, чтобы город Исграмора, героя, что прославился, изгоняя эльфов со священной нашей родины, гостеприимно бы открылся навстречу беженцам из края серного дыма.

И к чему это привело? Как и следовало ожидать, ленивый и недовольный сброд устроил себе свинарник в месте, которое нынче принято тактично называть Кварталом серых. Проку от них как не ожидали, так и не получили. Их попытки превратить гордый город нордов в некий уголок Морровинда просто возмутительны, а учиняемая ими в стенах города смута дала бы любому другому ярлу причину для беспокойства.

По словам местных жителей-нордов, не видать и краю преступлениям и раздору, приходящим из Квартала серых. Городская стража там едва патрулирует, уступив темным эльфам право самим чинить правосудие, каким бы оно ни являлось в обычаях их народа. Уважаемые семейства города, Жестокие Моря и Расколотые Щиты, о нанятых ими аргонианах отзываются практически с отеческой теплотой, однако темные эльфы не предприняли никаких усилий, чтобы снискать расположение честных жителей города или войти в их общество.

Однако есть надежда на лучшее, поскольку ярл Ульффрик не испытывает к этим низкосортным существам и толики той терпимости, какую питали его отцы. Снисходительность Хога проявляется даже на примере аргонианского населения города; но рыбо-люди по крайней мере научились приносить пользу своей новой родине. Они являют образец для подражания, со всем тщанием и неизменной улыбкой трудясь на пристанях. Темным эльфам стоило бы взять пример с их чешуйчатых собратьев. Так я считаю: либо они в скором времени начнут вносить свою лепту, либо вновь отправятся по миру в поисках крова и тепла.

Письма из Виндхельма

Письма, текст которых представлен ниже, были найдены в сейфе дома в Солитьюде, сгоревшего при пожаре в начале Третьей эры. Никто по имени, на которое были адресованы письма, в доме не жил, и остается неизвестным, как долго сейф находился у семьи. Предполагают, что письма были написаны в правление ярла Элгрира Неразумного, который правил Виндхельмом во Вторую эру и о котором почти не сохранилось записей.

Мой дорогой Фессалоний,

Надеюсь, это письмо найдет тебя в добром здравии. В городе все сложнее найти бумагу, но у меня сохранились бумажки, которые присылают налоговые агенты города. Надеюсь, тебя не смутит жилищный счет на обороте.

В Виндхельме по-прежнему холодно, но в сердце его короля еще холоднее. Каждый день под звуки веселья из дворца валит дым, а у нас почти не осталось дров и угля, чтобы бороться с холодом. Я боюсь за малышей, но они так стойко держатся, ведь они никогда и не знали иной жизни. Мы говорим о тебе каждый день и надеемся скоро приехать с тобой повидаться.

Целую,
Рейлиа

Дорогой Фессалоний,

Твое последнее сообщение успешно дошло до нас, но обещанного золота в нем не было. Когда я сказала об этом курьеру, та лишь пожала плечами и направилась к двери, не сказав больше ни слова. Мы, безусловно, рады получить от тебя весточку, однако этой женщине тебе больше не стоит доверять.

Город оцепенел от холода и безмолвия. Мы голодаем, а Неразумный не выходит к народу и не выступает с речью, никак не пытаясь поддержать свой народ. Его маг ходит в безлюдные ночные часы по улицам города и посещает дома. Я видела, как он начертил некий пугающий символ на одной двери — чернила стекали точно кровь, пока не исчезли, словно ветром сдуло. На следующее утро в доме не осталось живых. Знакомую посудомойку отправили прибрать тот дом. Она рассказывала нам с детьми ужасные вещи, но я издавляю тебя от подробностей.

Хуже всего то, что этот дом поддерживал короля. Если такое творится с его друзьями, что же ожидает нас?

Однако мне не хотелось бы отвлекать тебя от важных дел. Все мы знаем, что ты трудишься ради нашей свободы, и мы молимся о твоём успехе и скором возвращении.

С любовью,
Рейлиа

Следующее письмо было накарядано на куске ткани чем-то вроде угля.

Фесс.,

Надеюсь, ты все-таки не... [неразборчиво] ...усилия необходимы, однако нам следует терпеть в... [неразборчиво] ...может ждать скорая и ужасная кара. Если ты уже не заботишься обо мне, то подумай хотя бы о своих... [неразборчиво]... По-прежнему с любовью, Р.

Дорогой Фессалоний,

Недели проходят, а из Солитьюда так и нет вестей. Я говорю детям, что ты просто очень занят, однако становится все труднее подыскивать тебе оправдания. Если ты больше не можешь присылать денег (и я могу тебя понять, ведь теперь ввозить какую-нибудь ценную контрабанду в город — пустая затея), по крайней мере сообщай нам, что ты еще жив и трудишься во имя свободного Виндхельма.

Что касается того вопроса, который я поднимала в прошлом письме, то пусть он тебя не волнует. Учитывая, как мало у нас остается запасов еды, я просто перестала об этом волноваться.

Всегда твоя,

Рейлиа

Дорогой мой Фессалоний,

Я была рада вновь получить от тебя письмо. Прости, пожалуйста, за пустой бред измученного голодом разума. У нас уже вконец истощились запасы еды в погребе, даже при всей нашей экономии. Мое сердце кровью обливается, когда я вижу с каждым днем все более осунувшиеся лица малышей. Они хорошо держатся. Мне кажется, они заботятся обо мне даже больше, чем я о них.

Пожалуйста, возвращайся. Мне так хочется тебя увидеть.

Р.

Папа,

Мама сказала написать тебе, и мы тебя любим и скучаем. Мама много устала, но к ней много приходят, и мы ведем себя хорошо и памагаем.

С любовью,

Стессл и Шапл

Дорогой,

У меня мало времени. Город наконец-то взорвался. Ворота дворца нас не удержат. Скоро начнется штурм. Я собрала всех, кто еще стремится выжить, и мы решили взять свою судьбу в собственные руки. Надеюсь, что смогу увидеться с тобой после того, как все это закончится. Помолись за нас, как мы молились за тебя.

Твоя Рейлиа

Легкий шаг: Нордские руины Скайрима

Автор: Сигилий Юст

Древние нордские руины, повсеместно встречающиеся в Скайрime, представляют собой настоящий памятник гениальности нордов прошлого. Сооружая места последнего упокоения для своих правителей, эти “варвары”, какими мы привыкли их считать, доказали совершенно противоположное: создали такую хитроумную и изящную систему защиты, которую редко где еще можно увидеть. Усиленная ужасающими драуграми, эта защита превращает исследование гробниц нордской знати в весьма серьезное испытание.

Искатели сокровищ часто забывают о том, что гробницы изобилуют ловушками. Их неисчислимое множество — от незамысловатых камней, падающих при прикосновении к растяжке, до сложных механизмов, которые выпускают рой дротиков, когда на напольной пластине оказывается слишком большой вес. При этом значительная часть ловушек легко обходится, если вовремя заметить пусковой механизм и обойти его. Обычно эти пусковые механизмы устанавливаются скрытно, и что-то намеренно отвлекает от них внимание, поэтому никогда не торопитесь и внимательно смотрите под ноги.

Один из секретов выживания в нордских руинах — использование ловушек против местных обитателей. В большинстве случаев довольно легко заманить чудовищ прямо

к пусковому механизму в надежде, что они активируют ловушку и благополучно умрут, заодно обезвредив и ее. Особенно удобно применять этот способ, когда речь идет о масляных ловушках. Приманите свою жертву (например, скрытно выпустив стрелу) прямо в лужу с маслом, а затем выстрелите в светильник, висящий над ней. Когда светильник упадет и разобьется, масло вспыхнет — вместе с вашими противниками. Только предвзвешенно удостоверьтесь, что вы сами не стоите в той же самой луже, иначе этот фокус может завершить вашу экспедицию гораздо быстрее, чем вы рассчитывали.

Однако самые удивительные инженерные конструкции, с которыми вы можете столкнуться в руинах, предназначены не для убийства. Ваш путь часто преграждают загадки, для решения которых нужно использовать самые разные механизмы в самом разном порядке — цепи, рычаги, нажимные пластины и так далее. Ищите явные признаки таких преград: ряд рычагов, расположенный в одном месте; крутящиеся столбы, украшенные резьбой сверху донизу; или даже целые залы, чей пол состоит из одних только нажимных пластин. В большинстве случаев решение головоломки требуется отыскать методом проб и ошибок, но иногда оно скрыто где-либо в самих руинах. Потому я рекомендую постоянно вести записи и описывать все любопытные места, которые вы обнаружите.

Хотя в нордских руинах во множестве обитают злокрысы и пауки, они не идут ни в какое сравнение с могучими драуграми. Этих чудовищных живых мертвецов можно встретить едва ли не в любой гробнице, и они яростно защищают места своего упокоения. Так как драугры обычно спокойно лежат до тех пор, пока к ним не подойдут вплотную, я рекомендую следить за нишами и саркофагами, которые встретятся вам на пути. Живые мертвецы движутся очень быстро и бесшумно, поэтому всегда следите за тем, кто происходит вокруг — те останки, которые спокойно лежали на полу, когда вы проходили мимо, вдруг могут ожить и ударить вас в спину без всякого предупреждения.

Того, кто преодолел все опасности нордских руин, ждет достойная награда. Погребальные залы в больших гробницах, как показала практика, просто набиты богатствами — от обычных золотых монет до зачарованного древнего оружия или брони. Также не проходите мимо небольших церемониальных урн, которые часто можно увидеть в руинах. По обыкновению их наполняли маленькими, но ценными пожертвованиями. Также ходят слухи, что едва ли не во всех древних гробницах древние норды воздвигали большие стены, усеянные магическими письменами, но подтверждений тому пока недостаточно.

И помните: хотя данная книга может показаться вам очень подробным путеводителем по руинам, я могу с уверенностью сказать, что нам известны далеко не все те опасности, которыми полны древние сооружения нордов. Всегда помните о том, что перед походом в гробницы вам нужно как следует запастись провизией и хорошо вооружиться. Терпение, внимание и легкий шаг — эти три принципа откроют вам путь к несметным сокровищам; забудете о простейших мерах предосторожности — и станете постоянным обитателем этих руин, как и многие, кто вступал под их своды до вас.

Смерть путешественника

Когда я увидел старого аргонианина в последний раз, я был поражен тем, каким живым он выглядел, даже умирая.

— Секрет того, как остаться в живых, — сказал он, — это не бежать от опасности, а плыть ей навстречу. а застаете ее врасплох.

— Ты так добыл этот коготь? — спросил я, размахивая небольшой изящной вещицей, будто оружием. Я обнаружил коготь в его вещах, которые помогали ему распределять по наследникам. — Он тоже отойдет твоему кузену? Ныряет-Со-Дна?

Тут его рот широко раскрылся, обнажив острые зубы. Если бы мы не были знакомы так долго, я принял бы эту гримасу за злобный оскал, но я знал, что старик улыбается. Он издал несколько хриплых звуков в попытке засмеяться, но лишь надрывно закашлялся, забрызгивая простыни дурно пахнущей кровью.

— Ты знаешь, что это? — выдавил он между приступами кашля.

— Я слышал истории, — ответил я. — Как и ты. Похож на один из тех когтей, которые открывают запечатанные двери в древних криптах. Но в первый раз вижу такой своими глазами.

— Тогда тебе известно, что я завещал бы эту вещь только злейшему врагу. Отдать ее моему кузену — все равно что воодушевить его победить в один из этих курганов, чтобы его в итоге порубили драугры.

— Значит, ты хочешь отдать его мне? — пошутил я. — Где ты вообще его раздобыл?

— Мы можем находить то, что для вас навсегда утрачено. Урони что-то на дно озера — и норд никогда это больше не увидит. Удивительно, что можно отыскать на дне водоемов.

Теперь он уставился в потолок, но по тому, как стремительно подрагивали его затуманившиеся глаза, я мог понять, что он погрузился в воспоминания, а не просто рассматривает трещины в каменной кладке над нами.

— Ты когда-нибудь пробовал использовать его? — прошептал я, надеясь, что он меня услышит.

— Конечно! — ответил он неожиданно четко и ясно. Его глаза расширились и сфокусировались на мне. — Где, думаешь, я заработал вот это? — пролаял он, стягивая тунику ниже, чтобы показать мне белый шрам в форме большой звезды на правом плече. — Проклятые драугры меня одолели. Очень уж много их было.

Я почувствовал себя ужасно, так как знал, как он ненавидит рассказывать о битвах, в которых участвовал. Для него было достаточно того, что он выжил, а любые рассказы о битвах старик считал хвастовством. Несколько минут мы сидели молча, тишину нарушало только его затрудненное дыхание.

Он заговорил первым.

— Знаешь, что меня всегда удивляло? — спросил он. — Зачем они вообще вырезали эти символы.

- Что вырезали?

- Символы, дурак... посмотри на коготь.

Я перевернул коготь и, конечно, увидел гравировку. Трое животных — медведь, сова и какое-то насекомое.

- Что значат эти символы, Дирказа?

- Запечатанные двери. Мало просто иметь коготь. Двери сделаны из больших каменных кругов, которые нужно расположить так, чтобы они совпадали с символами на когте. Видно, так устроен замок. Но я не знал, зачем вообще нужны эти символы. Они же на когте. Так зачем?..

Он прервался, закашлявшись. Впервые за долгие месяцы он говорил так много, и я знал, как тяжело ему это дается. Но я понял его мысль и помог ее выразить.

- Зачем вообще придумывать код, если собираешься вырезать его на ключе?

- Именно. Но когда я истекал кровью на полу, я понял. Драугры беспощадны, но тупы. Когда я валялся у них под ногами, они продолжали бродить вокруг меня. Без всякой цели. Без направления. Натываясь друг на друга, на стены...

- И что?

- И то, что символы на дверях — вовсе не код. Просто способ обеспечить, чтобы войти внутрь могло только живое и мыслящее существо.

- Так, значит, двери...

СКАЙРИМ

- ...Служили для того, чтобы не выпускать драугров наружу. А не чтобы не пускать людей внутрь.

С этими словами он снова заснул. Проснувшись через несколько дней, он отказался разговаривать о драуграх — лишь вздрагивал и потирал плечо каждый раз, когда я упоминал о них.

Падение Саартала

Автор: Гесекф Кирирный, ученый Гильдии магов
Участник археологической экспедиции Сента Флорония

Сперва позвольте мне отметить, что уважаемый археолог, глава нашей экспедиции, решил всецело применить свои безграничные таланты к исследованию кулинарных традиций нордов начала Первой эры. Несомненно, его труды принесут Империи безграничную славу и огромную пользу, однако же по недостатку знаний я не могу принять участие в этом благородном исследовании.

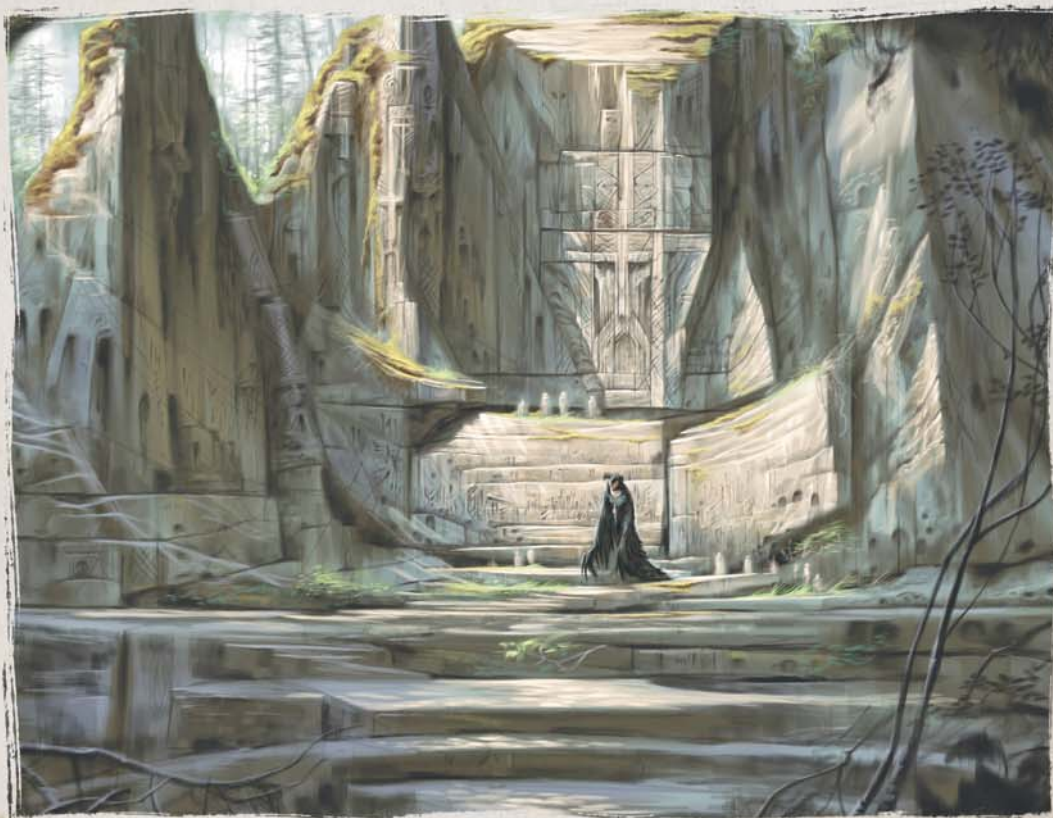
Вместо этого я решил посвятить свое свободное время, коего у меня масса, для изучения одного-единственного вопроса, известного под названием "Падение Саартала". Каждый ребенок в Империи знает, что под этим имеется в виду: первый город людей в Тамриэле был разрушен эльфами, движимыми завистью и страхом. Очевидно, что с тех пор отношения между нашими расами значительно улучшились, но, глядя собственными глазами на результаты разрушения города, я не могу не поразиться тем, какие огромные усилия затратили на это эльфы.

Первоочередной задачей, вставшей передо мной, была необходимость отделить места первоначальной застройки от тех, что были восстановлены после освобождения города Исгранором с пятью сотнями соратников. Изначально мне приходилось часто обращаться к уважаемому Флоронию за советом, но со временем я самостоятельно научился видеть различия в архитектуре и возрасте построек. И я был крайне удивлен, когда обнаружил, что первоначальная застройка сохранилась практически нетронутой во многих, очень многих районах города. Очевидно, люди приложили массу усилий, чтобы восстановить город после того, как эльфы сожгли его дотла, но, полагаю, меры явно недооценили прочность нордских зданий.

По крайней мере так я думал поначалу — возможно, ослепленный гордостью за достижения своих далеких предков, или же просто по неопытности. Но что-то не давало мне покоя. Я неоднократно пытался спросить совета у куда более сведущего и опытного археолога, но эти попытки не увенчались успехом — наши беседы в итоге сводились к лекциям о том, как часто и как именно обитатели Саартала принимали ванны или сколько комнатных растений обычно имелось в тех или иных домах. Мне ничего не оставалось, как положиться лишь на собственные зачаточные навыки наблюдения и дедукции.

Поэтому на данный момент я не могу представить каких-либо убедительных выводов. С уверенностью можно сказать лишь то, что штурм Саартала был очень сильно сконцентрированным, при этом картина разрушений никак не коррелирует ни со стратегическими точками, ни с оборонительными сооружениями города. Хотя уважаемый Сент Флороний пока не имел возможности оценить ход моих мыслей — как и проявить хоть какой-то интерес к ним — я склонен предполагать, что, во-первых, эльфы прекрасно знали схему города, а во-вторых, нападавшие четко следовали какому-то очень конкретному приказу — возможно, им вообще была поставлена задача уничтожить что-то одно.

Я продолжу свои скромные исследования, когда позволит время.

Малый лабиринт: Шалидор и Лабиринтиан

Свою недобрую славу Лабиринтиан получил в начале Третьей эры. Именно оттуда была добыта часть Посоха Хаоса, благодаря которому удалось свергнуть Джагара Тарна и положить конец эпохе Имперского Симулякра. С тех пор название этого места закрепилось в умах всех жителей Империи, и руины Лабиринтиана время от времени посещали верноподданные, в своем паломничестве повторявшие путь Вечного Чемпиона.

При этом, однако, немногим известно о том, как именно было образовано это название — Лабиринтиан.

Когда-то эти мрачные, зловещие руины служили храмом, в котором поклонялись драконам. Постепенно вокруг храма образовался большой город, названный Бромьунар. Некоторые исследователи полагают, что Бромьунар был столицей Скай-рима во времена наивысшего расцвета Культа драконов. До нас дошло слишком мало записей той эпохи, чтобы подтвердить или опровергнуть это утверждение, но точно известно, что верховные жрецы Культа собирались в Лабиринтиане, чтобы обсудить ключевые вопросы правления.

Однако с упадком Культа драконов Бромьунар был заброшен. Многие годы руины Лабиринтиана лежали покинутыми — медленно рассыпающимся в прах напоминанием о темном периоде нордской истории. Так было, пока Шалидор не нашел новое предназначение этому месту.

Архимаг Первой эры Шалидор известен своими подвигами. Ему посвящено множество легенд, в которых он то в одиночку сражается с легионами джемеров, то полностью отстраивает Винтерхолд одним заклинанием, произнесенным шепотом, или крадет у Акатоша секрет жизни, или же собственноручно строит Лабиринтиан.

И хотя многие истории, посвященные Шалидору — не более чем преувеличения или откровенные небылицы, известно наверняка, что Шалидор действительно имел некое отношение к отстройке Лабиринтиана.

Шалидор стоял в первых рядах движения, главной целью которого было повысить образованность магов и препятствовать использованию магии рядовыми жителями. В некоторой степени заслугой этого движения стало изначальное деление магии по школам, а также основание Коллегии в Винтерхолде.

В соответствии со своими убеждениями Шалидор отстроил глубоко под руинами Бромьунара особый лабиринт, призванный служить испытанием для претендентов на пост архимага. И хотя путешествие по разрушенному городу формально не входило в испытание, многие погибали в пути. Шалидор ценил не только академические знания, но и практические навыки, и чтобы просто добраться до лабиринта, требовались как раз они.

Лабиринтиан Шалидора на самом деле представляет собой два лабиринта, соединенных между собой в форме песочных часов. Ни один из лабиринтов нельзя пройти, не пройдя и другой, что делает единственное уцелевшее до наших дней указание, связанное с Лабиринтианом, особенно загадочным:

Войдя дважды — Выйди лишь единожды
Изменение приведет
тебя к Разрушению
Лишь Иллюзии укажут
дорогу к Восстановлению
Не прибегай к Призыву,
но прими призыв

Нам остается только гадать, в чем же состоит испытание и как его можно пройти. Ведь Лабиринтиан обрел столь зловещую репутацию не только из-за большого количества погибших там потенциальных архимагов, но и из-за крайней скрытности тех, кто прошел испытание.

В конце концов использование Лабиринтиана сошло на нет, и теперь для современных магических организаций он является не более чем символом прошлой, более жестокой эпохи. Руины вновь пусты, путешественники избегают приближаться к ним, лишь птицы гнездятся в них и дикие животные укрываются от непогоды. Однако долгая история и наследие этого места, похоже, имеют те же шансы стереться у нас из памяти, как сами его руины — скрыться под морской водой.

Страж и Предатель

Автор: Люциус Галлус
Член Имперской библиотеки

3Э 376-й

Одна из самых завораживающих легенд острова Солстхейм — это история о мифической личности, чьё имя давно забыто, а время сохранило лишь прозвище “Предатель”.

Очевидно, что этот миф уходит корнями в реальную историю, которую я и намерен изучить и, по возможности, составить предварительную картину событий, лёгших в основу легенды.

Это предание лучше всего знают шаманы скаалов, нордского племени, чья культура развивалась совершенно иначе, чем у их родичей в Скайрима.

Я долго говорил с шаманом деревни Скаалов, мудрым и отзывчивым человеком по имени Брейг Зимняя Луна. Он сказал, что те события происходили давным-давно, когда целым миром правили драконы, и люди поклонялись им как богам. Главными служителями культа были драконьи жрецы, могущественные маги, которые умели говорить на языке драконов и пользоваться силой ту’ума, или Голоса.

По легенде, одного такого драконьего жреца соблазнил тёмный дух по имени Херма-Мора, очевидно, скаальский аналог даэдрического принца Хермеуса Мори. Привлечённый обещанием могущества, жрец-предатель тайно замыслил недоброе против своих повелителей-драконов.

Заговор Предателя был раскрыт одним из его товарищей, другим драконьим жрецом, которого история называет Стражем. Те двое сошлись в жестокой битве, которая длилась много дней, оба использовали друг против друга могущественные магические потоки и соревновались в силе ту’ума.

Столь велики и страшны были силы, высвобожденные в этом поединке, что Солстхейм оторвался от материка и оказался отделён от Скайрима. Здесь миф явно отходит от реальности в область чистой фантазии.

Страж, которого история рисует образцом верности и благородства, в конце концов одолел отвратительного Предателя, который, по-видимому, представляет всё, что есть испорченного и злонравного в человечестве. Эта эпическая дуэль, очевидно, образно представляет великое противостояние добра и зла. Возможно, неиссякаемый интерес к этому противостоянию позволил легенде пройти через века.

В отличие от других подобных мифов, в сказании о Страже и Предателе нет счастливого героического финала. Херма-Мора уносит Предателя восвояси ровно в тот момент, когда Страж собирается нанести последний смертельный удар.

Драконы назначили Стража правителем Солстхейма, взяв с него предварительную клятву, что он будет зорко следить, не вернётся ли обратно Предатель. По всем

свидетельствам, правление Стража было временем мира и процветания для островного народа, и его запомнили как мудрого и справедливого владыку.

О Предателе больше не упоминается, но и не говорится, что он погиб. Легенда оканчивается предупреждением, что люди Солстхейма, наследники Стража, должны оставаться бдительными, иначе может наступить день, когда они попадут под тёмное влияние Хермы-Моры или даже самого Предателя.

Хотя нет доказательств, что на Солстхейме существовал драконий культ, трудно представить, что он мог некогда процветать здесь. Возможно, какая-нибудь хорошо спрятанная гробница всё ещё ждёт, чтобы её открыли и пролили свет на эту историю. Имеются и другие весьма соблазнительные гипотезы, хотя они и находятся на грани возможного. Например, не может ли быть, что божество скаалов, Все-Создатель, есть некое отдаленное подобие могучего Алдуина, Пожирателя Мира из древнего пантеона нордов?

Возможно, это и не так, но одна вещь ясна: история Солстхейма полна вопросов, на которые пока нет ответов. Может, следующим поколениям удастся снять покров тайны и открыть правду о происхождении скаалов и личностях Стража и Предателя.

МОРРОВИНД

Краткая история Морровинда

Автор: Жанетта Ситт

Из вступления

Ведомые легендарным пророком Велотом, на землю Морровинда пришли предки данмеров, покинув своих сородичей, известных ныне как альтмеры островов Саммерсет. В древние времена данмеров притесняли, а порой и подчиняли себе морские разбойники — норды. Когда же разрозненные племена темных эльфов объединились, сформировав прообразы нынешних Великих Домов, они сбросили с себя гнет нордов и оградил себя от дальнейших набегов.

Со временем на смену древнему племенному поклонению предкам пришла теократия Храма Трибунала, и государство данмеров прославилось под именем Ресдайн. Ресдайн стал последней провинцией, подчинившейся Тайберу Септиму, — завоевательная кампания, как и в случае с Чернотопьем, не возымела здесь успеха, и в состав Империи страна вошла в результате дипломатического соглашения, став имперской провинцией Морровинд.

И теперь, спустя почти четыре века после появления имперских легионов, они по-прежнему расквартированы в Морровинде. В стране царствует марионеточный имперский король, однако большую часть функций традиционного местного управления Империя оставила за правящими советами Пяти Великих Домов.

Об округе Вварденфелл

В 3Э 414 территория Вварденфелла, до этого бывшая закрытым владением Храма под покровительством Империи, была реорганизована в Имперский провинциальный округ. Вварденфелл пребывал в статусе закрытого владения под управлением Храма со времен Соглашения о перемирии и, если не брать в счет несколько санкционированных Храмом поселений Великих Домов, оставался безлюдной и неразвитой территорией. Когда же указом короля Морровинда был снят вековой храмовый запрет на торговлю и поселение на Вварденфелле, на остров хлынул поток имперских колонистов и данмеров Великих Домов. Старые города расширялись, строились новые.

Новый регион был разделен на округа Редоран, Хлаалу, Телванни и Храмовый, каждым из которых управляли местные советы Домов или священники Храма, под надзором и с одобрения герцога Дрена и Окружного совета в Эбонхарте. Местные законы стали смесью законов Домов и имперских законов, а за их соблюдением совместно следят стражи Домов и охранники Легиона, в Храмовом же округе надзор за соблюдением законов Храма и Империи проводят ординаторы. Храм по-прежнему остался главенствующей религией, однако почитание Девяти божеств пользуется покровительством Легиона и поощряется миссионерами Имперского культа.

В Храмовый округ вошли город Вивек, крепость Призрачные Врата, все как священные, так и нечестивые места (в том числе пораженные мором земли внутри При-

зрачного Предела), а также все незаселенные и дикие местности Вварденфелла. Фактически в этот округ вошли все земли Вварденфелла, не вошедшие в округа Редоран, Хлаалу и Телванни. Храм упорно сопротивлялся какому бы то ни было развитию в своем округе и весьма в этом преуспел.

Дом Хлаалу, объединившись с имперскими колонистами, рьяно принялся за заселение и развитие. На протяжении десятков лет, следовавших за изменением статуса Вварденфелла, Балмора и поселения в регионе Аскадианских островов постоянно росли. Образовались новые города — Кальдера и Пелагиад, а форты Легиона были расширены, чтобы вместить ставшие многочисленными гарнизоны.

Дом Телванни, которому обычно свойственны консерватизм и изоляционизм, с неожиданной для него агрессивностью взялся за расширение своих владений за пределы традиционных поселений при башнях. Невзирая на протесты со стороны других Домов, Храма, герцога и Окружного совета, первопроходцы Телванни продолжали вторгаться в дикие земли, закрепленные за Храмом. Совет Телванни официально отстраняется от ответственности за эти самовольные поселения Телванни, но ни для кого не секрет, что честолюбивые маги-лорды Телванни поощряют и поддерживают подобные действия.

Под давлением Храма консервативный Дом Редоран с твердостью пресекал расширение в собственном округе. В результате Дом Редоран и Храм находятся под угрозой политической и экономической изоляции со стороны более агрессивных и склонных к экспансии Хлаалу и Телванни.

Имперская администрация испытывает немало трудностей в округе Вварденфелл, самые серьезные из которых — противоборство между Великими Домами, враждебность кочевников-эшлендеров, внутривхрамовые конфликты и мор, идущий с Красной Горы. Противостояние интересов Великих Домов, Храма и Империи в погоне за ресурсами Вварденфелла может в любой момент вырасти в полномасштабную войну. Эшлендеры совершают набеги на поселения, грабят караваны и убивают чужеземцев, ступивших на их дикие земли. Храм безуспешно пытается заглушить критику и призывы к реформам в собственных рядах.

Однако самое тревожное — болезни, порожденные моровыми бурями с Красной Горы, и толпы разносчиков заразы. Над Вварденфеллом и всем Морровиндом уже давно нависла угроза — легендарный Дагот Ур и его сородичи, пепельные вампиры, угнездившиеся под Красной Горой. На протяжении веков Храм сдерживал ее за стенами Призрачного Предела. Однако за последнее время ресурсы Храма иссякли, и эта угроза напоминает о себе все чаще и явственнее. Если Призрачный Предел падет и полчища моровых тварей заполонят города и веси Вварденфелла, у Империи не останется иного выхода, кроме как эвакуировать округ Вварденфелл, бросив проклятые земли на волю судьбы.

Красный год

Автор: Мелис Равел

Том I

Предисловие

Задумав написать отчёт о Красном годе, я решил отправиться в путешествие по Морровинду и расспросить самих данмеров. Я хотел получить свидетельства и личные впечатления очевидцев тех катастрофических явлений. Я подумал, что недостаточно провести исследование, сидя в библиотеке Винтерхолдской Коллегии, что тогда я не смогу рассказать ту историю, какую следовало бы. Что поразило меня, когда я путешествовал из города в город, из деревни в деревню, из лагеря в лагерь, так это то, что в один голос все тёмные эльфы, которых я встречал, рассказывали о настоящем мужестве и непоколебимой вере. Таким образом летопись одного из наиболее тяжёлых событий в истории Морровинда превратилась в нечто совсем иное — оду народу, который никогда не сдаётся.

Дролин Весс.

Тир

Земля... вдруг превратилась в трясину. Ничто не предвещало этого. Я имею в виду, мы были примерно... в миле от ближайшего болота. Как будто болото вмиг поглотило половину города.

Я попросил его описать, что случилось, с самого начала.

В то время у меня была ферма совсем недалеко от Тира. Мы готовились к посадке семян на следующий сезон и собирались складировать урожай, который собрали. Всё шло хорошо, пока не взорвалась Красная гора. Мгновенно земля загудела и задрожала. Везде начали образовываться трещины, а затем сквозь них начала просачиваться вода. Это было ужасно. Буквально через несколько часов я уже бежал по колено в воде, спасая свою жизнь. Бежал, куда глаза глядят. Сначала я направился к городу, но похоже было, что стены не выдерживают и рушатся. Везде вокруг меня люди в отчаянии пытались спасти свои семьи и домашний скот от поднимающейся воды. Когда земля наконец перестала ходить ходуном под ногами, и я попытался остановиться и прийти в себя, раздался ужасный треск. Я никогда не забуду его, потому что догадался, что он означал, ещё до того как посмотрел. Вся южная стена Тира рухнула, увлекая стоявших на ней стражников в болото. Я слышал крики людей, попавших под завал и тонущих в воде. Я взглянул на моих товарищей-фермеров, они все стояли, уставившись на чудовищную картину, разворачивающуюся перед нашими глазами. Внезапно мы словно все разом забыли о своих проблемах и бросились на помощь. Должно быть,

сотни бедняков, живших за стенами Тира, бросились помочь своим более зажиточным собратьям-горожанам. Никогда не видел ничего подобного. Думаю, нам удалось спасти сотни жизней.

Нерия Релетил.

Гнусис

Нерия получила ужасные ожоги во время извержения и с трудом может разговаривать. Она до сих пор, хоть прошли годы, лечится в храме Азуры в Блэклайте. Я попытался записать её рассказ.

Это было так ужасно... огонь. Он сжигал всё на своем пути. Он смёл деревья, спалил наши хижины, как щепки, опрокинул башни, будто они были думажными. Всё случилось мгновенно. Гудящий звук, потом огромная стена пламени... она была такой высокой, что заслонила солнце. Я подумала, что весь мир раскололся. Огонь дошёл до воды и превратил её в пар... иссушая всё, чего касался. Когда пламя дошло до нас, меня сбilo с ног и отшвырнуло... не было даже времени убежать или где-то спрятаться. Я оказалась в ложе реки близ города, это немного ослабило жар. Всё вокруг... я чувствовала запах горелой плоти, запах смерти. Я видела сгоревших заживо данмеров, которые, наверное, даже не поняли, что их убило. Я пролежала на илистом дне два дня, пока меня не нашли целители. Когда я смогла встать на ноги, выяснилось, что Гнусиса больше нет. Ничего не осталось... будто его стерли с карты Тамриэля.

Том I I Предисловие

Задумав написать отчёт о Красном годе, я решил отправиться в путешествие по Морровинду и расспросить самих данмеров. Я хотел получить свидетельства и личные впечатления очевидцев тех катастрофических явлений. Я подумал, что недостаточно провести исследование, сидя в библиотеке Винтерхолдской Коллегии, что тогда я не смогу рассказать ту историю, какую следовало бы. Что поразило меня, когда я путешествовал из города в город, из деревни в деревню, из лагеря в лагерь, так это то, что в один голос все тёмные эльфы, которых я встречал, рассказывали о настоящем мужестве и непоколебимой вере. Таким образом летопись одного из наиболее тяжёлых событий в истории Морровинда превратилась в нечто совсем иное — оду народу, который никогда не сдаётся.

Салдус Ллерву.

Город Вивек

Тогда я был торговцем. Продал товары и возвращался с вьючным гуаром из Вивека в Нарсис. Я шёл по южной дороге, когда случилась престранная вещь. Все звуки вокруг меня замерли... обычно, когда идёшь, слышно, как ветер шевелит кроны деревьев. А тут наступила полная тишина. Я ощутил какое-то покалывание во всём теле, а гуар начал крутиться на месте. Что бы это ни было, оно сводило его с ума. Пока я пытался привести его в чувство, в центре города произошёл страшный взрыв. Я успел увидеть, как разрушаются кантоны, затем меня сбilo с ног. Потом, я помню, начала содрогаться земля. Это длилось до-

вольно долго, и впечатление было, что колебания движутся к центру Вварденфелла. Через несколько минут произошло извержение Красной горы, и к небу взметнулась огромная огненная туча. Мой выючный гуар давно уже убежал, и я решил, что пора последовать его примеру. Я не останавливался, пока не добежал до Нарсиса.

Я спросил его, знает ли он, что произошло с городом Вивек, но он не знал.

Много позже я услышал, что Министерство правды упало в самом центре города. Но я знаю наверняка, что в тот день лишились жизни многие данмеры и что города Вивек больше не существует.

Дерос Дрэн.

Морнхолд

Красный год не сильно повлиял на сам Морнхолд, но затронул большинство из тех, кто там жил. У многих были родственники на Вварденфелле, и с первого дня после извержения стали поступать свидетельства об опустошительных разрушениях в Вивеке, Садрит Море, Балморе и Альд'руне. Думаю, не было и ночи, когда не было слышно чьих-то горьких рыданий — и так в течение месяцев. Это было очень тяжёлое время для всех нас.

Я спросил его, был ли нанесён ущерб Морнхолду в Красном году.

Не знаю почему, но, похоже, разрушения нас минули. Некоторые данмеры утверждали, что Трибунал присмотрел за нами, другие, напротив, говорили, что во всём следует винить Трибунал. Я сам видел, как такие споры приводили к потасовкам. Странное было время.

Интересен ответ Дероса на вопрос о роли Морнхолда во время Красного года.

Спасательные работы начались примерно через месяц после извержения. На деле указания поступили от советника Дома Редоран, который в то время жил в Морнхолде. Я не помню его имени, но именно он взял ситуацию под контроль и послал солдат, снабженцев и всех физически годных данмеров в поселения, которые пострадали больше всего. Меня командировали в Балмору. Там ужас что творилось, не осталось практически ни одной постройки. Я провёл там порядка двух месяцев, помогая своим соплеменникам встать на ноги и отстроить город заново. Началось всё, как тяжкая повинность, а в результате оказалось лучшим из того, что я делал в жизни. Дружба, зародившаяся тогда, длится по сей день, и тому времени я обязан знакомством со своей любимой женой.

История Вороньей Скалы

Автор: Лайрин Теллено

Том I

Предисловие

Воронью Скалу можно назвать одной из самых интересных колоний Морровинда за последние двести лет. За короткий отрезок времени в этом крошечном городке произошло множество событий, повлиявших на множество судеб, и я решила, что просто обязана описать его историю в этих томах. Исследование заняло почти три года, которые я провела в Вороньей Скале, и принесло мне множество друзей среди моих соплеменников, данмеров, которые называют это поселение своим домом. Надеюсь, мои читатели оценят их выносливость и стойкость, нужные, чтобы жить на такой негостеприимной и далекой от цивилизации земле.

Воронья Скала как поселение была основана в 3Э 427 Восточной имперской компанией в связи с тем, что на южной оконечности острова Солстхейм нашли богатую эбонитом жилу. Строительство городка заняло несколько месяцев, сразу по его окончании заработала шахта, эбонитовую руду доставляли в Виндхельм в Скайрине. К 3Э 432 в городке числилось более тридцати человек, все они так или иначе работали на шахте. В то время практически все жители Вороньей Скалы были имперцами, компанию им составляли несколько нордов, привлечённых сюда богатством шахты.

В 3Э 433 разразился Кризис Обливиона, но силы Мерунеса Дагона прошли вдалеке от Вороньей Скалы, и работа там по-прежнему продолжалась. Основная часть имперских сил, расквартированных в Вороньей Скале, была отозвана в Сиродил для борьбы с вторжением, но несколько солдат остались для защиты месторождения эбонита от разбойников. Неизвестно, открывались ли вообще врата Обливиона на Солстхейме, письменных свидетельств таких фактов не нашлось.

В первый год Четвёртой эры, после разрушения Альд'руна, многие данмерские Великие Дома выслали небольшие группы на поиски мест, где можно основать новые поселения. Группу Дома Редоран вела брара Морвейн, она сразу направилась на Солстхейм. После недолгих переговоров с Восточной имперской компанией (как говорят, в процессе немало монет перешло из рук в руки) группе брары было разрешено поселиться в Вороньей Скале, где они вскоре влились в местное шахтёрское сообщество. Данмеры показали себя усердными и ловкими работниками во всем, что касалось добычи руды, и произвели хорошее впечатление на руководство Восточной имперской компании, что укрепило их отношения.

И всё шло хорошо, пока в один роковой день 5-го года Четвёртой эры не произошло извержение Красной горы, сопровождавшееся страшным взрывом, про-

несшимся над морем Призраков и обрушившимся со всей неистовой силой на Солстхейм. Ударная волна нанесла огромные повреждения Вороньей Скале, развалив несколько каменных строений и сравняв с землёй большую часть деревянных. Как ни удивительно, шахта вновь явилась благословением для городка, поскольку в момент катастрофы основная часть жителей находилась под землей, что защитило их от удара стихии. Однако сие событие не прошло бесследно. Воронья Скала полагалась на защиту форта Морозного Мотылька, но извержение, можно сказать, стёрло его с лица земли. Несколько выживших солдат обосновались в Вороньей Скале и попытались создать здесь временный гарнизон, но силы его были слишком малы, чтобы обороняться от потенциальных опасностей, угрожавших городу. Чтобы закрыть эту брешь, Брара, с позволения Восточной имперской компании, привела в город небольшой отряд элитной гвардии Дома Редоран. Стражники Дома оказались идеальной заменой имперским солдатам и с тех самых пор охраняют поселение.

Том II

Спустя несколько лет непрекращающиеся выдросы пепла из Красной Горы превратили южную часть Солстхейма в пустошь, подобную Вварденфеллской. В результате штормов повсюду образовывались пепельные дюны, что могло бы сделать жизнь в Вороньей Скале и вовсе невыносимой. Чтобы предотвратить их продвижение, Брара Морвейн предложила Восточной имперской компании построить большую стену по её собственному проекту. Сооружение должно было оградить восточную часть поселения. Компания немедленно согласилась и предоставила необходимые средства. Примерно через год постройка была закончена, огромный вал назвали "Бастион". Задумка удалась, теперь ничто не мешало добыче руды на шахте.

В 4Э 16, когда Солстхейм перешёл в руки тёмных эльфов, Восточная имперская компания была вынуждена передать контроль над Вороньей Скалой Дому Редоран. Совет незамедлительно назначил брару Морвейн новым советником и главой города и позволил ей управлять Солстхеймом, как она сочтёт нужным. В результате перехода власти практически всё имперское население покинуло Воронью Скалу и вернулось в Сиродил. Брара продолжила помогать данмерам, выразившим желание осесть на Солстхейме. Некоторые решили остаться в Вороньей Скале и работать на шахте, другие предпочли привычное окружение и кочевую жизнь на пепельных пустошах.

Следующие несколько десятилетий можно назвать “золотым веком” Вороньей Скалы. Брара Морвейн обеспечивала мир и спокойствие, в шахтах добывали огромные количества эбонита, и данмеры, жившие на острове, были счастливы. Этот период процветания длился почти пятьдесят лет, но в 4Э 65 возраст взял своё, и брара покинула этот мир. Она была похоронена в семейной гробнице, а бразды правления перешли к её сыну, Ллерилу Морвейну. Те, кто жил в Вороньей Скале при советнике браре, с удовлетворением отметили, что Ллерил унаследовал от матери качества разумного правителя. Он был честен и отзывчив, и люди на острове жили счастливо в течение многих лет.

Том III

Всё в Вороньей Скале шло хорошо, пока в 4Э 95 неожиданно не было совершено покушение на жизнь Ллерила. К счастью, благодаря сноровке Редоранской стражи, попытка закончилась ничем. После допроса, проведенного капитаном Моудином Велетом, выяснилось, что подосланным убийцей был Вилур Улен из Дома Хлаалу. Дом Хлаалу был на ножах с Домом Редоран все годы после исключения Хлаалу из Совета Великих Домов. Последние были убеждены, что причиной изменений были происки Редорана, с тех пор и возникла вражда. Покушение на жизнь Ллерила должно было послужить посланием Совету, говорившим о том, что Дом Редоран не только не могущественен, но слаб и уязвим. Редоранская стража продолжила расследование и выяснила, что Вилур желал организовать переворот в Вороньей Скале с целью вырвать из рук Ллерила контроль над островом. Вилур и другие заговорщики были казнены, и переворот предотвращён.

События последнего времени укрепили уважение данмеров к Ллерилу Морвейну. В 4Э 130 Бастион стал показывать признаки старения, возникла угроза обрушения. Советник отремонтировал сооружение за собственный счёт. Когда в 4Э 150 на острове высадился отряд аргониан, желавших учинить беспорядки на Солстхейме, советник Морвейн лично возглавил поход и отразил вторжение. А когда в 4Э 170 эбонитовая жила начала иссякать, Ллерил пустил остатки собственных денег на то, чтобы накормить людей.

К 4Э 181 залежи эбонита полностью истощились, и Ллерил приказал закрыть шахту. Теперь основными занятиями в Вороньей Скале стали охота и рыболовство. Несколько данмерских семей покинули Солстхейм и вернулись на материк, но большинство осталось.

В настоящее время Ллерил Морвейн по-прежнему правит Вороньей Скалой. Редоранская стража продолжает охранять порядок внутри города и в его окрест-

ностях, обеспечивая безопасность и спокойствие жителям Вороньей Скалы. Если до ушей Ллерила доходит даже малейший слух о возможной сваре, он немедленно её пресекает. Он прекрасно понимает, что среди жителей города могли остаться несколько приверженцев Хлаалу, которые желают ему смерти. Будущее может оказаться не столь светлым для Вороньей Скалы, но дух её обитателей не сломить.

ДРАКОНЫ

Таинственный Акавир

Акавир означает "Земля Драконов". Тамриэль означает "Краса Рассвета". Атмора означает "Старый Лес". И только редгарды знают, что означает Йокуда.

Акавир — это царство зверей. Ни люди, ни меры не живут в Акавире, хотя люди когда-то жили. Однако этих людей давно пожрал вампирский змеиный народ цаэски. А если бы их не съели, то эти люди рано или поздно перебрались бы в Тамриэль. Норды же покинули Атмору ради Тамриэля. А еще раньше эльфры перешли в Тамриэль из Альдмерис. А редгарды даже разрушили Йокуду, чтобы отправиться в путь. Все люди и меры знают, что Тамриэль — ядро творения. Здесь случится Последняя война, сюда боги низвергли Лорхана и оставили свою Адамантиновую Башню с секретами. Кто знает, что акавиры думают о Тамриэле, но сами себя спросите: а зачем они пытались вторгнуться в него три раза, а то и больше?

В Акавире живут четыре больших народа: камаль, цаэски, танг-мо и ка-по-тун. Когда они не слишком заняты вторжением в Тамриэль, то дерутся между собой.

Камаль — это "Снежный Ад". Там живут демоны, целые воинства. Каждое лето они начинают таять от жары и вторгаются в Танг-Мо, но храбрый обезьяний народ непременно выдворяет их обратно. Однажды Ада-Сум Дир-Камаль, царь среди демонов, пытался завоевать Морровинд, но Альналексия и Подземный Король разбили его на Красной горе.

Цаэски означает "Змеиный Дворец", и они были когда-то главной силой Акавира (пока не пришел Тигродракон). Змеиный народ давно пожрал всех людей Акавира, и оттого, видимо, отчасти приобрел их обличие. Они высокие, красивые (хотя и страшные), покрыты золотой чешуей и бессмертны. Они поработили гоблинов с окрестных островов, те работают на них и дают свежую кровь. Владения цаэски раскинулись широко. Когда тамриэльцы думают о коренном народе Акавира, они думают именно о змеином народе, ибо один из них правил Сиродильской империей целых четыре столетия в прошлой эре. Это был потентат Версидью-Шайе, убитый Мораг Тонг.

Танг-Мо означает "Острова Тысячи Обезьян". У обезьяньего народа много племен, но все они добры, отважны и простодушны (хотя многие к тому же и безумны). Когда нужно, они собирают огромные армии, поскольку все прочие народы Акавира время от времени пытаются их покорить. Они никак не могут определиться, кого ненавидят больше: змей или демонов, хотя, вероятно, змей все-таки больше. Когда-то обезьяний народ был заклятым врагом тигриного народа ка-по-тун, теперь же они союзники.

Ка-По-Тун означает "Империя Тигродракона". Этим кошачьим народом правит божественный Тош Рака, Тигродракон. Сейчас у них великая империя, сильнее, чем у цаэски (только не на море). После того, как змеиный народ сожрал всех людей, они пытались перейти на драконов. Им удалось покорить

красных драконов, но на выручку По-Туну прилетели черные. Разразилась ужасная война, ослабившая и кошек, и змей, а драконы погибли все. С той поры кошачий народ пытается стать драконами. Тош Рака — первый, кому это удалось. Это самый крупный дракон в мире, оранжево-черный, и у него очень много новых идей.

“Сначала, — говорит Тош Рака, — мы должны истребить всех вампирских змей”. А затем император Тигродракон намерен вторгнуться в Тамриэль.

О Драконорождённых

Автор: Приор Эмелин Мадрин
Орден Талоса Приорат Вейнон

360 год Третьей эры,
правления же Его Величества Пелагия IV двадцать первый

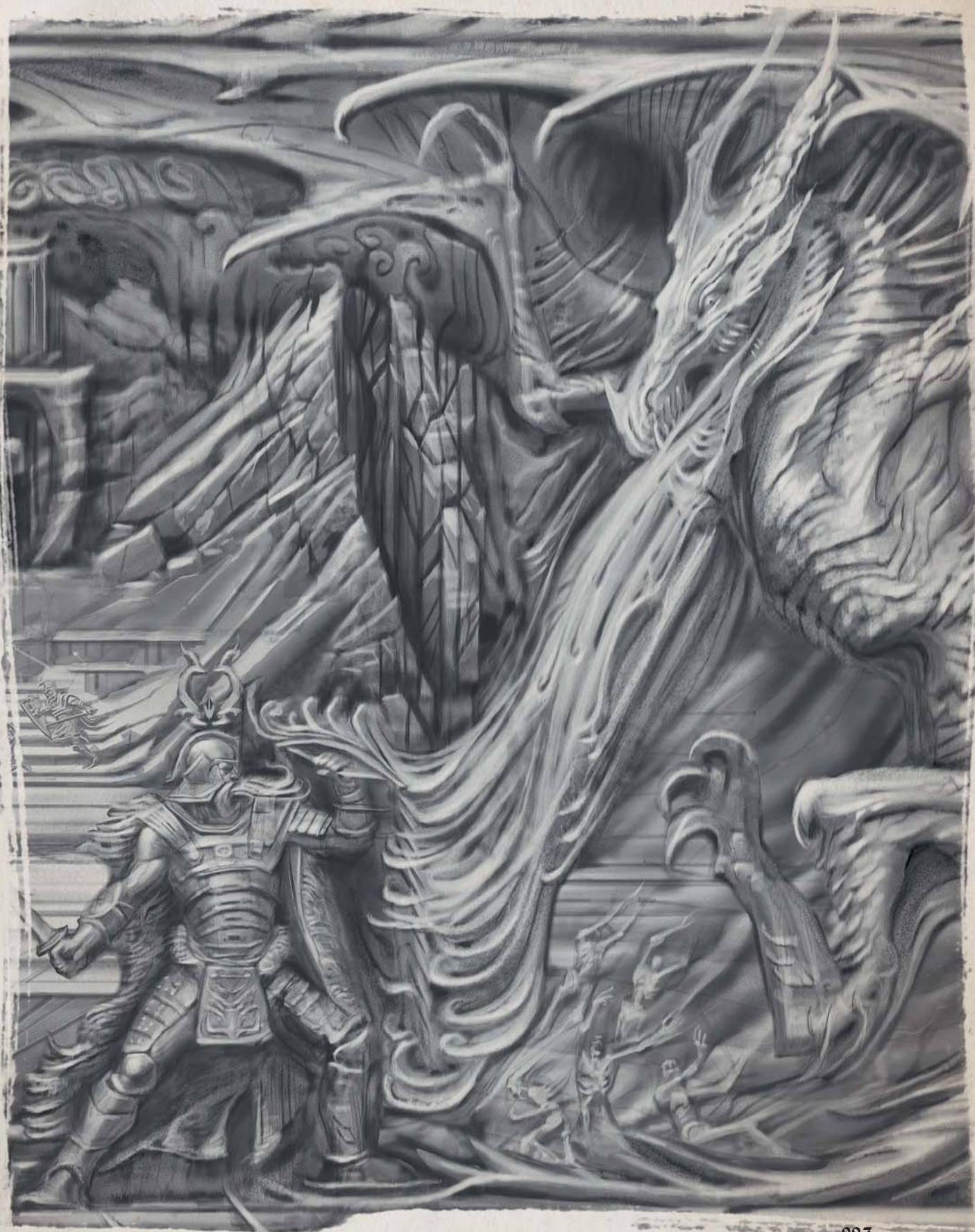
Многие слышали термин “Драконорождённый” — конечно, ведь нами правят “Драконорождённые Императоры” — однако его смысл мало кто понимает полностью. Нам, членам Ордена Талоса, эта тема близка и дорога, и в этой книге я попытаюсь осветить историю и значение тех, кого с древних времен величали Драконорождёнными.

Большинство ученых сходятся во мнении, что термин был впервые употреблен в связи с Заветом Акатоша, когда Святая Алессия получила Амулет Королей и впервые зажглись Драконьи огни в Храме Единобожия. “Акатош призрел на бедствия людей и исторг бесценную кровь из собственного сердца, и благословил Святую Алессию сей кровью Драконов, и поставил Завет в том, что доколе потомки Алессии будут верны драконьей крови, Акатош будет удерживать печать на Вратах Обливиона и отрешит армии даэдра и нежити от врагов их айлейдов, чтящих даэдра”. Тех, кого Акатош благословил “кровью драконов”, стали называть Драконорождёнными.

Таким образом, связь с правителями Империи имела с самого начала — только обладающие драконьей кровью могли носить Амулет Королей и возжигать Драконьи огни. Все законные правители Империи были Драконорождёнными: Императоры и Императрицы первой Сиродильской империи, основанной Алессией; Реман Сиродил и его наследники; и, разумеется, Тайбер Септим и его наследники, вплоть до нашего правящего Императора, Его Величества Пелагия Септима IV.

Из-за этой ассоциации с Императорами, однако, другое качество Драконорождённых отошло в тень и было практически позабыто всеми, кроме ученых и нас, посвятивших себя служению благословенному Талосу, коим стал Тайбер Септим. Лишь немногие понимают, что Драконорождёнными не становятся лишь по праву рождения — поскольку речь идет о благословении Самого Акатоша, мы не способны до конца постигнуть, как и почему оно даруется. Тех, кто становится Императором и зажигает Драконьи огни, следует без сомнений считать Драконорождёнными — Амулет на их груди и зажженные огни служат тому доказательствами. Но потому ли они могли это совершать, что уже являлись Драконорождёнными, или сам этот акт являлся знамением, что на них снизошло благословение Акатоша? Мы можем лишь сказать, что все это так и не так одновременно — сие есть божественное таинство.

Конечно, в династии Септимов все были Драконорождёнными, что и сделало столь распространенным упрощенное понятие о том, что ими становятся по наследству. Но нам точно известно, что не все древние правители Сиродила были в родстве друг с другом. Не существует также подтверждений, что Реман Сиродил

происходил от Алессии, хотя об этом гласят многие легенды, большая часть которых возникла в эпоху Ремана — скорее всего, как попытка узаконить его правление. Нам известно, что Клинки, которых принято считать телохранителями Императора, происходят от акавирских крестоносцев, по непонятной причине вторгшихся в Тамриэль в конце Первой эры. По-видимому, они искали Драконорождённого — об этом свидетельствуют события в Белом Проходе. И те же акавирыцы стали первыми, кто объявил Ремана Сиродила Драконорождённым. В целом именно акавирыцы старались утвердить за ним статус Императора (хотя сам Реман за всю свою жизнь так и не принял этого титула). Также, разумеется, неизвестно и о каких-либо родственных связях между Тайбером Септимом и предыдущими Драконорождёнными правителями Тамриэля.

Может ли одновременно быть более одного Драконорождённого — ещё одна загадка. Императоры старались всеми силами исключить подобную мысль, но, конечно, принцип престолонаследия предполагает одновременное существование как минимум двух, если не больше, вероятных Драконорождённых — правящего монарха и его или её наследников. История Клинков также имеет на то указания. Хотя об их деятельности в период Междуцарствия, что продлился с падения Реманской империи до возвышения Тайбера Септима, известно мало, многие полагают, что Клинки в это время продолжили искать и оберегать тех, кто, по их мнению, был Драконорождённым либо мог стать таковым.

И, наконец, мы подошли к вопросу о том, что на самом деле значит быть Драконорождённым. Связь с драконами столь очевидна, что о ней практически забыли — в наши дни, когда драконы остались лишь в далеких воспоминаниях, мы забываем, что в прежние времена быть Драконорождённым означало обладать “драконьей кровью”. Некоторые ученые считают, что это понималось в буквальном смысле, хотя точное значение остается неизвестным. Норды рассказывают о Драконорождённых героях, которые прославились как убийцы драконов и были способны заирать силу убитых ими драконов. Доподлинно известно, что акавирыцы охотились на драконов и убили немалое их число в ходе вторжения. Есть также свидетельства, что они продолжили это и после того, как стали Драконьей стражей Ремана Сиродила (и здесь параллель с драконами) — прямой предшественницей нынешних Клинков.

В завершение я помещаю здесь “Пророчество о Драконорождённом”. Зачастую утверждают, что оно происходит из Древнего свитка, хотя иногда его также приписывают древним акавирам. Многие пытались его истолковать, и многие также полагали, что указанные в нём предзнаменования уже свершились и следует ожидать скорого прихода “Последнего Драконорождённого”. Я не притязаю на роль толкователя пророчества, однако замечу, что оно определенно дает понять, что истинное значение дара Акатоша человечеству ещё лишь предстоит полностью узнать.

Когда воцарятся беспорядки в восьми частях света
 Когда Медная Башня пойдёт и Время преобразится
 Когда триблагие падут и Красная Башня содрогнется
 Когда Драконорождённый Государь утратит свой престол и Белая Башня падет
 Когда на Снежную Башню придут раскол, бесцарствие и кровопролитие
 Проснется Пожиратель Мира, и Колесо повернется на Последнем Драконорождённом.

Война драконов

Автор: Торхал Бьорик

В Меретическую эру, когда Исграмор впервые ступил на землю Тамриэля, его люди принесли с собой веру, почитавшую богов-животных. Ряд ученых полагают, что эти первобытные люди на самом деле почитали известных нам божеств, лишь в форме тотемных животных. Они обожествляли ястреба, змею, мотылька, сову, кита, медведя, лису и дракона. Время от времени эти каменные тотемы, ныне сломанные, попадаются в самых отдаленных уголках Скайрима.

Главным среди всех животных был дракон. На древнем языке нордов его называли "дра-гкон". Иногда также употреблялся термин "дов-ра", но из какого он языка и какова его этимология — неизвестно. Никому не было дозволено произносить эти имена, кроме драконьих жрецов. Для почитания и умилоствления драконов воздвигались великие храмы. Многие из них дошли до наших времен как древние руины, населенные драуграми и неупокоенными драконьими жрецами.

Драконы охотно приняли на себя роль людских богов-королей. В конце концов, не были ли они созданы по образу самого Акатоша? Не превосходили ли они во всех отношениях толпы маленьких мягкотелых существ, которые им поклонялись? Для драконов власть равнялась правде. У них была власть, а значит правда на их стороне. Драконы предоставили драконьим жрецам небольшую часть своей власти в обмен на абсолютное повиновение. Драконьи жрецы, в свою очередь, правили людьми наравне с королями. Драконам, разумеется, не было дела до того, чтобы собственно править.

В Атноре, откуда пришел Исграмор со своими людьми, драконьи жрецы собирали дань, устанавливали законы и определяли устои жизни, благодаря чему между драконами и людьми сохранялся мир. В Тамриэле они стали куда менее милостивы. Неизвестно, что стало причиной — властолюбивый драконий жрец, кто-то из драконов или же ряд слабых королей. Как бы там ни было, драконьи жрецы стали править железной рукой, низведя остальное население практически до уровня рабов.

Когда народ поднялся на восстание, драконьи жрецы ответили репрессиями. Когда же драконьи жрецы уже не могли собирать дань и контролировать народные массы, драконы отреагировали быстро и жестоко. Так началась Драконья война.

Поначалу люди гибли тысячами. В древних текстах говорится, что несколько драконов встали на сторону людей. Неизвестно, почему они так поступили. Жрецы Деяти божеств заявляют, что сам Акатош вмешался в происходящее. Эти драконы научили людей магии, с помощью которой те могли дать отпор в неравной схватке. Положение стало меняться, и драконы тоже стали погибать.

Война была долгой и кровопролитной. Драконьих жрецов свергли, а драконов массово уничтожали. Выжившие драконы пустились в бег и избрали жизнь изгоев вдали от людей. Сам же культ драконов приспособился и выжил. Адепты построили драконьи курганы, в которых захоронили останки погибших в ходе войны драконов. Согласно их верованиям, придет день, когда драконы поднимутся вновь и вознаградят верных.

Олаф и дракон

Автор: Адонато Леотелли

Одна из самых красочных легенд нордского фольклора — история об Олафе Од-ноглазом и Нуминексе.

Давным-давно, во времена Первой эры, ужасный дракон по имени Нуминекс держал в страхе весь Скайрим. Это чудовищное создание опустошало целые деревни, сжигало города и удивало нордов без счета. Казалось, никакая сила в Там-риэле не способна остановить дракона.

Это было тяжелое время в истории Скайрима. Между владениями разгорелась суровая война за престолонаследие. Возможно, ярлам и удалось бы справиться с чудовищем, если бы они объединили усилия, но доверия между ними, к несчастью, не наблюдалось.

Умелый воин по имени Олаф вызвался победить дракона. В одних хрониках его называют ярлом Вайтрана. По другой версии, Олаф обещал жителям Вайтрана поимать чудовище, если они выберут его ярлом.

Как бы то ни было, Олаф с горсткой самых верных своих воинов отправился на поиски дракона, в конечном счете отыскав Нуминекса в его логове на вершине горы Атор. Что и говорить, битва была достойна легенд.

Сперва Олаф вышел против дракона, вооруженный топором и щитом. В некоторых вариациях легенды говорится, что Олаф и дракон сражались несколько дней, но были примерно равны по силе и никак не могли добиться перевеса в схватке.

Большинство преданий сходится в том, что Олаф, возможно, разозленный тем, что его оружие совершенно бесполезно в бою с драконом, в конце концов отбросил топор и щит в сторону. Наполнив голос горевшей в нем яростью, Олаф издал чудовищный крик.

В этом месте легенды снова расходятся. В большинстве вариантов указывается, что Олаф не знал о своем даре — владении драконьей речью. Другие же повествуют о том, что он давно уже обладал этим даром, но сперва хотел проверить свои силы, сразившись с драконом при помощи верной стали.

Впрочем, практически все варианты легенды сходятся в описании дальнейших событий. Нуминекс и Олаф вступили в невероятную словесную дуэль на вершине горы Атор, обрушив друг на друга удивительную мощь языка драконов.

Наконец Нуминекс упал без сил от ран и усталости. После чего — весьма примечательно, что эта часть отсутствует во всех без исключения версиях легенды — Олаф как-то доставил дракона в Вайтран.

Увидев плененное чудовище, жители Вайтрана были потрясены. Они построили огромную каменную темницу в задней части дворца, назвав ее “Драконий Предел”. Там Нуминекс и окончил свои дни.

Сам же Олаф в конце концов стал верховным королем Скайрима, положив конец войне за престолонаследие. По-видимому, его выдающийся поступок сделал его единственным достойным претендентом на трон в глазах всех жителей страны. В Скайрime вновь воцарился мир.

Как путешественник, прибывший в Скайрим, я нахожу эту легенду крайне увлекательной. Ведь это рассказ об исключительном героизме, где умелый и достойный норд сражается с действительно ужасным противником и выходит из схватки победителем, перебив врага и заставив его повиноваться. Трудно представить себе сказ, который еще точнее соответствовал бы норд-

скому духу — разве что если бы Олаф победил Нуминекса в состязании на то, кто больше выпьет.

Конечно, не обошлось без тех, кто сомневался в правдивости этой истории. Бард Свакнир, современник Олафа, написал и публично исполнял песнь, в которой оспаривал официальную версию событий на горе Атор. Разгневанный Олаф, к тому времени уже король, бросил мятежного барда в темницу и приказал уничтожить все экземпляры песни.

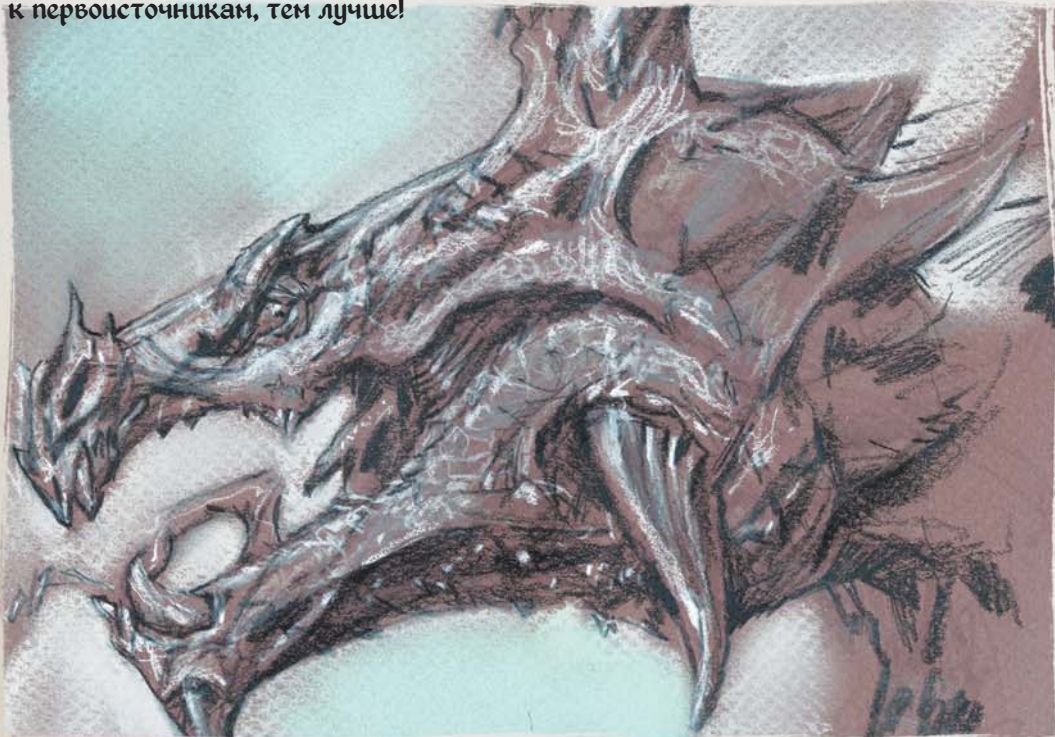
О, как бы мне хотелось ознакомиться с ней! Признаюсь, мне безумно интересно почитать предположения Свакнира о том, как на самом деле Олаф победил Нуминекса.

Возможно, ответ на этот вопрос содержится в паре древних бардовских текстов. Там высказывается мысль о том, что Нуминекс отличался такой злобой потому, что был уже очень стар. По этой версии, дракон под конец жизни несколько лет терроризировал страну, а затем улетел на вершину горы Атор, чтобы спокойно умереть.

Когда Олаф обнаружил Нуминекса, тот был уже слишком слаб, чтобы защищаться. Олаф и его люди без труда пленили чудовище, но решили воспользоваться ситуацией и выдумали героическую легенду о своей победе над драконом. Нелишним будет заметить, что все те, кто сопровождал Олафа в походе против дракона и видел дуэль криков своими глазами, во время правления верховного короля Олафа заняли высокие посты.

С другой стороны, настолько же вероятно, что Свакнир по каким-то своим причинам имел зуб на Олафа и написал клеветническую песнь, чтобы опорочить короля. Увы, этого мы уже никогда не узнаем.

Напоследок, любезный читатель, позволю себе напомнить: хороший историк должен всегда быть беспристрастным и рассматривать все точки зрения. Время склонно искажать изложение событий, так что чем ближе удастся подобраться к первоисточникам, тем лучше!

Там водятся драконы

Автор: Торхал Бьорик

Драконов не видели в Тамриэле со времен Тайбера Септима. Он заключил договор с последними оставшимися драконами, поклявшись защищать их, если те будут ему служить. Несмотря на это обещание, драконов по-прежнему преследовали и убивали. До конца не ясно, сбежали ли последние из них из Тамриэля или их всех истребили.

Не существует достоверной информации о том, как появились драконы. По словам дреморы, “опрошенного” в Лиге Шепотов, они просто были и есть. Вечные, бессмертные, неизменные и непреклонные. Они не рождаются и не вылупляются из яиц. Они не спариваются и не приносят потомства. Пока что никто не обнаруживал драконьих яиц или детенышей дракона. В регионе залива Илиак ходили слухи о подобной находке, но они оказались ложными. Найденные яйца опознали как яйца других рептилий. Маленькие дракончики были лишь необычайно крупными ящерами и не имели ничего общего с настоящими драконами.

Хотя они и не рождаются, драконы могут умереть. В ходе Драконьей войны их истребили практически поголовно. Акавирские захватчики конца Первой эры, согласно рассказам, охотились на них и убивали без счета, до и после того, как они стали служить императору Реману. Некоторые источники утверждают, что акавиры знали убивающие драконов заклинания. Согласно иным, те устраивали хитрые западни. В одной из историй даже говорится о редком яде.

Огненное дыхание повсеместно признается самым страшным оружием дракона. Поскольку они могли летать над всеми, низвергая смертельные потоки огня, при охоте на них нельзя было обойтись без лучников и волшебников. Мало известен тот факт, что некоторые драконы могли дышать потоком ледящего мороза. Как сообщается, драконы могли обладать одной из этих способностей, но не двумя сразу.

Большинство людей считают драконов обычными зверями. Однако логика подсказывает, что они как минимум должны были владеть речью, чтобы Тайбер Септим мог с ними договориться. И действительно, из исторических записей вполне очевидно, что драконы были весьма разумными существами. У них был свой язык, но они также могли разговаривать на языках людей и эльфов.

В записях о Ремановых охотах сообщается о драконах, которые могли дышать или плевать огнем. В недавно обнаруженных источниках также описываются драконы, исторгавшие леденящие потоки холода. В некоторых более фантастических рассказах они призывают бури и даже останавливают время. Подобное следует воспринимать не более как мифы и сказки. Но даже без своего самого страшного оружия эти противники, обладая практически непробиваемой шкурой, когтями и клыками прочнее гранита, не могли не внушать ужас.

Неизвестно, когда был убит последний дракон. Похоже, что оставшиеся представители их вида исчезли все разом. В иных рассказах говорится о короле драконов, который поглотил их всех, не желая отдавать на растерзание людям. Согласно одной еще менее правдоподобной истории, Тайбер Септим впил их сущности при достижении божественности. Хотя точная причина неизвестна, их всех больше нет. Ни одного дракона не видели на протяжении веков. Известно несколько примеров костей драконов, сросшихся от древности с камнями и скалами. Их как раз хватает на то, чтобы не подвергать истории сомнению.

Падение Азидала

Автор: Халунд Серый Плащ

В незапамятные времена, когда первые люди только ступили на землю Скайрима, в городе Саартал жил великий маг. Когда он был мальчишкой, его дар к магическим искусствам поражал учителей. Когда он вырос, то превзошёл их всех. Не найдя среди своих сородичей достойных учителей, он покинул жену и ребёнка и отправился к эльфийским волшебникам.

Прошёл год, затем второй и третий. Когда он наконец вернулся в Саартал, то нашёл лишь руины. Эльфы разорили город, а все жители погибли или пропали. Среди пепла, на дымящихся развалинах родного дома, он дал клятву мести. И отсюда пошло имя, которое ему дали легенды: Азидал, ожесточённый разрушитель.

Один, он не мог сделать ничего. И тогда он понял, что время ещё не пришло, и погрузился в своё искусство глубже, чем кто-либо до него. От двимеров он научился семи природам металлов и тому, как их гармонизировать. От айлейдов узнал о древних рунах и магии рассвета, которую даже эльфы стали забывать. Он путешествовал к фалмерам, каймерам, альтмерам, беря от всех лучшее, а сам тем временем думая, как сможет обернуть против них полученные знания.

В некий момент до него дошли разговоры об Исграморе и его Соратниках, только что прибывших из Атморы. Три дня и три ночи он ехал на север и встретил их, когда они высадились на покрытый льдом берег близ руин Саартала, которые эльфы, ожидая их, превратили в крепость. Он предложил Соратникам свою помощь и всё, что создал за годы трудов. И тогда атморанская сталь впитала его чары, эльфы пали перед ними, и месть была свершена.

Но он не испытал удовлетворения. Его искусство стало его жизнью, и жажда нового всё ещё снедала его, заставляя углубляться в магию всё более. В итоге он опустошил сокровищницу эльфов, но этого было ему недостаточно. Он искал секреты драконьих рун и заслужил место среди их верховных жрецов, но и этого ему не хватило. В конце концов он обратил взор к измерениям Обливиона и нашёл там силу, и безумие.

Некоторые говорят, что однажды он отправился туда, чтобы никогда не вернуться. Другие — что его предали его же товарищи, драконьи жрецы, и то ли убили, то ли заставили затаиться в руинах под его любимым Саарталом. Скаалы Солстхейма считают, что он бежал на их остров и был заточён в глубинах кургана Колдборн вместе с последними из его творений.

Но всё это легенда, популярная среди бардов Винтерхолда. Какова бы ни была правда, история об Азидале содержит важное предупреждение: в погоне за совершенством нельзя допустить, чтобы целью стала сама погоня.

Дихотомия Алдуин-Акатош

Автор: Алексондр Симон
Верховный жрец Часовни Акатоша, Вэйрест

Книга седьмая за 2920 г.
Последний год Первой эры

Как Верховный жрец Часовни Акатоша я посвятил свою жизнь служению Великому Дракону. Первому из всех в Начале Начал. Величайшему и сильнейшему из всех богов. Тому, кто воплощает собой саму вечность.

Весьма очевидно, что я — человек глубоко верующий, и убеждения мои стойки. При этом же вера моя не слепа, ибо мне не чужды и научные изыскания — я всегда ценил и получение нового знания, и поиски истины, во всех формах. И мне выпала великая честь и удивительная привилегия сделать делом всей своей жизни поиск истины о нашем возлюбленном боге Акатоше, о каждом из всех его проявлений.

По всему цивилизованному миру (а к нему я отношу не только Империю, но и все народы огромного Нирна, принявшие добродетели науки и письма) поклоняются Великому Дракону. Обычно величайшего из всех богов называют Акатошем. Но не всем может быть известно, что иногда его называют и двумя другими именами.

Альдмеры зовут Акатоша Аури-Эл. У нордов же он известен как Алдуин. Эти имена постоянно встречаются в древних текстах, и по их прочтении становится очевидно, что речь в них идет о той же божественной сущности, которую мы называем Акатошем.

Однако даже в наш просвещенный век встречаются те, кто считает иначе. Они верят, что местные вариации имени Акатоша — вовсе не вариации, а имена совсем других божеств, чьи аспекты совпадают с аспектами Акатоша лишь частично или даже полностью от них отличаются.

Многие альтмеры на островах Саммерсет поклоняются Аури-Элу, что является душой Ануи-Эла, который, в свою очередь, представляет собой душу Ану Всего Сущего. Но если расспросить самих высоких эльфов (как сделал это я, отправившись на Саммерсет, дабы продолжить свое исследование), большая часть из них признают, что Аури-Эл — это все же Акатош, пусть и под другими именем, которое лишь передает их культурную традицию.

Поэтому, полагаю, не вызовет большого удивления тот факт, что реальные теологические разночтения проявляются в Скайрине — среди нордов, известных не только отвагой и героизмом на полях сражений, но и упрямством. Во время моего путешествия по этой суровой заснеженной провинции большим сюрпризом для меня стали встречи с людьми, чьи взгляды на Акатоша были диаметрально противоположны верованию альтмеров. Большинство нордов убеждены, что их легендарный Алдуин вовсе не Акатош, а совсем иная сущность. Да, великий дракон, но не великий Дракон.

Стремясь добраться до сути этого вопроса, я опросил нескольких нордов, во главе с пожилым и уважаемым главой клана, которого звали Бьорн Забрызганный Кровью. Что поразило меня в наших разговорах больше всего, так это то, что эти

норды верят не в Алдуина вместо Акатоша, а в Алдуина вместе с Акатошем. Оказывается, большинство жителей Скайрима видят Акатоша так же, как его вижу я — для них он Великий Дракон, Первый среди богов, синоним непоколебимости и, превыше всего, воплощение величайшего добра в этом мире.

А вот Алдуин, заявляют они, есть нечто совершенно иное.

Действительно ли он существо божественное или нет, остается вопросом, но Алдуин из нордского фольклора — это дракон, столь древний и столь могучий, что иногда его еще называют “Пожирателем мира”, а в некоторых источниках говорится о том, что он пожирает души мертвых, чтобы поддержать свои силы. В других легендах повествуется об Алдуине как о некоем верховном драконе, что объединил остальных и объявил войну всему человечеству, но в итоге был повержен одним или несколькими храбрыми героями.

Конечно, эти легенды не лишены определенной привлекательности. Но как Верховный Жрец и как ученый я не могу не задаться самым важным вопросом — где же доказательства?

Норды Скайрима высоко ценят свое устное народное творчество, но сама его природа как раз и внушает сомнения. Слух, пронесшийся над торговой площадью Вэйреста, за несколько часов может обрести такими подробностями и так исказиться, что к концу дня вполне можно заподозрить добрую половину жителей в том, что они вовлечены в десятки преступлений или ведут постыдную жизнь, и даже не одну. Как же в таком случае может образованный, просвещенный человек поверить в легенду, которая на протяжении сотен или даже тысяч лет передавалась лишь изустно?

Ответ на этот вопрос прост — не может.

Таким образом, я делаю вывод о том, что Алдуин из нордских легенд — на самом деле могучий Акатош, чья история исказилась и извратилась за годы пересказов и добавления новых деталей и подробностей, служащих украшением для любой легенды. Хотя и не по злому умыслу, но невежественные жители Скайрима не смогли постичь то добро и величие, что несет в себе Великий Дракон, и — как ни иронично — именно по невежеству совершили свое величайшее фольклорное изобретение: придумали “Алдуина”, Пожирателя мира, фантома из страшных сказок и злодея, победа над которым (пусть и выдуманная) возвеличила древних героев их народа.

Алдуин есть и он не Акатош

Автор: Тромгар Желензоголовый, гордый нордый

Мой папа всегда говорил — имперцы все идиоты! Поэтану я пишу эту книгу. Я не писал книгу раньше и не думаю что буду писать книги ищераз. Но иногда норд должен сказать и норд должен сделать. И я должен всенаписать правильно про бога Акатоша и дракона Алдуина. Они неодно и тоже, мне все равно что говорят имперцы или что они хотят чтобы это было так.

Мой папа никогда шибко недумал про богов, но мама да. Она молилася всем богам и научила мне многим вещам. Так что я знаю про Акатоша много. Уж не меньше чем имперцы. Я знаю что он первый бог который принял форму в Изначальном Месте. И я знаю что он в форме дракона.

Мой папа даже рассказывал мне о Мартыне Септуме и что случилось когда открылись ворота Обливиона. Септим стал духом Акатоша и убил Мерунесдагона. Незнаю как вам но мне нравится дракон который победил Принца Разрушения.

Теперь вы, надеюсь все панимаути. Акатош хороший. Все норды это знают и даже имперцы и прочие. А Алдуин разви хороший? Нет и есчо раз нет! Алдуин злой до мозгакастей. Ну и значытца нимогут Алдуин и Акатош быть одним и темже.

Я вырос в Скайриме и все эти рассказы знаю. Папа рассказывал мне, ему рассказывал его папа которому рассказывал его папа и еще дальше. И один из рассказов был про алдуина. Но он не Акатош. Он другой дракон, злой дракон.

Я думаю что Акатош какойто духовный дракон когда он вооше хочет быть драконом (а не богом который живет в месте с другими богами как Абливион). А Алдуин настоящий дракон с чешуей и зубами и хвостом длинее чем бе-

лая река. И было время когда Алдуин пытался захватить весь Скайрим с другими драконами. Но магические герои его всетаки убили, Алдуина и его вся история закончилась.

Ну я спрашиваю — это что, похоже на Акатоша? Нет, друзья. Это непохоже.

И поэтому я Тромгар Железноголовый твердо говорю что, со всею убежденностью, что Алдуин есть и он не Акатош!!

Драконий язык: больше не миф

Автор: Хела Трижды Искусная

Дракон. Одно лишь слово вызывает перед глазами кошмарные картины: померкшие небеса, чудовищный рев, неиссякаемое пламя. И не зря, ибо в прежние времена драконы были чудовищными созданиями, многочисленными и смертоносными.

Однако большинство нордов не знает, что на самом деле драконы не были примитивными и неразумными существами. Нет, они обладали развитой и процветающей культурой, направленной на уничтожение либо поработение всех недраконных народов, обитающих в мире.

Таким образом, логично предположить, что у драконов должен быть способ общения друг с другом. Что они могут разговаривать. И многочисленные исследования ученых подтверждают, что именно это драконы и делали. Ибо могучий рев этих тварей, даже когда он источал огонь, холод или иную смертоносную магию, нес в себе и нечто большее — это были слова. Слова древнего, но постижимого языка.

Чепуха, скажете вы? Чистая придурь чересчур рьяных ученых? Я подумала именно так. Но затем до меня начали доходить слухи. Обрывки беседы с отважным искателем или жадным до золота расхитителем гробниц. И всегда, всегда повторялось одно и то же слово: Стена.

И я стала прислушиваться. Я стала расставлять по местам кусочки головоломки и постепенно приближаться к разгадке тайны.

В разбросанных по всему Скайриму древних подземельях, захоронениях и иных потаенных местах имеются особые стены. Черные и зловещие стены, на которых начертаны письмена столь древние и неизведанные, что те, кто находил их, не смогли даже подступиться к их переводу.

Здесь сердце подсказало мне истину: это и есть подтверждение, что драконий язык существует! Разве это могло быть чем-либо иным? Единственное логическое объяснение — в том, что эти стены возвели древние норды, норды, жившие в эпоху драконов и каким-то образом, из страха или из почтения, научившиеся языку древних чудовищ и использовавшие его.

Но на тот момент это было лишь моим глубинным предчувствием. Мне нужны были доказательства. Так началось приключение всей моей жизни. Оно заняло 17 месяцев и забрало жизни трех храбрых проводников и двух наемных телохранителей. Но я стараюсь не томить себя мрачными мыслями, ибо мои поиски увенчались таким успехом, что любые испытания были оправданы.

За время своих странствий я обнаружила множество древних стен, и все мои предположения подтвердились.

Увиденное наводило на мысль, что древние норды подражали письменности живших в старину драконов, поскольку знаки этого письма напоминали отметины когтей, или насечки. Нетрудно представить себе, как величественный дракон бороздит камень символами, нанося их своими огромными и острыми когтями. А че-

ловец — возможно, раб или прислужник — наблюдает и учится, чтобы впоследствии использовать этот язык для собственных нужд.

Осматривая найденные стены, я заметила в некоторых словах кое-что необычное. Они словно пульсировали какой-то силой, неизвестной энергией, которой мог бы овладеть читающий их, если бы проник в их загадку. Звучит абсурдно, согласна, но если бы вы сами стояли у этих стен, видели их черноту, чувствовали их силу — вы бы поняли, о чем я говорю.

К счастью, даже будучи замороженной, я смогла сохранить достаточно рассудка, чтобы записать увиденные мною знаки. И пока я этим занималась, я стала замечать некую систему в языке — систему, благодаря которой я могла расшифровать написанное.

К примеру, вот один из переписанных мною фрагментов:

וְהָיָה כִּי יִשְׁכַּח אֶת-הָאֱלֹהִים וְיִשְׁכַּח אֶת-הָאֱלֹהִים וְיִשְׁכַּח אֶת-הָאֱלֹהִים
וְיִשְׁכַּח אֶת-הָאֱלֹהִים וְיִשְׁכַּח אֶת-הָאֱלֹהִים וְיִשְׁכַּח אֶת-הָאֱלֹהִים
וְיִשְׁכַּח אֶת-הָאֱלֹהִים וְיִשְׁכַּח אֶת-הָאֱלֹהִים וְיִשְׁכַּח אֶת-הָאֱלֹהִים

Когда я перевела эти насечки в буквы тамриэльского алфавита, я получила следующий текст:

Хет нок Ингнавар Гаф Кодав, уо дрей Ыа морон ау Фрод до Кросис, нуз синон сив динок арк дукан.

Что в переводе на тамриэльский означает:

Здесь лежит Ингнавар Призрачный Медведь, что Искал славы на Скорбном Поле битвы, но нашел лишь смерть и бесчестье.

Позже в другой гробнице я нашла стену со следующей надписью:

וְהָיָה כִּי יִשְׁכַּח אֶת-הָאֱלֹהִים וְיִשְׁכַּח אֶת-הָאֱלֹהִים וְיִשְׁכַּח אֶת-הָאֱלֹהִים
וְיִשְׁכַּח אֶת-הָאֱלֹהִים וְיִשְׁכַּח אֶת-הָאֱלֹהִים וְיִשְׁכַּח אֶת-הָאֱלֹהִים
וְיִשְׁכַּח אֶת-הָאֱלֹהִים וְיִשְׁכַּח אֶת-הָאֱלֹהִים וְיִשְׁכַּח אֶת-הָאֱלֹהִים

Которую можно записать как:

Хет нок копран до Ыглиф Ыз Сош, уо гринд ок облан ни ко морокеи вукеин, нус аст мунакс хальвут до лив красар.

И в конечном переводе на тамриэльский это значит:

Здесь лежит тело Ыглифа Хладнокровного, что встретил свою кончину не в славной битве, но от коварного прикосновения губительной хвори.

И здесь мы видим систему. Повторяющиеся слова “здесь лежит”, которые могут означать лишь одно: эти стены отмечают сами места древненордских захоронений.

Можете представить, как трудно мне было сдержать свое возбуждение. Все вставало на свои места. Древние норды использовали драконий язык на этих стенах с вполне определенными целями. Очевидно, одна из них — отметить могилу

ДРАКОНЫ

некоего значимого лица. Но какие еще? Были ли это только могилы, или они были предназначены для чего-то еще?

Я решила выяснить это, и мои усилия были вознаграждены по достоинству. Вот что я обнаружила.

Следующий фрагмент:

1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. 12. 13. 14. 15. 16. 17. 18. 19. 20. 21. 22. 23. 24. 25. 26. 27. 28. 29. 30. 31. 32. 33. 34. 35. 36. 37. 38. 39. 40. 41. 42. 43. 44. 45. 46. 47. 48. 49. 50. 51. 52. 53. 54. 55. 56. 57. 58. 59. 60. 61. 62. 63. 64. 65. 66. 67. 68. 69. 70. 71. 72. 73. 74. 75. 76. 77. 78. 79. 80. 81. 82. 83. 84. 85. 86. 87. 88. 89. 90. 91. 92. 93. 94. 95. 96. 97. 98. 99. 100. 101. 102. 103. 104. 105. 106. 107. 108. 109. 110. 111. 112. 113. 114. 115. 116. 117. 118. 119. 120. 121. 122. 123. 124. 125. 126. 127. 128. 129. 130. 131. 132. 133. 134. 135. 136. 137. 138. 139. 140. 141. 142. 143. 144. 145. 146. 147. 148. 149. 150. 151. 152. 153. 154. 155. 156. 157. 158. 159. 160. 161. 162. 163. 164. 165. 166. 167. 168. 169. 170. 171. 172. 173. 174. 175. 176. 177. 178. 179. 180. 181. 182. 183. 184. 185. 186. 187. 188. 189. 190. 191. 192. 193. 194. 195. 196. 197. 198. 199. 200. 201. 202. 203. 204. 205. 206. 207. 208. 209. 210. 211. 212. 213. 214. 215. 216. 217. 218. 219. 220. 221. 222. 223. 224. 225. 226. 227. 228. 229. 230. 231. 232. 233. 234. 235. 236. 237. 238. 239. 240. 241. 242. 243. 244. 245. 246. 247. 248. 249. 250. 251. 252. 253. 254. 255. 256. 257. 258. 259. 260. 261. 262. 263. 264. 265. 266. 267. 268. 269. 270. 271. 272. 273. 274. 275. 276. 277. 278. 279. 280. 281. 282. 283. 284. 285. 286. 287. 288. 289. 290. 291. 292. 293. 294. 295. 296. 297. 298. 299. 300. 301. 302. 303. 304. 305. 306. 307. 308. 309. 310. 311. 312. 313. 314. 315. 316. 317. 318. 319. 320. 321. 322. 323. 324. 325. 326. 327. 328. 329. 330. 331. 332. 333. 334. 335. 336. 337. 338. 339. 340. 341. 342. 343. 344. 345. 346. 347. 348. 349. 350. 351. 352. 353. 354. 355. 356. 357. 358. 359. 360. 361. 362. 363. 364. 365. 366. 367. 368. 369. 370. 371. 372. 373. 374. 375. 376. 377. 378. 379. 380. 381. 382. 383. 384. 385. 386. 387. 388. 389. 390. 391. 392. 393. 394. 395. 396. 397. 398. 399. 400. 401. 402. 403. 404. 405. 406. 407. 408. 409. 410. 411. 412. 413. 414. 415. 416. 417. 418. 419. 420. 421. 422. 423. 424. 425. 426. 427. 428. 429. 430. 431. 432. 433. 434. 435. 436. 437. 438. 439. 440. 441. 442. 443. 444. 445. 446. 447. 448. 449. 450. 451. 452. 453. 454. 455. 456. 457. 458. 459. 460. 461. 462. 463. 464. 465. 466. 467. 468. 469. 470. 471. 472. 473. 474. 475. 476. 477. 478. 479. 480. 481. 482. 483. 484. 485. 486. 487. 488. 489. 490. 491. 492. 493. 494. 495. 496. 497. 498. 499. 500. 501. 502. 503. 504. 505. 506. 507. 508. 509. 510. 511. 512. 513. 514. 515. 516. 517. 518. 519. 520. 521. 522. 523. 524. 525. 526. 527. 528. 529. 530. 531. 532. 533. 534. 535. 536. 537. 538. 539. 540. 541. 542. 543. 544. 545. 546. 547. 548. 549. 550. 551. 552. 553. 554. 555. 556. 557. 558. 559. 560. 561. 562. 563. 564. 565. 566. 567. 568. 569. 570. 571. 572. 573. 574. 575. 576. 577. 578. 579. 580. 581. 582. 583. 584. 585. 586. 587. 588. 589. 590. 591. 592. 593. 594. 595. 596. 597. 598. 599. 600. 601. 602. 603. 604. 605. 606. 607. 608. 609. 610. 611. 612. 613. 614. 615. 616. 617. 618. 619. 620. 621. 622. 623. 624. 625. 626. 627. 628. 629. 630. 631. 632. 633. 634. 635. 636. 637. 638. 639. 640. 641. 642. 643. 644. 645. 646. 647. 648. 649. 650. 651. 652. 653. 654. 655. 656. 657. 658. 659. 660. 661. 662. 663. 664. 665. 666. 667. 668. 669. 670. 671. 672. 673. 674. 675. 676. 677. 678. 679. 680. 681. 682. 683. 684. 685. 686. 687. 688. 689. 690. 691. 692. 693. 694. 695. 696. 697. 698. 699. 700. 701. 702. 703. 704. 705. 706. 707. 708. 709. 710. 711. 712. 713. 714. 715. 716. 717. 718. 719. 720. 721. 722. 723. 724. 725. 726. 727. 728. 729. 730. 731. 732. 733. 734. 735. 736. 737. 738. 739. 740. 741. 742. 743. 744. 745. 746. 747. 748. 749. 750. 751. 752. 753. 754. 755. 756. 757. 758. 759. 760. 761. 762. 763. 764. 765. 766. 767. 768. 769. 770. 771. 772. 773. 774. 775. 776. 777. 778. 779. 780. 781. 782. 783. 784. 785. 786. 787. 788. 789. 790. 791. 792. 793. 794. 795. 796. 797. 798. 799. 800. 801. 802. 803. 804. 805. 806. 807. 808. 809. 810. 811. 812. 813. 814. 815. 816. 817. 818. 819. 820. 821. 822. 823. 824. 825. 826. 827. 828. 829. 830. 831. 832. 833. 834. 835. 836. 837. 838. 839. 840.

Можно записать как:

Хет ма тародис тафир Скорьи Лун Синак, уен клов говей наль риник хакун рок тогат ца гарот.

Что на тамриэльском означает:

Здесь пал коварный тать Скорыи Жадные Пальцы, чью голову снес тот самый топор, коий он пытался украсть.

Итак, здесь мы видим стену, которая отмечает место смерти некоего значимого древнего народа.

Следующий фрагмент:

[illegible]

Записывается как:

Кветсегол варукив даник Фалил кир до Гравун Фрод, уо довуль ко Мар нол кин-зон закрий до крузик хокорон.

Что на тамриэльском означает:

Этот камень поставлен в память о злосчастных эльфийских детях с Осеннего поля, что бежали в Страхе от острых мечей древнего врага.

По-видимому, данная стена стоит в память о каком-то древнем и давно забытом событии из истории Тамриэля. Произошло ли это событие на том месте, где стоит стена, или рядом с ним, мы, наверно, уже никогда не узнаем.

Ну и, наконец, данная надпись:

[illegible]

ХРОНИКИ

Которую можно записать как:

Аеса уалан гетсегол бринахи варукт, Тохилд фин Тор, уен смолин аг фрин ол Сакво Хеим.

Что на тамриэльском означает:

Аеса поставила этот камень в честь своей сестры, Тохилд Пекло, чья страсть горела огнем, точно Красная Кузня.

Эта стена (а таковых я обнаружила немало) была заказана или воздвигнута конкретным лицом в честь значимого для нее человека. Почему именно в этом месте? Имело ли оно некую важность для умершей? Или это само место ее смерти? И в этот раз, похоже, ответы затерялись во времени и никогда не станут известны.

Как видите, древний язык драконов уже воистину больше не миф. Он существовал. Более того, он по-прежнему существует и, пожалуй, будет существовать до скончания века благодаря древним нордам и воздвигнутым ими многочисленным "стенам слов".

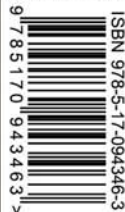
Но не надо полагаться лишь на мои слова. Стены стоят в опасных и потаенных уголках Скайрима и ждут, когда их обнаружат. Они служат мостом между миром древних нордов и нашим. Может, драконы больше и не вернуться в наш мир, однако теперь мы можем лучше понять их.

И, возможно, придет, придет день, когда мы даже откроем загадочную и неизвестную силу, сокрытую в этих словах.

www.ast.ru

«Говорят, Скайрим – одно из самых опасных мест в Тамриэле. Думаю, это не так. Он прекрасен, и я счастлива, что это – мой дом». – *Мьол Лъвица*

Путеводитель по миру «The Elder Scrolls V: Skyrim» расскажет об истории и обычаях одной из самых северных провинций Тамриэля – Скайрима. Разумеется, этот варварский и неотесанный край не отличается гостеприимством, но его хроники наполнены дикой и жестокой красотой – здесь вас ждут старые легенды о древних богах и правителях и вдохновляющие истории о героях, рассказы о похотливых аргонианских девах и хитрых каджитах, – необходимо лишь иметь достаточно воли, чтобы прочесть их, и достаточно вкуса, чтобы оценить их по достоинству.